Иван Просветов

10 ЖИЗНЕЙ ВАСИЛИЯ ЯНА

Белогвардеец, которого наградил Сталин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга – первая достоверная биография одного из самых популярных советских писателей-историков. Василию Яну было что скрывать: бывший дворянин, доверенное лицо царского МВД, МИД и военной разведки, редактор белогвардейской газеты «Вперед». Судьба много раз испытывала его на прочность, отнимая близких людей и разрушая замыслы. «Жизнь [моя] – длинная сказка, – говорил о себе Ян. – Приносила она много и трагических глав, приносила столько же радостей». А сказки, как известно, бывают разные.

- 10 жизней Василия Яна
  -
  - Предисловие
  - Глава 1. Колесо с крючком
    -
    -
    -
    -
  - Глава 2. Особые поручения
    -
    -
    -
    -
    -
  - Глава 3. Война и мир
    -
    -
    -
    -
    -
  - Глава 4. Газета, гимназия, Азия
    -
    -
    -
    -
    -
    -
    -
  - Глава 5. Орден для корреспондента
    -
    -

- Глава 6. Белое пятно

- Глава 7. Гражданин Страны Советов

- Глава 8. Стрелы Чингиз-хана

- Глава 9. Сталинская премия

- Глава 10. К последнему морю

10 жизней Василия Яна
Белогвардеец, которого наградил Сталин
Иван Просветов

© Иван Просветов, 2016

ISBN 978-5-4483-5394-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Сталин положил перед собой список кандидатов. Читал медленно, внимательно, против некоторых фамилий красным карандашом ставил «галочки». И вдруг чуть нахмурился.

– Кто такой этот Ян-Янчевецкий?

– Литератор, бывший финансовый служащий, – без заминки пояснил Фадеев. – «Чингиз-хан» – его первый роман. До того сочинял рассказы и повести.

– Роман хороший?

– Говорят, в библиотеках даже записывались в очередь, чтобы почитать. Ян пишет трилогию о монгольском нашествии и борьбе народов за свободу и независимость. Мне кажется, это одно из наиболее выдающихся явлений советской литературы последних лет.

– Он состоит в Союзе писателей?

– Да, приняли в июле 1941-го.

– Что так поздно?

– Он и писать-то начал поздно – когда уволился со службы по состоянию здоровья.

– А сколько ему сейчас?

– Шестьдесят семь, если не ошибаюсь.

Сталин задумался на считанные секунды.

– Хорошо. Дайте ему. Другие еще успеют…

Этот эпизод – не выдумка, я лишь вообразил детали. О резолюции Сталина рассказывал в своем интервью Михаил Янчевецкий, сын Василия Яна (вероятно, он слышал о ней от отца, а тот – от Фадеева, с которым был в добрых отношениях).

Что сказал бы великий вождь, если бы узнал, что премию первой степени по литературе он присудил бывшему дворянину, доверенному лицу царского МВД, МИД и военной разведки, редактору белогвардейской газеты «Вперед», начальнику Осведомительного отделения Особой канцелярии штаба Колчака? Но подлинную биографию Василия Григорьевича Янчевецкого знали очень немногие люди. Никто не выдал, не проговорился.

В автобиографии Ян писал, что по окончании университета он странствовал по России, публиковал путевые заметки. Потом три года провел в Средней Азии в путешествиях с научными целями. Был корреспондентом на Русско-японской войне. Преподавал в столичной гимназии. Снова работал корреспондентом телеграфного агентства – в Турции, а с началом империалистической войны в Румынии. «Весной 1918 года

вернулся в Россию, попал в Сибирь, бежал от колчаковской мобилизации интеллигенции в Минусинск, где в 1922 году было организатором газеты «Власть труда». «На родине начинались трудные и великие годы строительства новой жизни, – объяснял он в другом, расширенном варианте. – Люди были нужны во всех отраслях, и я пребывал лектором, преподавателем в сельской школе, редактором газеты, драматургом и режиссером нового театра…» [1]. Все это было. Но были еще и секретные задания на время поездок в Персию, Турцию и Румынию. Два ордена за заслуги. Возвращение на родину для борьбы с большевизмом, и не бегство от мобилизации, а погоны полковника Белой армии. Случайное спасение от расстрела красными партизанами. И затем – решение остаться в Советской России, по возможности забыть о прошлом, попытаться осознать и принять советскую власть и заниматься творчеством.

Все, что читателям было известно об авторе «Финикийского корабля», «Огней на курганах» и романов о нашествии монголов, умещалось в короткой справке на страничку в переиздании «Чингиз-хана» 1947 года. Первый биографический очерк о Яне сочинил в 1960 году Лев Разгон – он рассказал некоторые подробности дореволюционной жизни писателя и его творчества в советское время. Потом журнал «Ашхабад» напечатал, хотя и в сокращенном виде, воспоминания Яна «Голубые дали Азии», сохраненные его сыном. Рукопись «Поиски Зеленого клина» (детские и юношеские годы, странствия по России) издать не удалось – отклонил рецензент «Советского писателя». Но ее фрагменты в 1971—1972 годах были опубликованы в альманахах «Детская литература». Схематичная биографическая справка (родился – учился – путешествовал – служил – принял советскую власть – стал писателем) начала обретать красочные подробности.

В 1977 году издательство «Детская литература» выпустило книгу Михаила Янчевецкого «Писатель-историк Василий Ян» – настолько откровенную, насколько позволяло время. Михаил Васильевич поведал, как жизнь дарила отцу удивительные возможности и постоянно испытывала на прочность. Но почти ничего не сказал о его службе в интересах Российской империи. Основательно заретушировал то, что происходило в годы Гражданской войны. Оставил за границами станиц судьбу Дмитрия Янчевецкого – старшего брата Яна, погибшего в тюрьме НКВД. Умолчал, почему в 1948 году издательства отказались печатать последний роман лауреата Сталинской премии, а он на несколько лет разлучился с отцом (причиной был арест по доносу). Даже в комментариях к собранию сочинений Яна,

вышедшему в 1989 году, он не стал раскрывать семейные тайны.

Лишь в начале 2000-х Михаил Янчевецкий позволил себе некоторые откровения. Тогда же историки и литературоведы начали публиковать обнаруженные архивные и иные документальные материалы, связанные с Яном – будто пришло время закрыть белые пятна в биографии одного из самых популярных советских писателей [2]. Когда я подключился к этому процессу, оказалось, что изучено далеко не все доступное, и можно готовить новую книгу о создателе «Чингиз-хана». «Хаджи Рахим был искателем не благополучия, а необычайного, и на сердце его тлели горячие угли беспокойства», – так Ян говорил о любимом герое своей восточной трилогии. Таким же человеком был он сам. «Жизнь [моя] – длинная сказка, – писал он о себе в начале 1940-х. – Приносила она много и трагических глав, приносила столько же радостей» [3]. А сказки, как известно, бывают разные…

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Архив В. Г. Янчевецкого. – РГАЛИ, ф. 2822, оп. 1, д. 291, л. 5, 12.

2. Впервые документы, свидетельствующие о службе Яна у Колчака (докладная записка об издателе Янчевецком и приказ о назначении), были опубликованы в книге: Е.В.Луков, Д.Н.Шевелев. Осведомительный аппарат Белой Сибири: структура, функции, деятельность. – Томск, 2007.

3. РГАЛИ, ф. 2822, оп. 1, д. 291, л. 9.

Глава 1. Колесо с крючком

Пароход приближался к Красноводску. Щурясь от яркого солнца, Василий Григорьевич неотрывно смотрел на туркестанский берег. Там виднелись низкие беленые домики, пристань, портовые пакгаузы, очертания кораблей и над всем этим – безжизненные, мертвые горы. Янчевецкий знал, что они именно такие, хотя издали и кажутся воздушными, жемчужно-розовыми, манящими неизведанными загадками. Плывешь будто на край света. А далеко-далеко отсюда, в Петербурге, в уютной квартире осталась любимая жена на сносях. Но он, несомненно, успеет вернуться к рождению сына. Конечно же, у них будет сын… Василий Григорьевич запомнил, как тревожность в глазах Ольги, услышавшей о его решении ехать, сменилась согласием: она понимала, что муж не может отказаться от столь ответственного поручения. Хорошо, что в ожидании ребенка Ольга перестала читать газеты. Те сообщали: «во всей Персии анархия, участились разбои и грабежи». Опасности? Янчевецкий столько раз сталкивался с ними, что твердо уяснил: опасности могут подстерегать везде, главное – быть готовым к встрече с ними. Разумеется, он благополучно вернется. Он и в самом деле не мог отказаться. Он давно и непоправимо очарован Азией, а такое серьезное приключение, как командировка в мятежную Персию – неповторимо.

Когда и почему зародилась в нем тяга к странствиям? Наверное, виновником был отец, читавший детям «Одиссею» в собственном переводе. Впечатленный, Вася вместе со старшим братом Митей превращал в безбрежные морские просторы паркетный пол гостиной. Они вырезали из бумаги кораблики-галеры, сажали по бортам бумажных же моряков, и на длинной нитке возили их по комнате, рассказывая гостям о невероятных приключениях Одиссея. Особый успех у зрителей имели Сцилла и Харибда, роли которых выполняли две кошки: они выскакивали из-под дивана и набрасывались на кораблики.

Море он впервые увидел в возрасте двух или трех лет, когда семья Янчевецких обосновалась в Риге. Григорий Андреевич Янчевецкий, знаток античной литературы, до переезда преподавал греческий и латынь в 1-й Киевской гимназии. Казалось бы, древние языки – удел педантов. Но Григорий Андреевич, получив должность, пустился на авантюру: с помощью друга тайно увез на венчание свою возлюбленную – Варю Магеровскую. Теща сначала прокляла молодых (что за пара – разночинец-учитель и дворянская дочь из родовитой казацкой

семьи!), а потом простила и подарила им домик на Крещатике. Там 22 декабря 1874 года и появился на свет Василий Янчевецкий [1].

«Первая познакомила меня со сказочным миром моя мама – она знала множество украинских сказок, – вспоминал Ян. – А любимым писателем моего детства был Андерсен, его сказки нам читал вслух наш отец…».

Летом 1876 года Григорий Андреевич перебрался с семьей в Ригу, где получил должность преподавателя греческого языка в Александровской гимназии. Он не только учил: устраивал литературно-музыкальные вечера, собрал ученический церковный хор, а на празднование 25-летия царствования Александра II поставил с гимназистами драму «Эдип-царь» на греческом языке «со всей оригинальной обстановкой древнего театра». На докладе о состоявшемся торжестве император начертал «Благодарить», и в августе 1881 года Григорий Янчевецкий был «командирован в Грецию с учебной целью на шесть месяцев». Повидав все исторические места Эллады, он еще сильнее полюбил милую его уму и сердцу античность и постарался потом передать это чувство своим детям. Пока же, на время отсутствия, он перевез жену с сыновьями и дочкой Еленой в Санкт-Петербург.

Янчевецкие поселились у приятеля Григория Андреевича – литератора и издателя Петра Полевого, вдовца, предоставившего им комнаты в своей большой квартире. Напротив дома находилась городская читальня, куда Вася ходил с братом Митей за книжками – «Дон-Кихотом», «Робинзоном Крузо», «Сказками братьев Гримм»: «Каждая новая книга была для нас высшим счастьем…». Что еще ему запомнилось? «Солнечным весенним днем, няня позвала нас и шепотом сказала: «Пойдем, посмотрим людей, убивших царя»… Мы остановились возле Семеновского плаца. Сквозь чугунную решетку я со страхом увидел черные виселицы и белые балахоны с телами повешенных… Няня тихо сказала: «Они умерли за народ». Такова была моя первая встреча с жестокой правдой жизни».

В мае 1882 года Григория Янчевецкого назначили инспектором Александровской гимназии. «Наша семья иногда проводила лето на Рижском взморье, – вспоминал Ян. – Однажды, когда мы с братом гуляли по дюнам, между величественными соснами, то застали отца беседующим с незнакомым человеком… Это был И.А.Гончаров, лечившийся в то время в санатории „Мариенбад“. Отец читал нам отрывки из „Фрегата „Паллада“, и я застыл, как зачарованный, глядя на удивительного незнакомца, побывавшего в сказочных далеких странах“ Гончаров, улыбаясь, спросил меня, кем бы я хотел стать. Я долго ничего не мог

ответить от волнения, а потом с восторгом воскликнул: „Путешественником!“ и бросился бежать…».

Григорий и Варвара Янчевецкие с детьми – Дмитрием, Василием (в центре) и Еленой. Санкт-Петербург, 1881 год (из архива семьи Янчевецких).

***

Гимназистом-первоклассником он и в самом деле убежал

из дома. Газета «Рижский вестник», которую приносил его отец, печатала главы «Острова сокровищ» Стивенсона, только что изданного в Англии. Под впечатлением от увлекательнейшей повести Вася уговорил своего товарища по гимназии отправиться в плавание. Отец Яниса владел двухмачтовой шхуной, в ее трюме и спрятались друзья перед выходом судна в море. Но шхуна попала в шторм и зашла для починки в порт на Моонзундских островах. Беглецы были обнаружены и отправлены по домам. Васе пришлось обещать родителям «больше не бегать» – хотя бы до окончания университета, предполагавшегося в туманном будущем.

Учился Василий прилежно: как-никак, отец в 1885—1886 годах исполнял обязанности директора Рижской Александровской гимназии. Григорию Александровичу даже доверили представить великому князю Владимиру Александровичу рапорт о состоянии учебных заведений Риги, когда его императорское высочество с супругой посетил город. После приема высочайших гостей, а именно – 2 июля 1886 года Григорий Янчевецкий получил назначение директором Ревельской Александровской гимназии. Сохранился журнал ее третьего класса: у Васи Янчевецкого по 13 предметам был средний балл 4,3 – второе место среди 28 учеников [2]. А на досуге он позволял себе все доступные развлечения. В Ревеле гастролировал знаменитый цирк Чинизелли. Вася сумел пробраться за кулисы, где познакомился с клоуном Жаколино Роше. Они подружились, и артист научил настырного гимназиста делать сальто-мортале, флик-фляк и другие ловкие прыжки.

Где Стивенсон, там и Жюль Верн, и Майн Рид – тоже любимые писатели. Летом Янчевецкие снимали дачу под Ревелем. Как-то в гостях у них побывал моряк с военного корабля, ходивший вокруг света – поведал о Южной Америке, Китае, Австралии. «Из этой тяги к далекому заходящему в море солнцу возникли мои повести и рассказы…».

«Во всех детских исканиях моим руководителем был Митя, – говорил Василий Ян на склоне лет. – Он был „ведущим“, к рассказам которого и поступкам я прислушивался, а на его рисунки смотрел с восхищением». «Ты был строже Мити, требовательней, и старался меня воспитывать, – напоминала брату сестра Софья, самая младшая в семье. – А Митя был бесконечно добр, только все хвалил…».

Отец семейства, отличавшийся неистощимой энергией, осуществлял все, что задумывал – организовывал ученические экскурсии и вечера, руководил ученическим оркестром и русским певческим обществом «Гусли», наладил выпуск журнала

«Гимназия», перевел и издал сочинения Гомера, Ксенофонта, Павсания. «В гимназии во время занятий Григорий Андреевич выглядел очень суровым учителем. Коренастый и скуластый, с отвисшими „запорожскими“ усами, в синем форменном всегда застегнутым на все золотые пуговицы сюртуке, – вспоминал Ян. – А вне занятий, дома и в обществе, на прогулках и экскурсиях он преображался, превращаясь в добродушного, подвижного и шумливого собеседника, друга и руководителя». Он умел договориться едва ли не с каждым и любил приговаривать: «Господу богу нужны всякие люди». О том, насколько уважали Григория Андреевича, свидетельствует такой факт: когда в Ревель приехал министр народного просвещения граф Делянов, инспектировавший гимназии Рижского учебного округа, то завтракал он у Янчевецких, обедал – у губернатора.

Эстляндский губернатор князь Шаховской ценил деятельного директора и в 1890 году поручил ему реформировать Ревельскую губернскую гимназию, переименованную в гимназию Императора Николая I. А затем предложил основать русскую городскую газету в противовес немецким. За важное начинание взялась Варвара Янчевецкая, только что получившая свою долю наследства от продажи полтавского имения Магеровских. Сложив свои деньги с субсидией от Шаховского, она купила типографское оборудование и нашла помещение. «Ревельские известия» – как значилось под заглавием, «газета местных интересов, литературная и политическая» – появилась в сентябре 1893 года. Редактор-издатель – В. П. Янчевецкая, но на деле творческим процессом руководил ее супруг. Современные историки прибалтийской журналистики так оценивают его работу: «Умеренно поддерживая курс властей на русификацию края, „Ревельские известия“ делали это в сравнительно корректной форме, в спокойном тоне, без особых нападок на прибалтийских немцев и „сепаратистов“-эстонцев. Большинство обозрений местных дел были выдержаны в нейтральном и довольно объективном тоне» [3].

Григорий Андреевич поощрял все увлечения сыновей – и французской борьбой, и литературой. И образование они продолжили на свой выбор. Дмитрий поступил в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков, Василий – на историко-филологический факультет. Братья вместе жили в одной комнате общежития для студентов. На досуге Митя рисовал, Вася – сочинял. Свои рассказы и стихи под псевдонимом «Садко» он посылал в «Ревельские известия». К примеру, лирическую «Эстляндию»: «Решеньем рока непонятным я в мирный край сей занесен, где ширью-далью необъятной я

окружен со всех сторон. Поля лежат кругом, чредуясь с туманной синевой лесов, меж ними реки, не волнуясь, текут средь низких берегов…» [4].

«Из этой тяги к далекому заходящему в море солнцу возникли мои повести и рассказы…»

В 1896 году «Общество вспомоществования студентам Императорского С.-Петербургского университета» выпустило сборник литературных работ учащихся. Доход от продаж направлялся на благотворительность. Редактировали сборник знаменитости – поэт Аполлон Майков и писатель Дмитрий Григорович. Обложку и виньетки нарисовал студент-юрист Николай Рерих. Дмитрий Янчевецкий предоставил переводы из Конфуция и иллюстрировал три стихотворения брата. Вот одно из них [5]:

О, что ты, жизнь? Ты – дивная мечта,
Слетевшая с небес. Ты – сон богов,
Ты – эльфов полуночное порханье
По стебелькам заснувших ароматных
Недвижно грезящих цветов. Ты – рай!

Ты – грусть неясная, ты – скорбь, тоска!
Ты – муки, ты – страданья! Что же ты?

Прилежный гимназист превратился в мечтательного студента? О, нет. Успешно сдав государственные экзамены и получив в сентябре 1898 года диплом, Василий Янчевецкий решил, что исполнил данное родителям обещание. И теперь вправе осуществить заветное желание – отправиться в настоящее путешествие. Пешком. С котомкой за плечами.

***

К приключению он подготовился – послал письмо редактору «Санкт-Петербургских ведомостей» князю Ухтомскому с предложением стать корреспондентом газеты в своих «скитаниях по Руси». К письму прилагался краткий план странствия.

В ожидании ответа Василий ходил на службу в Казенную палату Ревеля – место подыскал отец. Григорий Андреевич присмотрел и невесту для сына. «Она оказалась очень привлекательной девушкой. Счастливая и желанная находка для всякого жениха, тем более, что она обладала богатым приданым: родители невесты, эстонцы, владели большим пивоваренным заводом… Когда [мои родители] спросили: „Ну, как?“, я в ответ показал им письмо, только что полученное с почты. В нем Ухтомский писал, что он приветствует мое желание отправиться бродить пешком по Руси и предлагает на путевые расходы – 50 рублей в месяц и по 50 копеек за каждую строчку напечатанных статей».

Попробуйте представить изумление Янчевецкого-старшего – статского советника, кавалера четырех орденов Св. Анны и Св. Станислава. «Отец, прочитав письмо, пришел в ужас: «Ты станешь бродягой!» Мать заплакала… Но я уже принял решение: «Чего вы боитесь? – ответил я, – ведь Ломоносов ушел пешком из деревни в Москву, а я пойду, наоборот, из Петербурга в деревню. Я хочу узнать, как и чем живет мой народ… Не бойтесь за меня! Я смело нырну в людское море и сумею вынырнуть на другом его берегу!..». «Средств для путешествия у меня не было, но меня неудержимо влекла влюбленность в дорогу и в далекие горизонты, а некоторую уверенность придавало обещание редакций некоторых столичных газет печатать мои путевые заметки, – вспоминал Ян. – Скромный литературный гонорар мне казался счастьем и богатством, вполне достаточным для продления моей сказки наяву» [6].

Но первое погружение в людское море – осенью 1898 года – шокировало вчерашнего студента. «Странное и сильное чувство я

испытал, когда, впервые одев полушубок, отказался от всех привычек, сопровождавших меня с детства, от всех художественных и научных интересов, и попал в толпу мужиков в овчинах и чуйках, в лаптях, заскорузлых сапогах или валенках. Мне казалось, что нет возврата назад, и никогда уже больше не вырваться из этой нищей и грязной толпы. Я ощутил чувство полнейшей беспомощности, – предоставленный только самому себе, своей ловкости и находчивости, – и долго пришлось переделывать себя, чтобы освободиться от этого гнетущего, тяжелого чувства… Но по мере того, как я опускался все глубже и глубже в народную массу, к моему удивлению, весь окружающий меня бедный люд все возвышался, делался сложнее, люди оказывались задушевнее, серьезнее, типы интереснее. И когда мужики не подозревали во мне „барина“, я становился лицом к лицу с очень развитыми личностями, со свежим русским умом, с самостоятельными взглядами и удивительно оригинальными, разнообразными характерами» [7].

Пешком и на попутных телегах, по рекам на лодке (под Симбирском даже баржу тянул с бурлаками) – Василий наматывал версты: от Новгорода на Смоленщину, через Ярославскую губернию до Казани, далее по Каме до вотяцкой тайги. «Дорога все время вьется: передние пять саней то заворачивают, и я вижу их все – одни за другими, то выравниваются впереди гуськом в линию, их уже не видно за крупом моей лошади. Мороз градусов 20. Тихо, ветра нет. Вечер… Мой возница и трое мужиков с передних дровней поровнялись и пошли рядом. – А что за седок у тебя? – Да не знаю: учитель что ли, или из духовного звания. Обученный какой-то. Вероятно, защиты едет просить или на должность. – Да, да, конечно: кто по своей охоте в дорогу отправится? Верно, неволя выслала».

А Василий наслаждался путешествием, природой, познанием мира, наблюдениями за людскими характерами и философскими разговорами на отдыхе: «Правда по маленьким людям сидит, которые про себя ее держат. Все бедные, тихие, робкие – они правду знают и правдой живут. А сильные, веселые, здоровые, удачливые, живут иным чем-то; они живут чутьем и тем, что глядят в оба…».

В странствиях прошло полгода. Василий посылал свои заметки в Санкт-Петербург. Способного журналиста заметили в столичном издательском мире, и по возвращении он получил предложение от «Нового Времени» – ехать репортером в Великобританию.

Первая заграничная поездка! Лондон, Портсмут, Ливерпуль,

Шеффилд, Ньюкасл – Англия впечатлила Янчевецкого предприимчивым духом: «Кипучая, не останавливающаяся ни на минуту жизнь… Там нет дядюшки, у которого можно попросить местечка, никому не нужен диплом, там все зависит от сообразительности, талантливости и умения не стоять на месте, а идти вперед». «Я сохранил об Англии самые теплые воспоминания, столько радости и приветливого радушия я встречал даже в самых бедных семьях, которые мне удалось посетить, – писал он позднее и вспоминал о былых сожалениях: – Английский нищий обеспеченнее рядового русского мужика, в суровых трудах и лишениях бьющегося за свою жизнь и жизнь своей семьи» [8].

Россия – страна растущая, в основе своей крестьянская, но, верит Василий, все у нее еще впереди. Он помнит свои наблюдения и дорожные беседы: «Было время, когда мужики были робкие, забитые, когда они и пню молились и каждой бляхе кланялись. Прошло сорок лет. Выросло новое поколение, не пробовавшее крепостной узды… Каждый крестьянин обратился в маленького помещика: он хозяин над своим куском земли и своим домом; ко всему остальному миру относится с полной самостоятельностью и большим самоуважением…».

***

Тому, кто узнал прелесть странствий, трудно усидеть на месте.

Весной 1900 года Янчевецкий, вновь покинув Петербург, отправился на Русский Север, в Вологду. Заночевав на речной пристани, он едва не стал жертвой бандитской шайки, убивавшей и грабившей одиноких проезжих. Путь продолжил с караваном торговых барж. Старшина каравана оказался бывалым моряком, некогда обошедшим вокруг света на парусном корабле. «Что такое наша жизнь? – рассуждал кряжистый бородатый мужик, сожалевший, что оставил морскую службу и теперь снует взад-вперед по каналам да рекам. – Это большое колесо с крючком. Вышиной колесо до неба и поворачивается вокруг своей оси. Бывает, что крючок подойдет к тебе совсем близко, и если за него ухватиться, то колесо подымет так высоко, что оттуда, сверху, откроется вид на весь мир».

Для Василия крючок материализовался в виде письма брата Мити. Старший брат – фантазер и руководитель во всех детских исканиях – теперь был героем: золотой Георгиевский крест за участие в китайском походе! [9]. На Дальнем Востоке Дмитрий

Янчевецкий оказался сразу по окончании университета, получив, как военнообязанный, назначение в Порт-Артур. Служил делопроизводителем в стрелковом полку, переводчиком в канцелярии главного начальника Квантунской области, арендованной Россией у Китая. Когда уволился в запас, был принят в редакцию порт-артурской газеты «Новый край». А в мае 1900 года, в разгар китайской смуты – командирован в Южно-Маньчжурский экспедиционный отряд корреспондентом. В первом же бою получил ранение; встав на ноги, участвовал в штурме Пекина. Русская рота первой из союзных войск вошла в китайскую столицу, и провел ее к городским воротам корреспондент Янчевецкий, разведавший дорогу [10]. Поход Южно-Маньчжурского отряда завершился в сентябре взятием Мукдена. Младшему брату Дмитрий сообщал, что командовавший отрядом генерал-лейтенант Деан Суботич назначается начальником Закаспийской области Туркестанского края и ищет энергичных сотрудников. Грех не воспользоваться таким случаем – ведь «будущее России в Азии»!

Само собой, совет был принят. Назначение Суботича, правда, затянулось. Василий не оставлял журналистику, а летом 1901 года сплавился с перегонщиками плотов по Днепру из Киева до Екатеринослава. «Наша жизнь, можно сказать, дается вроде как наказание. Конечно, в плотовщики идет тот, кому в земле стеснение, – слышал он от одного плотогона. – Другой рабочий был мечтатель, любил рассказывать сказки товарищам, лежа на спине и глядя на облака. Вся его жизнь проходила в скитаниях… Неделю плыл я с хлопцами по Днепру. От зноя лицо, руки и ноги сделались такие же черные, как у плотовщиков».

К жизни в Азии он, можно сказать, подготовился. Осенью из Асхабада пришла телеграмма – согласие генерала Суботича взять его к себе младшим чиновником особых поручений. «На этот раз мои родители были довольны: это все-таки была «служба», а не «бродяжничество», хотя где-то «очень далеко» и опасная» [11]. Новый 1902 год Василий встретил в Баку, пароходом переправился на другой берег Каспия и сел на поезд, следовавший до Асхабада. «Меня манили бирюзовые дали, таинственные персидские горы, мечты о скитаниях по Азии. «Семья, дети – все это еще придет, – думал я…».

ПРИМЕЧАНИЯ

Все даты до 26 января 1918 года приведены по старому стилю.

1. Источники сведений о родителях и детских годах Василия Яна: В. Ян. Творческая биография (черновик). – РГАЛИ, ф. 2822,

оп. 1, д. 291, л. 1—2; М.В.Янчевецкий. Писатель-историк В. Ян. – М., 1977; В. Ян о своем отце – «последнем гомериде». // «Клио», №3, 1999; С.Г.Концевич (Янчевецкая). Мой отец. – РГАЛИ, ф. 2822, оп. 1, д. 212, л. 43—49; Двадцатипятилетие Рижской Александровской гимназии. Исторический очерк. – Рига, 1893; Памятная книжка Эстляндской губернии. – Ревель, 1896; Г.Ф.Бауэр. Старейшая гимназия в России. Очерки из прошлого Ревельской гимназии императора Николая I. – Ревель, 1910.

2. А. Кан. Писатель В. Ян и Ревель. // «Балтика», №3, 2005.

3. С. Г. Исаков, Т. К. Шор. Биографические справки о русских журналистах в Эстонии до 1940 года. / Публикация на сайте Тартуского университета, 2013 г.

4. «На память о Ревеле». Издание «Ревельских известий». – 1895 г.

5. Литературный сборник произведений студентов Императорского С.-Петербургского университета. – СПб., 1896 год.

6. Комментарии к 4 тому собрания сочинений В. Яна (стр. 569); В. Ян. Из воспоминаний писателя. – РГАЛИ, ф. 2822, оп. 1, д.93, л.1.

7. Путевые заметки цитируются по книге: Записки пешехода. / В. Ян. Собрание сочинений. Том 4. – М., 1989.

8. В. Янчевецкий. Английский характер. / Воспитание сверхчеловека. – СПб., 1908; Запись в рабочей тетради. – РГАЛИ, ф. 2822, оп. 1, д. 100, л. 31.

9. О награде Д. Янчевецкого («золотой Георгий в петлице») упоминает в своем дневнике Н. Гарин-Михайловский, познакомившийся с ним в самом начале русско-японской войны – следовательно, это была награда за Китайский поход. Интервенция войск альянса восьми держав – России, Германии, Франции, Великобритании, США, Японии, Австро-Венгрии и Италии – последовала за народным восстанием против иностранного присутствия в Китае. Мятежники громили дипломатические миссии, христианские храмы, торговые предприятия, разрушали железные дороги. Правительство империи Цин фактически их поддержало. После взятия Пекина союзными войсками 28 августа 1900 года военные действия длились еще год, мирный протокол был подписан 7 сентября 1901 года.

10. Дмитрий Янчевецкий. Биография. / Н.Г.Мизь, А.Ю.Сидоров. Первая военно-полевая газета России. – Владивосток, 2004; Д. Янчевецкий. У стен недвижного Китая. – СПб., 1903.

Описывая подвиги русских солдат и офицеров, Дмитрий

Янчевецкий отмечал также храбрость и стойкость противника и честно рассказывал об ужасах войны, ее жертвах и разрушениях, зачастую бессмысленных.

11. В. Ян. Голубые дали Азии. / Собрание сочинений. Том 4. – М., 1989.

Глава 2. Особые поручения

Любому столичному жителю Асхабад показался бы подлинным захолустьем. Но по меркам Закаспийской области это был едва ли не мегаполис – около 23 000 жителей: русские и персы, армяне и татары, поляки и евреи, немцы и туркмены, хивинцы, бухарцы, грузины, греки и даже французы. Как отмечалось в «Обзоре Закаспийской области за 1900 год», город «в последнее время обнаруживает особую наклонность к развитию» – положение его, независимо от административного значения, весьма выгодно для торговли с Хорасаном, уже измеряемой многими миллионами. В Асхабаде насчитывался 41 караван-сарай и 11 гостиниц и пансионов. В одном из них – «Парижских номерах», принадлежащих мадам Ревильон, некогда служившей маркитанткой в отряде генерала Скобелева, и остановился на первое время Василий Янчевецкий.

«Это был маленький чистенький городок, состоявший из множества глиняных домиков, окруженных фруктовыми садами, с прямыми улицами, распланированными рукою военного инженера, обсаженными стройными тополями, каштанами и белой акацией. Тротуаров, в современном понятии, не было, а вдоль улиц, отделяя проезжую часть от пешеходных дорожек, журчали арыки, прозрачная вода стекала в них с гор, находившихся неподалеку и, казалось, нависавших над городом. По другую сторону городка простиралась беспредельная пустыня… Когда я приехал в этот казавшийся мне сказочным городок-крепость на границе пустыни и диких гор, то долго чувствовал себя как в стране, похожей на мир из романов Фенимора Купера и Майн Рида». От одного списка туземных племен и родов (счет населению вели по кибиткам, то есть семьям) у заезжего чиновника могла пойти кругом голова: туркмены-текинцы делились на племена отамыш, тохтамыш, алиели, махтум, мегенли и иные, а были еще туркмены-гоклане и турмены-йомуды – джафарбаевцы, ак-атабаевцы, бегелькинцы; киргизские роды различались по отделениям алмамбет, баимбет, джименей, джары, туркмен-адай и прочим [1].

Генерал Суботич сразу распознал в Янчевецком любознательную натуру: «У меня был чиновник-переводчик, знавший отлично иностранные и восточные языки. Теперь он, по-видимому, умирает… Я хотел бы, чтобы вы так же, как он, изучили восточные языки и сопровождали меня в поездках. На днях мы отправляемся в объезд Закаспийской области. Вы поедете со мною. От вашего брата я знаю, что вы любите

литературу. Изучите не только восточные языки, но также загадочную душу народов Востока… Не тратьте времени даром, оно пролетает быстро. Здесь обыкновенно молодежь безрассудно расходует время, спивается от скуки и уезжает с опустошенными душой и карманом! Я дам вам возможность поездок по краю, и работы для вас будет много…».

***

Василию хватило нескольких месяцев, чтобы освоить разговорный туркмен-дили. Суботич оценил старательность младшего чиновника и дал поручение согласно названию должности – проехать по караванному пути от Асхабада до Хивы и обратно. Формально Янчевецкий должен составить отчет о состоянии колодцев в пустыне. Тайная цель – сбор сведений о путях перевоза контрабанды из Персии. «В Хиве держитесь так же осторожно и постарайтесь повидать хана Хивинского.

Василий Янчевецкий – чиновник особых поручений. Асхабад, 1902 год (из архива семьи Янчевецких).

Ни в коем случае не проговоритесь, что хотите с ним беседовать по моему поручению. Это должно пройти как ваша собственная инициатива. В разговоре как будто случайно упомяните об усилившейся контрабанде. Любопытно, что по этому поводу скажет хитрый старый контрабандист» [2].

Отправиться в дорогу Василий не успел. В сентябре 1902 года Суботича вызвали в Петербург и объявили ему о назначении Приамурским генерал-губернатором. На его место прибыл генерал Евгений Уссаковский из Главного штаба. Упускать возможность увидеть Каракумы младший чиновник не хотел. Он подал новому начальнику предложение: поскольку с севера Закаспийской области давно нет обстоятельных и точных известий, и к тому же есть смысл проверить состояние колодцев на караванном пути… Конвоя не нужно. «Будучи опытным в утомительных и опасных путешествиях, я не боюсь могущих встретиться препятствий».

Уссаковский одобрил рапорт. Но без проводника Янчевецкий обойтись не мог. Сопровождать его согласился урядник Шах-Назар, бывший аламанщик, ходивший в набеги на Персию и на Хиву. Они выехали из Асхабада в марте 1903 года – два всадника и две вьючные лошади с провиантом и бурдюками с водой. Василий поражался тому, насколько уверенно Шах-Назар выбирал верное направление там, где сам он не видел ничего, кроме расплывающейся в знойном мареве волнистой линии песков. Окружающую среду туркмен делил на два состояния: кум (песок), где можно найти воду в колодце, саксаул для костра, подстрелить зайца или джейрана, и кыр (камни) – там жизни нет, только ящерицы да змеи ползают между скалами.

«Днем пекло солнце, а ночью подмораживало. На рассвете иней серебрил стволы винтовок, стремена и пряжки седел, на которые мы склоняли головы, засыпая… Дважды подымались песчаные бураны, а один раз даже выпал густой снег». Видели путники и мираж – караван, уходящий в небо, и цветущие ирисы, ярким ковром покрывавшие пески, и безвестные могилы, обозначенные шестами. Лишь дважды им встречались торговые караваны. А колодцы – да, по большей части оказались в запущенном состоянии.

«Незабываемым был момент, когда после долгого тяжелого пути по однообразной пустыне, где мы непрерывно то поднимались на песчаные склоны, то спускались с них, взобравшись на высокий бархан, мы вдруг увидели перед собой роскошный зеленый оазис Хивы. Квадраты полей, где работали пахари, высокие тополя и платаны, а вдали за ними – стройные минареты мечетей, выложенные сверкавшими издалека голубыми изразцами…».

Янчевецкий очутился в средневековье. Жители Хивы еще помнили, как на кольях перед ханским дворцом выставлялись головы казненных. Россия установила протекторат над Хивой в 1873 году после похода генерала Кауфмана – война была

единственным способом пресечь набеги хивинцев на российские земли за живой добычей, пленными-рабами. Хан признал себя покорным слугой императора Всероссийского, согласился заключать договоры с соседями, равно как объявлять им войну только с ведома высшей русской власти, и обязался уничтожить на вечные времена рабство и торговлю людьми. В остальном он оставался полновластным владыкой, решавшим судьбу кошелька и живота своих беков, наибов, хакимов и простого народа. Тяжбы неизменно решали по стародавним законам, разве что жестокие казни и увечья как наказание были отменены.

«Бродя по городу, мы увидели поразительное зрелище – проезд хана через свою столицу. Впереди процессии ехали вооруженные всадники с копьями и саблями наголо, затем конюхи вели под уздцы множество коней хана поразительной красоты, всех мастей, накрытых дорогими коврами… Хан ехал один на молочно-белом черноглазом жеребце. Позади следовала сотня лихих джигитов с винтовками и копьями. На всем пути следования процессии толпы жителей города стояли, согнувшись в поясе и скрестив руки на груди. Никто не смел поднять лицо и посмотреть на хана».

Сам город Янчевецкому не особо понравился: грязный и пыльный, с лабиринтом узких кривых улочек, состоявших из одних домовых стен без окон. Престарелый, но все еще бодрый хан Сеид Мухаммед Рахим Бехадур жил во дворце, окруженном высокой стеной с башнями и состоящем из скопления глинобитных домиков с переходами и множеством ворот и дверей, охраняемых мрачными воинами со старинными ружьями и саблями. Его светлость через переводчика расспросил гостя о делах в Асхабаде и пройденном пути. Услышав о замеченном караване, который, вероятно, вез контрабанду, хан поспешил заверить – то были обычные купцы. Но было видно – он доволен, что караван прошел беспрепятственно…

Тысяча верст туда и обратно. Возвращаясь, Янчевецкий мечтал о новом путешествии – еще в декабре из Военного министерства пришло одобрение его идеи об экспедиции в Персию. Но в Асхабаде Василия ждало печальное известие из Ревеля.

Умер отец, не дожив до шестидесяти. Летом 1902 года директор Янчевецкий подал прошение об отставке по болезни. Григория Андреевича сразил нервный удар (так в то время называли инсульт). «Спусковым крючком» стала пропажа 4000 рублей казенных денег из служебного кабинета: для Янчевецкого-старшего, чья репутация была безупречна – тяжелейшее потрясение. Вора не нашли, и Варвара Помпеевна

потратила остаток своего наследства, чтобы возместить потерю. Григорий Андреевич лечился в лучшей клинике Санкт-Петербурга, но 31 марта 1903 года его сердце остановилось.

«Мне было понятно, почему он сгорел так рано, – вспоминал Василий Ян. – Вся его жизнь была сплошным напряженным трудом. От раннего утра, когда он приходил в столовую и пил крепкий чай, и до полуночи, когда за письменным столом заканчивал просмотр тетрадей, корректуры рукописей своих переводов или страницы сочинений, написанных мелким, неудобочитаемым почерком, все его помыслы были отданы делу». Василий Григорьевич со временем обретет те же привычки и черты, вплоть до почерка…

Взяв отпуск, он уехал в Санкт-Петербург. Побывал на могиле отца. Проведал мать. Варвара Помпеевна держалась стойко и не бросала семейное дело – «Ревельские известия». Служебные дела требовали и скорейшего возвращения Василия в Асхабад.

***

Не одними путешествиями была насыщена его жизнь. Младший чиновник особых поручений состоял в сельскохозяйственном комитете, инспектировал туркменские кочевья, собирая жалобы и пожелания для доклада начальнику Закаспийской области. «Несколько продолжительных поездок были у меня для выяснения положения и нужд туркменского населения в землепользовании, распределении воды, народном образовании, в необходимости продовольственной помощи».

В августе 1903 года Янчевецкий подал генералу Уссаковскому два рапорта – об официальной экспедиции в Персию и конфиденциальной в Афганистан. Идею он изложил еще Суботичу: надеясь на удачу, пройти по персидским землям вдоль афганской границы, незаметно пересечь ее и попытаться доехать до Кабула. А в благоприятном случае и до Индии. Конечно же, это была авантюра. У Российской империи с Афганистаном не было ни дипломатических, ни торговых отношений. «Если афганские власти меня арестуют, – пояснял Янчевецкий, – то все-таки часть моего плана будет выполнена, так как мне удастся побывать внутри этого замкнутого государства и увидеть его современную жизнь». Суботич направил реляцию туркестанскому генерал-губернатору, тот отослал ее в Военное министерство. Столица ответила согласием, если г-н губернский секретарь Янчевецкий готов отправиться в экспедицию на свой страх и риск. А он изначально на то и рассчитывал.

Василия неудержимо манила страна, которая «настолько ревностно оберегает себя от посещения иностранцами, что даже англичане, считающие Афганистан под своим протекторатом, с величайшими трудами получают от эмира разрешение на въезд». «По-прежнему на афганской границе безмолвно стоят пустынные холмы желто-серого цвета, да изредка пробегают стада диких коз или проедут мелкой рысью объездчики пограничной стражи, – рассказывал он в статье, сочиненной для петербургского „Нового времени“. – А там, за границей, где горные хребты толпой уходят в туманную даль, замечается какая-то своеобразная жизнь…» [3].

Санкт-Петербург тоже интересовало все, связанное с Афганистаном – с той поры, как разграничение земель между российским Мервом и афганским Гератом в 1885 году едва не привело к войне с афганским эмиром (дошло до кровопролитных стычек с его отрядами) и поддерживавшей Кабул Великобританией. И хотя последующее разграничение на Памире прошло без эксцессов, Афганистан считался страной не вполне дружественной. У большой политики свои резоны. А младшему чиновнику особых поручений Персия и Афганистан казались сокровищницами впечатлений, сказкой наяву, миром мудрых древних культур и красочных легенд. Он не подозревал, что своей инициативой повернул колесо судьбы и уцепился за очередной крючок.

Документы для проезда по Персии ему оформили как представителю петербургской прессы. Научности авантюре придало участие американского географа Элсворта Хантингтона, прибывшего в Туркестан с экспедицией Carnegie Institution. Он нагнал группу Янчевецкого (Василия сопровождали два туркмена, афганец-эмигрант и русский охотник) в персидской провинции Серахс. На исходе ноября 1903 года маленький караван продолжил путь на юг.

«Пересекая восточный угол Великой персидской соляной пустыни Дешти-Лут, я был поражен обилием развалин селений и городов. Ехать приходилось по голой, выжженной солнцем безводной пустыне. Изредка попадались кочевья арабов и белуджей, их похожие на распластанные крылья летучих мышей черные шерстяные шатры… Однажды, во время ночлега в степи, подошедший к костру задумчивый седобородый пастух, опираясь на длинный посох, так объяснил причину множества развалин: «Ты не думай, ференги, что всегда у нас было так пусто и печально. Раньше страна наша была богатой и многолюдной. С гор в ущелья стекали чистые холодные ручьи, орошая посевы и сады счастливых мирных жителей, процветали различные

ремесла… Но через эти земли прошли ненасытные завоеватели. По этим равнинам промчались воины Искендера Великого, потрясателя мира Чингиза, хромого Тимура, хана Бабура, Надир-шаха. От горя и ужаса напитанная кровью земля сморщилась и высохла…» [4].

Василий знал и об Александре Македонском – Искендере, дошедшем со своими фалангами до Инда, и о Чингиз-хане, создавшем империю от Японского моря до Каспия. В новогоднюю ночь он увидел странный сон. «Мне приснилось, что я сижу близ нарядного шатра и во сне догадываюсь, что большой, грузный монгол с узкими колючими глазами и двумя косичками над ушами, кого я вижу перед собой, – Чингиз-хан. Он сидит на пятке левой ноги, обнимая правой рукой колено. Чингиз-хан приглашает меня сесть поближе, рядом с ним, на войлочном подседельнике. Я пересаживаюсь поближе к нему, и он обнимает меня могучей рукой и спрашивает: „Ты хочешь описать мою жизнь? Ты должен показать меня благодетелем покоренных народов, приносящим счастье человечеству! Обещай, что ты это сделаешь!“. Я отвечаю, что буду писать о нем только правду. „Ты хитришь! Ты хочешь опорочить меня? Как ты осмеливаешься это сделать? Ведь я же сильнее тебя! Давай бороться!“. Не вставая, он начинает все сильнее и сильнее сжимать меня в своих могучих объятиях, и я догадываюсь, что он, по монгольскому обычаю, хочет переломить мне спинной хребет. Как спастись? И у меня вспыхивает мысль: „Но ведь все это во сне! Я должен немедленно проснуться и буду спасен!“. И я проснулся. Надо мною ярко сияли бесчисленные звезды. Пустыня спала. Наши кони, мирно похрустывая, грызли ячмень. Не было ни шатра, ни Чингиз-хана, ни пронизывающего взгляда его колючих глаз… И тогда впервые появилась у меня мечта – описать жизнь этого завоевателя, показать таким, каким он был в действительности…» [5].

***

«Надо отдать должное мистеру Янчевецкому, благодаря которому, по большому счету, удалось трехмесячное путешествие по стране, где передвижения не только трудны, но иногда и опасны, – отметил Элсворт Хантингтон в своем сухом, строго научном отчете. – Его присутствие было особенно приятно по причине неизменно хорошего настроения даже в тяжелых обстоятельствах и доброжелательности в согласовании своих планов с моими прихотями географа» [6]. «Румяный юноша с наивной улыбкой. Человек железной воли и аккуратный, как

патентованный хронометр», – вспоминал о своем спутнике Василий Янчевецкий.

«Меня манили бирюзовые дали, таинственные горы, мечты о скитаниях по Азии…». «Утро в персидских горах». Рисунок В. Яна, 1925 год (из архива семьи Янчевецких).

Однажды караван заблудился в солончаках. Проводник уверял, что впереди есть три дорог и все – плохие. Хантингтон настаивал: двигаться надо по компасу строго на юг, прямо через пустыню. Янчевецкому нравилось предложение афганца Мердана повернуть к предгорьям, где наверняка есть жизнь и вода, и уже оттуда выйти к намеченному маршруту. Экспедиция разделилась. Несколько дней спустя путники встретились. Элсворт был доволен сделанными по пути геоморфологическими наблюдениями. Зато Василий, сделав крюк, оказался в кочевье племени машуджи – персидских амазонок и был благосклонно принят их правительницей. «Ты еще очень мало видел, немногое знаешь! – сказала гостю Биби-Гюндюз. – Долго еще тебе предстоит ходить и искать, прежде чем ты поймешь, что за счастьем никуда ходить не надо»…

В самом начале путешествия русский и американец рискнули перейти границу, но тут же были схвачены афганскими крестьянами и препровождены к начальнику местной стражи. «Как вы осмелились проехать без разрешения по афганской земле?», – потребовал ответа грозный ага. Для Янчевецкого это было первым серьезным испытанием на знание нравов Востока. Он вежливо объяснил, что их караван, идущий в Систан, сбился с дороги. И столь же вежливо заметил: «Разве афганцы не вольны поступить так, чтобы у мирных путников осталась память о них

как о великодушных хозяевах? Или храбрый воин Абдул-Гамид не начальник крепости на своей родной земле?». Он выиграл. Чужаков пригласили к достархану и потом отпустили, проводив до границы. А ведь, как слышал Янчевецкий, за каждого пойманного русского шпиона англичане обещали платить тысячу рупий.

Несколькими неделями позже, следуя по пустыне, путешественники едва не попали в плен. Новый проводник вел себя подозрительно, и на очередном ночлеге Василий вышел в дозор. «Равнина, залитая ровным лунным светом, видна была ясно… С востока, наперерез тому пути, по какому мы прибыли, продвигались несколько точек. Вскоре я смог различить шесть всадников, приближавшихся гуськом, ускоренным шагом. Прошло некоторое время, и стали заметны темно-синие афганские кафтаны, голубые чалмы… Всадники повернули к нашей скале… Близко показался передний афганец, видимо, ехавший дозорным… „Теперь момент!“ – подумал я и выстрелил». Отряд умчался прочь, а на следующий день один из туркменов подобрал в пустыне записную книжку с пометками на английском: «Азис-хан сообщает, что русский сартип и его караван двинулись на „О“ от Немексара. Винтовок шесть. Идут медленно. Дан верный проводник».

Добравшись в конце января 1904 года до Нусретабада – главного города провинции Систан, Янчевецкий узнал от русского консула, что за караваном следили английские агенты. Был даже отдан приказ любым способом его задержать. Стоит ли рисковать дальше? До Индии всего сто верст – но через враждебно настроенный Афганистан. К тому же деньги, выделенные на экспедицию, закончились, а Хантингтон получил телеграмму от своего начальства с распоряжением возвращаться.

До российской границы оставались считанные дни пути, когда Янчевецкий и Хантингтон сделали привал в горном селении. Жители рассказали им легенду о скале Кяфир-Кала, на вершине которой якобы спрятаны сокровища. Скала выглядела неприступной, но молодость и азарт сделали свое дело – каждому захотелось доказать, что русский и американец не уступят друг другу в ловкости. Элсворт благополучно добрался до вершины. Василий завершал подъем, когда из ножен на его поясе вдруг выпал кинжал. Отвлекшись, он потерял опору и стал сползать в пропасть. «А день был ясный, небо синее, безмятежное… «Не может быть, чтобы я сейчас умер! – пролетали мысли. – Со мной моя незаконченная записная книжка с планом романа, я слышу тиканье часов на руке». Вся моя жизнь промелькнула в одно мгновенье. Классическая гимназия, уроки латинского

и греческого языка… Университет и лекции профессора Зелинского. Моя зачетная работа о псковских говорах. Ресторан в Лондоне с замечательным бифштексом… Стройная девушка под васильковой вуалью на вокзале… Я сползал, крестом раскинув руки и ноги, и с лихорадочной быстротой думал: «Конечно, в этой горе живет могучий дух. Надо добиться его милости…». И я шептал, а может быть, кричал: «Горный дух! Я дарю тебе этот кинжал дамасской стали!». И тут я почувствовал, что моя левая нога остановилась на небольшом выступе. Спокойствие и хладнокровие сразу ко мне вернулись… Я взглянул влево и вниз и едва поверил своим глазам. Из-за грани скалы показалась смуглая, сильно обросшая волосами рука, затем высунулась голова с иссиня-черными кудрями, лицо, потемневшее от загара и грязи, с всклокоченной бородой, и, наконец, голая, в лохмотьях фигура осторожно и ловко поднялась на скат, быстро схватила потерянный мною кинжал. «Дух услышал меня и помог», – подумал я. Вскоре я сидел рядом с моим спутником». Как выяснилось после, то был не дух, а дервиш-отшельник. Но от этого спасение не казалось менее чудесным.

1 марта 1904 года экспедиция вернулась в Асхабад. Янчевецкий подготовил подробный отчет, который отправили с курьером в Военное министерство. А дома, по вечерам, его рассказы об удивительном путешествии зачарованно слушала молодая жена. Уже став писателем, Василий Григорьевич говорил, что набрал в Азии красок и впечатлений на всю жизнь. Там же он нашел и невесту.

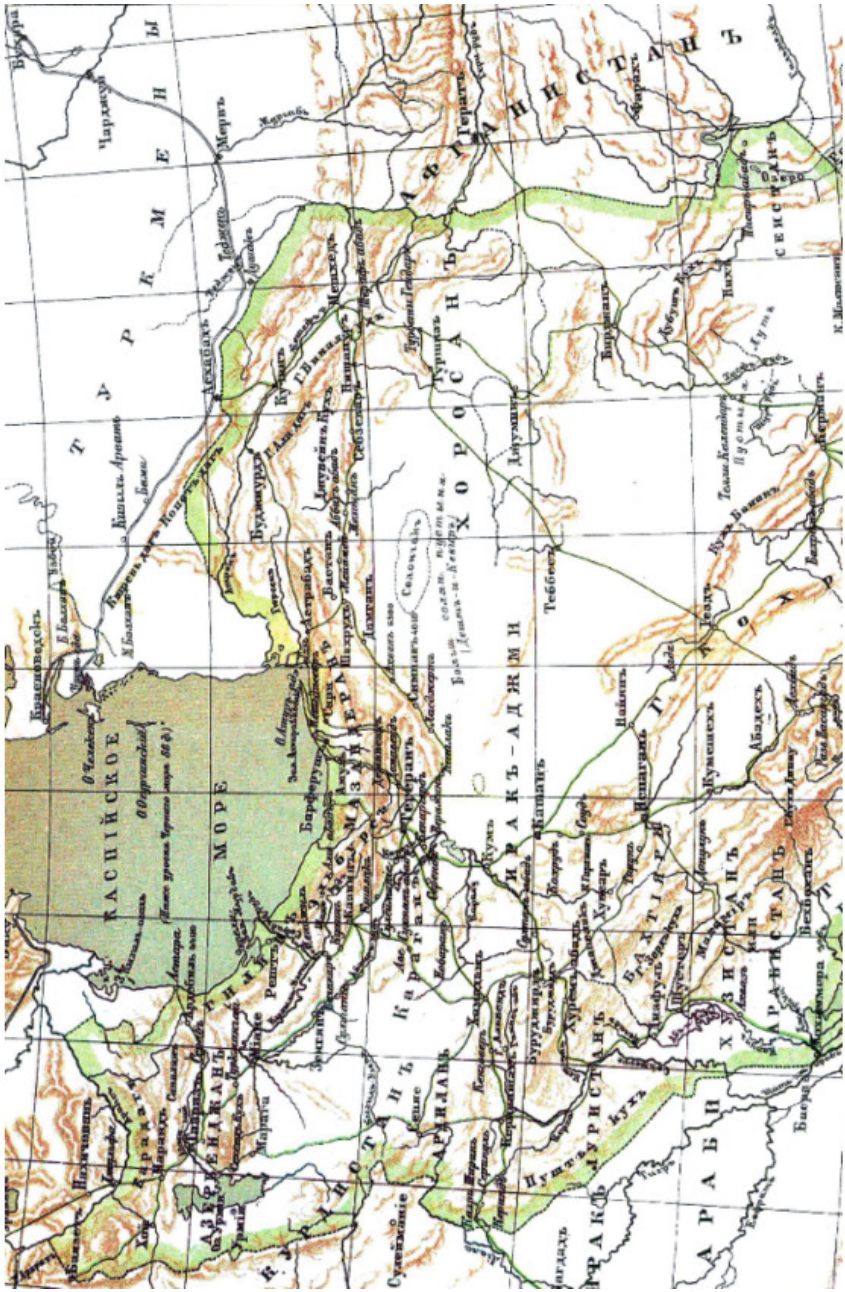
***

Высокий, обаятельный брюнет (молод, образован, вежлив, а как импозантен в белом кителе верхом на вороном жеребце!) сразу обратил на себя внимание женской половины Асхабада. Однажды в комнату к Василию вломился владелец оружейного магазина, любовница которого грозилась уйти к молодому приезжему холостяку из пансиона мадам Гитар. Не обошлось и без совершенно романтичного знакомства.

«Я очнулся от легкого забытья. Сквозь заделанное металлической сеткой окно бледное лицо луны бросало серебристые лучи внутрь моей комнаты, осветив квадрат на полу и желтую шелковую ширму перед окном. И вдруг я увидел на прозрачной створке стройный силуэт женщины… Незнакомка была уже рядом со мной. Она наклонилась. Я следил, приоткрыв

один глаз. Потом закрыл его. „Нужно быть дерзким, – подумал я. – Все же подожду. Посмотрим, что она будет делать дальше“. Нежная рука слегка коснулась моих волос и погладила их. Ароматные уста на миг прижались к моим губам… Что парализовало меня в эту минуту? Почему я никак не откликнулся на безмолвный призыв? Но платье уже прошуршало, незнакомка отошла к столу. Зашелестела бумага, точно по ней бегал карандаш. Так же бесшумно тень скользнула к двери… Я закурил папиросу, потом встал, накинул бухарский халат и зажег свечу. Поперек моей рукописи неровными строками было написано: „Когда завтра вечером, проходя вместе с Марганией мимо дома под старыми каштанами, вы услышите пение вальса, остановитесь. Хозяйка пригласит полковника зайти. Заходите и вы. Для вас будут неожиданности“». Василий исполнил предложенное – и вот она, неожиданность: «Два вальса и две разные певицы вместо одной, которую я надеялся увидеть и разгадать загадку. Первой оказалась сама хозяйка дома, жена подполковника генерального штаба, корректная и сдержанная, похожая на англичанку. Вторая нервная, очень подвижная светлая блондинка с вьющимися волосами, в розовом платье, с обнаженными руками выше локтей. А, может быть, ни та, ни другая?» [7].

Нашелся ли ответ, случился ли роман – о том он умолчал. Но предложение сделал симпатичной машинистке Марии Бурмантовой, служившей в канцелярии начальника области. Василия не смутило, что у нее есть на руках маленькая дочь. Любовь – это все-таки следование чувству, а не формальным правилам. У Янчевецкого, разумеется, был свой идеал женщины: умна, самостоятельна, не кисейная барышня и не белоручка, но притом чувственна и грациозна, «несмотря на книги и на образование» [8]. Видимо, его избранница соответствовала образу. И она не раздумывала, когда в мае 1904 года Василий добился назначения на Дальний Восток, где шла война с Японией – отправилась вслед за мужем в Хабаровск, а затем в Харбин.


ТУРКМЕНЪ
АФГАНИСТАНЪ
ХОРОСАНЪ
КАСПІЙСКОЕ МОРЕ
ПЕРСІЯ
ИРАКЪ-АДЖМИ
ГЕРАТЪ
ТЕГЕРАНЪ
ТЕБЕСЪ
ЗАКАСПІЙСКАЯ ОБЛАСТЬ
ЗАКАСПІЙСКАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА
ЗАКАСПІЙСКАЯ ВОЕНН

1903 г.). – РГАЛИ, ф. 2822, оп. 1, д. 82, л. 52; В. Янчевецкий. Русско-афганские отношения // «Новое Время», 31.01.1903.

4. М.В.Янчевецкий. Комментарии к роману «Чингис-хан». / В. Ян. Собрание сочинений. Т.3. – М., 1989.

5. Цитируется по мемуарам «Голубые дали Азии». О своих впечатлениях и приключениях во время персидской экспедиции Ян также поведал в рассказах «Афганские привидения» и «Демон горы».

6. E.Huntington. The basin of Eastern Persia and Sistan. / Explorations in Turkestan. – Washington, 1905.

7. Фрагмент рассказа В. Яна «Дамская перчатка». Рассказ впервые опубликован в 2014 году на сайте «Наталья Васильева. Ученики, друзья, родные». Рукопись хранилась в семье Васильевых: художник Алексей Васильев, отец педагога Кишиневской художественной школы Натальи Васильевой, познакомился с Яном и его последней женой в 1942 году в Ташкенте. После смерти писателя Лидия Янчевецкая подарила Васильеву рукописи девяти рассказов, сочиненных Яном в эвакуации и не опубликованных при жизни. В сокращенном и переработанном виде «Дамская перчатка» стала частью воспоминаний Яна «Голубые дали Азии».

8. В. Янчевецкий. Письма к ученикам из Турции. // «Ученик», №37, 19.07.1914. О первой жене Яна почти ничего неизвестно. Его приемная дочь Евгения в студенческой анкете писала: родилась в 1901 году в Ашхабаде, социальное происхождение – дворянка (РГАЛИ, ф.632, оп.1, д.1945). Однако Василий Янчевецкий заслужил личное дворянство, право на которое не передавалось по наследству.

Глава 3. Война и мир

Санитарные поезда прибывали в Хабаровск едва ли не ежедневно, и каждый привозил сотни раненых. Город постоянно помнил о войне.

В полутора тысячах верст к югу, на невеликом, но стратегически важном Ляодунском полуострове, где Россия обустроила крепость Порт-Артур, столкнулись амбиции двух империй. Вызов бросили японцы, атаковав 27 января 1904 года русскую эскадру на рейде Порт-Артура. Направили на полуостров три армии. Блокировали Порт-Артур с моря и суши. Благодаря инициативности и решительности японских генералов война шла с перевесом на их стороне, пусть и ценой больших потерь в ряде сражений.

Василий Янчевецкий, оставивший Среднюю Азию ради Дальнего Востока, судил о происходящем по рассказам и сообщениям газет, в том числе «Вестника Маньчжурской армии», который издавал его старший брат. Все, чего он сам смог добиться в Санкт-Петербурге – получить назначение сверхштатным младшим чиновником особых поручений Приамурского генерал-губернатора [1]. Дмитрий же, служивший в Хабаровске и редактировавший «Приамурские ведомости», с началом войны был командирован к полевому штабу Маньчжурской армии в Ляояне. Командующий генерал-адъютант Алексей Куропаткин поставил перед ним задачу: создать газету, дающую «точные, полные и быстрые сведения о ходе нынешних военных действий». Ее первый номер вышел из типографии 25 мая. Газета старалась поддерживать в армии боевое настроение. Дмитрий Янчевецкий писал: «Чем больше японцы стараются сломить силу России на берегах Тихого океана, тем сильнее она становится именно там, где ее хотят ослабить» [2].

Но 11 августа 1904 года японские армии подошли к русским укреплениям у Ляояна. Сражение, казалось, не кончится до полного истощения сторон. Тем, кто был на войне впервые, запомнилась потрясающая легкость, с которой перемалывались человеческие жизни: «В нескольких шагах от нас почти у самой земли разорвалась японская шрапнель. Она пришлась как раз над одним из взводов красноярцев. Несмотря на предупреждение прижаться к насыпи, он продолжал лежать открыто, то есть так, как предписывал устав для ротной поддержки. Белое облачко быстро рассеялось. Большинство людей взвода осталось лежать навеки…» [3]. Японцы выдыхались, но об этом не ведали в русском штабе, и потерю некоторых позиций Куропаткин

расценил как угрозу окружения. 21 августа он приказал отступать.

***

Ян не оставил ни строчки воспоминаний о службе в Маньчжурии. В автобиографии писал, что всю войну провел специальным корреспондентом Санкт-Петербургского телеграфного агентства. В действительности корреспондентом он стал на исходе войны. Что за особые поручения выполнял? В формулярном списке Янчевецкого упомянуто лишь об одном: «28 августа 1904 г. командирован на линию Забайкальской и Средне-Сибирской железных дорог для выяснения на месте, где и какие задержаны в пути частные грузы, выписанные местными торговыми фирмами для нужд Приамурского края и направленные по планам Главного штаба с воинскими эшелонами, а также для принятия мер к дальнейшему передвижению этих грузов по назначению» [4]. Задание ответственное, но не для деятельной натуры. Иные поручения, конечно же, были, но какие – неизвестно.

Он мог видеться с братом в Хабаровске, куда тот вернулся в сентябре, посчитав законченной свою работу по организации издания «Вестника». Мог получать письма от близкого друга – Сергея Сыромятникова (Сигмы), чиновника особых поручений при адмирале Евгении Алексееве, наместнике императора и главнокомандующем на Дальнем Востоке. Сигма окончил Санкт-Петербургский университет гораздо раньше Василия, служил в Министерстве юстиции, одновременно делал карьеру журналиста, но поддерживал связи с альма-матер. Янчевецкий работал у Сигмы секретарем, когда тот заведовал русским отделом литературного журнала Cosmopolis. Сыромятников помог ему стать сотрудником «Нового Времени». У них были схожи политические взгляды, литературные вкусы и даже характеры: Сигма тоже тяготел к рискованным путешествиям, участвовал в экспедициях в Северную Корею и регион Персидского залива. В июле 1904 года он вышел из редколлегии «Нового Времени» и уехал в Маньчжурию.

Сыромятников видел отступление от Ляояна. «Солдаты шли, не оглядываясь на нас. Под гипсовыми масками их сумрачных лиц чувствовалась не одна лишь усталость, но и глубокая, затаенная обида… В Телине, на станции, я встретил начальника дворянского отряда. Он мне доказывал, что больше ничего мы в Маньчжурии сделать не можем… А вечером один офицер

рыдал, причитая: «Помилуйте, за что же это, за что? Всю сотню под шрапнель поставили. Всю мою сотню… Нет сотни… Ведь он болван, болван, как может сотня против батареи…». И слезы текли по его лицу, горькие и пьяные» [5]. Трагедия повторилась в октябре у реки Шахэ – на 14-й день сражения Куропаткин приказал армии вернуться на оборонительную линию. «Мы потеряли 45 000 человек неведомо зачем, – негодовал Сыромятников. – Понимаешь, ни одного проблеска таланта с нашей стороны нет. Мы осуждены на то, чтобы давить численностью, тяжестью мужичьего мяса. А с нами сражаются умом и талантом… Единственный генерал здесь, который умеет бить японцев – Мищенко. Я спрашиваю, отчего не дадут ему корпуса. «Помилуйте, как можно, он не генерал-лейтенант». Что же вам нужно? Бить японцев или содержать негодных генерал-лейтенантов?» [6].

Адмирал Алексеев подал в отставку с поста главнокомандующего. По решению Николая II его заменил… генерал Куропаткин. Приамурский генерал-губернатор Николай Линевич отбыл из Хабаровска командовать 1-й Маньчжурской армией. Уже из штаба он распорядился «командировать в мое распоряжение редактора Янчевецкого».

В должности чиновника особых поручений Дмитрий Янчевецкий служил в армейской разведке как «владеющий китайским языком и знакомый с местными условиями» [7]. А Василий остался в Хабаровске – 12 ноября приказом временно исполняющего должность генерал-губернатора он был утвержден штатным младшим чиновником особых поручений. И неясно, когда он добился перевода на фронт – до или после Мукдена. Генерал-губернатор подписал приказ задним числом: «положено считать Янчевецкого во временной командировке, без расходов от казны, в распоряжении Главнокомандующего всеми морскими и сухопутными вооруженными силами, действующими против Японии» [8].

***

Мукденское сражение было самой кровопролитной и в чем-то решающей битвой русско-японской войны.

Генерал Куропаткин сосредоточил в Центральной Маньчжурии три армии: почти 300 000 бойцов и 1500 орудий, маршал Ояма – четыре армии: 270 000 бойцов и 1060 орудий. 19 февраля 1905 года японцы пошли в наступление. Начался ад. «От целого Юрьевского полка осталось в строю уже несколько сот

нижних чинов при двух офицерах, но эти жалкие остатки все еще дрались и удерживали теперь за собой самую восточную окраину Юхуантуня, – рассказывал очевидец. – Чем ближе подходил шедший [на помощь] полк, тем сильнее становился огонь японцев. Шрапнели и шимозы лопались кругом, вырывая то тут, то там отдельных людей… Стихийно накинулись наши цепи и ворвались в японские окопы. Ни одного крика „ура“, ни „банзай“. Глухо трещат ломающиеся кости, да шлепают падающие тела убитых. Окоп и поле около него сплошь покрылось трупами, кровью, оружием и переворачивающимися ранеными…» [9].

Японцам вновь удался обходной маневр, и снова промахи высшего командования русских армий свели на нет героизм нижних чинов и полевых офицеров. Чтобы избежать окружения, Куропаткин отдал 6 марта приказ отступать за Мукден. «Одни части пробивались с боем, сохраняя порядок, другие – расстроенные, дезориентированные – сновали по полю взад и вперед, натыкаясь на огонь японцев, – вспоминал Антон Деникин, возглавлявший тогда штаб казачьей дивизии. – А все поле, насколько видно было глазу, усеяно было мчавшимися в разных направлениях повозками обоза, лазаретными фургонами, лошадьми без всадников, брошенными зарядными ящиками и грудами развороченного валявшегося багажа, даже из обоза главнокомандующего. Первый раз за время войны я видел панику» [10].

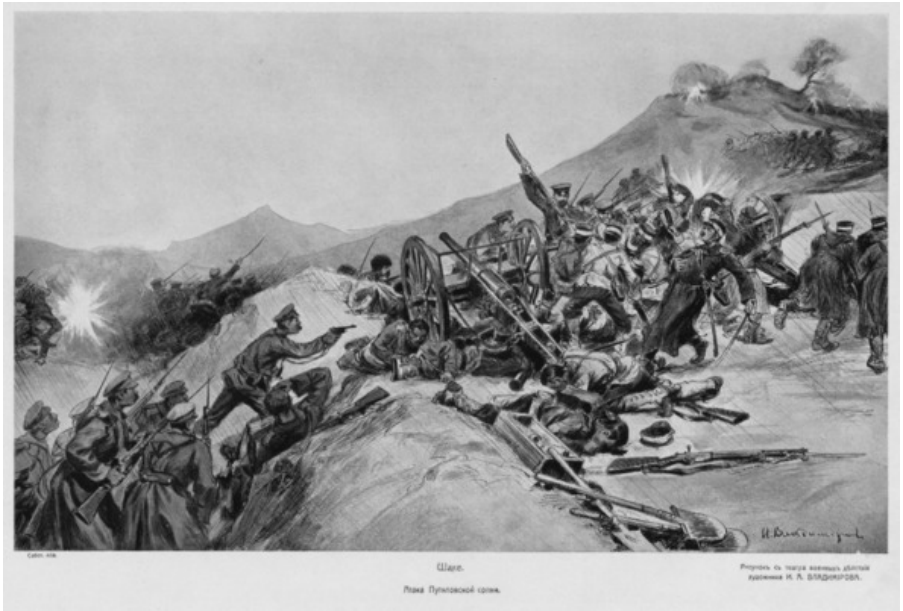
Исход сражения называли не иначе как катастрофой. Куропаткину незамедлительно была дана отставка, и его место занял Линевич.

21 марта 1905 года, будучи уже чиновником особых поручений при главнокомандующем, Василий Янчевецкий согласился сотрудничать с Санкт-Петербургским телеграфным агентством [11]. Корреспондировать, впрочем, не особо было о чем. Русские армии надежно закрепились на Сыпингайских высотах. Весь апрель центральные газеты публиковали однообразные сообщения: «На театре военных действий перемен нет», «Происходят мелкие стычки передовых частей», «Сегодня в общем положении на театре войны ничего нет нового», «Наши передовые отряды продвинулись сильно вперед», «На позициях господствует тишина», «На позициях без существенных перемен. На правом фланге происходят частые кавалерийские стычки», «На позициях полнейшее затишье…».

Известие о разгроме русской эскадры в Цусимском проливе 14—15 мая ошеломило всех, от рядового обывателя и солдата до государя-императора. Япония сразу же предложила переговоры. Русская армейская группа в Маньчжурии на тот

момент была гораздо мощнее противника. Но война уже обошлась России в четверть миллиона погибших, раненых, контуженых и пропавших без вести [12]. И Николай II согласился на обсуждение условий мира.

С 21 мая Василий Янчевецкий служит чиновником резерва хозяйственного разряда при полевом военно-госпитальном управлении 1-й Маньчжурской армии. Спустя месяц он произведен в чин коллежского секретаря [13].



Шаге.

Лама Пулковской сотни.

«Дрались мы честно с японцем, сколько людей ухлопали, сколько разорения семьям было, а в ничью война кончилась…».

Вот как вспоминал о днях перемирия человек, которого Янчевецкий, возможно, знал – Владимир Станюкович, начальник госпиталя в Гунчжулине, где находился штаб главнокомандующего: «Проведя день за работой, мы часто уезжали вечером в даль, к синеющим сопкам, блуждали между высокими стенами шумящего гаоляна, спускались к речкам, вьющимся в ложбинах… Любил я печальное небо Востока в эти тихие минуты, когда ушло уже солнце, когда жизнь притаилась, а оно, могучее, безучастное глядит на меня своею огромною степью – глядит без глаз, не моргая, как ужас… Медленно тянулись переговоры о мире. Жадно ожидали мы их окончания. В передовых линиях шли мелкие стычки. Изредка приносили раненых… Мир был необходим – об этом говорили и подавленная воля армии, и неурядицы, царящие в ней» [14].

25 августа 1905 года мирный договор был подписан. Японцы,

внутренне готовые на значительные уступки, переиграли русскую делегацию. Они заполучили права на аренду Квантунской области и Порт-Артура, вернули Южный Сахалин, некогда отданный России в обмен на Курилы, и подтвердили, что Корея является сферой японских интересов.

«Белеют кресты далёких героев прекрасных, и прошлого тени кружатся вокруг, твердят нам о жертвах напрасных…». Ранний текст вальса «На сопках Маньчжурии» отразил настроения российского общества. Восхищение героями смешалось с осознанием того, что война, по сути, проиграна. Вопросом «почему?!» задавались даже граждане, прежде лояльные к монархии.

«Не показала ли минувшая кампания, при отваге и находчивости нижних слоев армии, удивительную рутинность и не изобретательность чинов высших? – рассуждал Василий Янчевецкий, награжденный за участие в войне орденом Св. Анны III степени с мечами. – Покорность, послушание царили беспрекословно в армии, где тактику заменяла тактичность и люди с дипломами, но лишенные всякой творческой мысли и инициативы, душили своими распоряжениями могучую армию» [15].

Сигма в частном письме поставил диагноз: Россия оказалась не готова к войне, поскольку государственный механизм так упорно боролся со свободомыслием, что подавил талант и ум, и чиновничьи интересы стали выше интересов государства. «Нет ничего опаснее, как витать в облаках государственной мощи» [16].

Нужны были кардинальные перемены.

***

Осенью 1905 года Россия бунтовала.

Крестьяне, измученные малоземельем и выкупными платежами, делили меж собой помещичьи пашни и луга и громили усадьбы – чтобы барин не возвращался. В европейских губерниях волнения охватили более половины уездов. «Весть о мире воспринималась народом, видящим в нем знак нашего поражения, крайне враждебно, – запомнилось юной Марии Столыпиной, дочери саратовского губернатора, в будущем премьер-министра Петра Столыпина. – Народные бунты в деревнях усиливаются, крестьяне жгут имения помещиков, уничтожают все, что попадается им под руку: библиотеки, картины, фарфор, старинную мебель и даже скот и урожай. Почти

никогда крестьяне ничего не крадут, но ярким пламенем горят помещичьи дома, скотные дворы, сараи, амбары…».

Бастовали рабочие – печатники, металлисты, железнодорожники, столяры, горняки, телеграфисты и даже конторские служащие от Варшавы и Ростова-на-Дону до Иркутска и Читы. Возмущение взяли под контроль социалистические партии. Стачечники требовали народного представительства, свободы слова, печати и собраний, создавали советы рабочих депутатов. Во многих местах дело доходило до кровавых столкновений с полицией и казаками. В декабре митинги и манифестации переросли в вооруженные восстания в Москве, городах южных губерний, Поволжья, Сибири. Первопрестольную власти объявили на чрезвычайном положении, хотя вернее было сказать – на военном. На улицах и площадях Москвы шли настоящие бои: пушки и пулеметы против винтовок, револьверов и самодельных бомб.

Беспорядки случились и в Самаре, где проездом оказался Василий Янчевецкий, возвращаясь с Дальнего Востока. То ли стрелка внутреннего компаса, то ли очередная телеграмма побудили его вновь согласиться на службу в Азии. Заочно, приказом по Путевой канцелярии Туркестанского генерал-губернатора от 8 декабря 1905 года он был «назначен в распоряжение» губернатора – неутомимого Деана Суботича, не усидевшего в Санкт-Петербурге. Неизвестно, почему Янчевецкий задержался в Самаре (он замалчивал и этот фрагмент своей биографии). Но приказом от 31 декабря он «откомандирован от Путевой канцелярии Туркестанского генерал-губернатора». Со 2 января 1906 года Василий Григорьевич редактирует «Голос Самары» [17].

Газета создавалась по инициативе губернского предводителя дворянства, издателем стал городской голова Сергей Постников, и заявлена она была «органом Партии порядка на основаниях манифеста 17 октября». Местной партии, которая вскоре вольется в «Союз 17 октября» – контрреволюционную, как характеризовали ее советские историки, партию крупных помещиков и торгово-промышленной буржуазии. «Союз 17 октября», без преувеличения, был антиреволюционным. 17 октября 1905 года Николай II издал «Манифест об усовершенствовании государственного порядка». Государь обещал «даровать незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», привлечь к намеченным выборам в Государственную Думу «те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав» и «установить как

незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы».

«Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиною, – просил, а не указывал император, – и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле». Октябристы считали манифест достаточным основанием для надежды на коренное преобразование государства. «Цель издания, – разъяснялось на первой полосе „Голоса Самары“, – способствовать мирному всестороннему развитию края и родины и бороться со всякими проявлениями анархии». «Гражданская свобода понята была огромным большинством населения в смысле разрешения всякого насилия, грабежа, бесчинства и на первых же порах превратилась в необузданное своекорыстие и анархию», – сожалели авторы (или автор), писавшие под псевдонимами, и одновременно констатировали: «Мы до сих пор не прониклись сознанием всей важности избирательной миссии, которая возложена на всех нас, от богача до бедняка»; «Не подготовлен еще наш народ к партийной борьбе. Он мечтает о твердой и справедливой власти и законности и ждет всего этого от царя-батюшки, а сам что-либо предпринять для успокоения родины боится…» [18].

Янчевецкий руководил газетой до апреля 1906 года, когда выборы завершились. Разочаровался ли он в октябристах, получивших в Думе всего лишь 3,2% мест? Неясно. Янчевецкий, безусловно, был либерал, но либерал-мечтатель: он верил, что благодаря реформе нет больше деления на «благородных» и «черный народ», все равны, все граждане одного государства, и теперь нужна совместная созидательная работа. Классовые интересы – не столько реальность, сколько выдумка социалистов. Нет ничего хуже, чем говорит о розни. Он вообще не терпел революционной оппозиции и радикалов любого рода. «Приемы и цель как крайней правой, так и крайне левой [партии] совершенно одинаковы, – оценивал „Голос Самары“. – Всего ярче обличает [их] духовное родство стремление использовать в политике глубокое деревенское невежество» [19].

В тот год Василий Григорьевич сочинил притчу «На перепутье». В степи, там, где сходятся две проселочных дороги, и на зеленом холмике стоит покосившийся крест, встретились и разговорились старик-странник, солдат и крестьянин-пахарь. «– А все-таки я не понимаю, – сказал пахарь, – от чего в России непорядки пошли. – Оттого непорядки, – сказал старичок, – что всем большое стеснение жизни. Ходишь и оглядываешься, как бы кто-либо тебя не цукнул, не схватил, не побил, не запрятал. Нужна свобода! – Нет,

не оттого непорядки, – сказал пахарь, – а оттого, что все мы народ темный, всякому слуху верим, а чего надобно сделать – не ведаем. Вот я бьюсь на пашне, а не родит моя земля. И чего с ней сделать не знаю, научить меня некому… – Оттого непорядки, – сказал солдат, – что очень всем обидно. Дрались мы честно с японцем, сколько людей ухлопали, сколько разорения семьям было, сколько убытка всем людям, а в ничью война кончилась». Отдохнув, мужики разошлись, кому куда надобно. « – Да, ученье, – повторил задумчиво пахарь. – Свобода, – сказал старичок. – Победа, победа, – пробормотал солдат…» [20].

Обещанные свободы были подтверждены «Основными государственными законами», высочайше утвержденными в апреле 1906 года. Но деревню свободой слова и собраний было не успокоить, крестьянские волнения продолжались, и главным вопросом в стране оставался вопрос материальный – земельный. Знаменитые слова «Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» Столыпин произнесет в Думе при обсуждении не политической – аграрной реформы. Земля, как-никак – основа основ. Последнее, что по этой части сделало правительство Витте – издало положение, облегчавшее добровольное переселение «сельских обывателей и мещан-земледельцев» на свободные казенные земли в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке.

20 апреля 1906 года Василий Янчевецкий приказом по Главному управлению землеустройства и земледелия Российской империи переведен чиновником особых поручений в Туркестанское переселенческое управление, где получил должность статистика Сыр-Дарьинской переселенческой партии.

***

Это была совсем не романтичная работа, но Василий Григорьевич и в ней находил вдохновение.

«Отец провел много дней где верхом, где на бричке, вдвоем с вестовым, землемером, геодезистом или агрономом в разъездах по растрескавшейся Голодной степи, обрывистым берегам Сырдарьи и Арыси в поисках мест для поселений, пастбищ и посевов», – пересказывал Михаил Янчевецкий. Занимаясь планировкой одного из будущих селений, Василий Григорьевич радовался тому, как основательно делегаты переселенцев обдумывали обустройство на новом месте. Таких колонистов он называл «новой Россией» – творческой и самостоятельной. «В народе много хорошей, неиспорченной души

и мечтательности, – отмечал он. – Отчего столько людей уезжает в Америку? Туда едут те мечтатели, которые не могут устроить жизнь здесь так, как им бы хотелось. Америка кажется им свободной страной, где можно переродиться и начать жизнь согласно своим убеждениям… Этими энергичными русскими людьми следовало бы пользоваться. Они окажутся отличными колонизаторами».

Кто только не подавал прошения переселенческой партии – и отставные солдаты, осевшие в Туркестане, и железнодорожные рабочие, желавшие сменять грохот мастерских на здоровую деревенскую жизнь, и крестьяне из Сибири, распродавшие свое имущество, чтобы уехать туда, где теплое небо и виноград растет. «Теперь настало время, когда народ призывается к самодеятельности и самоуправлению, – рассуждал Янчевецкий. – На окраине, рядом с настойчивыми трудолюбивыми сартами и киргизами, умеющими возделывать земли с тщательностью, не уступающей китайцам, особенно чувствуется важность видеть в русских колонистах людей сильных, грамотных, которые могли бы противопоставить мусульманской твердости, воздержанию и упорству если не эти качества, то хотя бы просвещение и способности талантливого русского народа» [21].

Служба – службой, но Василий Янчевецкий не стал бы Яном, если бы перестал увлекаться необычайным.

«Мне сказали, что в азиатской части города, в одном из отдаленных и глухих его мест, куда европеец боится заглядывать, живет старик-дервиш, делающий чудеса, – вспоминал он о пребывании в Ташкенте. – Говорили, что он может вызывать души умерших…». Дервиш сперва отнекивался, предлагая выбрать какое-либо волшебное снадобье и не тревожить тех, кто находится в садах аллаха. Но поддался на обещание хорошей платы, провел гостя в комнату, усадил на подушки и начал читать заклинания, бросив некие семена на тлеющие угли в жаровне. И Василию явилась красивая девушка в светлом шелковом платье – он узнал в ней ту, с которой однажды танцевал кадриль на студенческом балу. И она подтвердила, что помнит тот бал – последний в ее жизни. Видение развеялось, как только Василий попытался прикоснуться к призраку. «В комнате было темно, душно от ароматного дыма, а сквозь отверстие в крыше падали капли дождя… Старик молча глядел на меня своими странными светлыми глазами, и на лице его сохранялась невозмутимость. – Я проведу здесь день, неделю, месяц, но мне нужно увидеть ее еще раз! – Нет! – ответил дервиш. – Тебе, ага, нельзя вызывать души джиннов. Ты захочешь

их видеть еще и еще много раз! Поезжай домой и забудь обо всем!» [22].

Янчевецкий вскоре и в самом деле уехал домой. Его служба в Туркестане закончилась одновременно (совпадение или нет – не берусь судить) с отставкой Суботича, в сентябре 1906 года отозванного в столицу, как поговаривали, по причине излишнего либерализма на посту генерал-губернатора.

Попробуй любой человек прокрутить в уме ленту событий своей жизни назад, он обнаружит: все, что происходило с ним, увязано настолько плотно, что незначительных звеньев в этой цепочке нет, даже если когда-то они и казались таковыми. Разумеется, Василий Янчевецкий не предполагал, что он еще посотрудничает с Санкт-Петербургским телеграфным агентством, побывает и в Самаре, и в Ташкенте, и каждый раз это будут поворотные моменты в его судьбе. Пока же он с женой и приемной дочкой просто едет в Санкт-Петербург. Сигма сообщил, что у него в газете «Россия» есть вакантная должность выпускающего редактора.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все даты до 26 января 1918 года приведены по старому стилю.

1. Формулярный список о службе коллежского асессора В. Янчевецкого. – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, ф.114, оп.1, д.11586, л. 118об. Автор благодарит Елену Ковалеву (Санкт-Петербург, историко-краеведческий клуб «Петрополь») за указание местонахождения документа.

2. Н.Г.Мизь, А.Ю.Сидоров. Первая военно-полевая газета России. Стр. 10.

3. А.М.Игнатьев. Пятьдесят лет в строю. – М., 1986. Стр. 198.

4. ЦГИА СПб, ф.114, оп.1, д.11586, л. 118об.

5. С. Сыромятников. Записки писателя. // «Слово» (Санкт-Петербург), 27.02.1905.

6. Письмо Н. М. Соколову в Санкт-Петербург от 24.10.1904 г. из Харбина. – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, ф.1000, оп.2, д.1333. Копия предоставлена Б.Д.Сыромятниковым – двоюродным внуком С. Н. Сыромятникова. В этом письме Сигма также упоминает: «еду в Персию – кончать порученную работу».

7. Среди офицеров штаба армии, ведавших разведкой посредством посылки агентов-китайцев, Д. Янчевецкий был единственным гражданским лицом. На организацию тайной разведки ему выделили 1500 рублей («Отчет о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-

квартирмейстера штаба 1-й Маньчжурской армии 26 октября 1904 – 1 сентября 1905». Гриф «Доверительно». – М., 1906. Стр.49). В марте 1905 года Д. Янчевецкий был прикомандирован к штабу главнокомандующего и отвечал за разведку «согласно особых инструкций» на одном из участков перед правым флангом линии обороны («Отчет о деятельности разведывательного отделения Управления генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем с 4 марта 1905 года по 31 августа того же года». Опубликован в книге: И.В.Деревянко «Белые пятна» Русско-японской войны. – М.: Эксмо, Яуза, 2005. Стр. 265).

8. Приказ вр. и. д. Приамурского генерал-губернатора за №85 от 22 апреля 1905 г. – ЦГИА СПб, ф.114, оп.1, д.11586, л. 119об.

9. Цитируется по книге: А.В.Шишов. Россия и Япония. История военных конфликтов. – М., Вече, 2001. Стр. 282—283.

10. А.И.Деникин. Путь русского офицера. – М., Современник, 1991. Стр. 152.

11. Отчет о применении цензуры на театре войны. Составлен Цензурным отделением Штаба главнокомандующего. – Харбин, 1905. Приложения, стр. 33. Согласно отчету, В. Янчевецкий оставался корреспондентом Петербургского телеграфного агентства до конца войны. Такое совместительство было обычным делом: корреспондентами российских газет и телеграфных агентств за все время войны работали 35 офицеров и четыре чиновника, причисленных к армии.

12. Подсчеты Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны.

13. ЦГИА СПб, ф.114, оп.1, д.11586, л. 119об.

14. В.К.Станюкович. Пережитое. Воспоминания зрителя войны. – СПб, 1907. Стр. 91—92.

15. В. Янчевецкий. Воспитание сверхчеловека. Стр. 15—16. О награждении говорится в формулярном списке: «Всемилостливейше пожалован за боевые отличия… 1908, 5 июня».

16. Письмо Н. М. Соколову от 24.10.1904 г.

17. ЦГИА СПб, ф.114, оп.1, д.11586, л. 120об; Библиография периодических изданий России, 1901—1916. Том I. – Л., 1958. Стр. 402.

18. «Голос Самары», 22.02.1906 г., 20.01.1906 г., 05.03.1906 г.

19. Воспитание сверхчеловека, стр. 105; «Голос Самары», 28.01.1906.

20. Воспитание сверхчеловека, стр. 130—132.

21. В. Янчевецкий. Русская колонизация Туркестана. // «Россия», 17.11.1906, 21.11.1906, 24.11.1906; 26.01.1906.

22. В. Янчевецкий. Душа // «Россия», 18.04.1910.

Глава 4. Газета, гимназия, Азия

Взрыв на Аптекарском острове был слышен на восемь верст вокруг. Два террориста, переодетые жандармами, прошли в приемную на даче премьер-министра и, когда охрана заподозрила неладное, швырнули на пол принесенные портфели с криками «Да здравствует революция!». Следом за взрывом, потрясшим дом, полыхнуло у подъезда – боевики в подъехавшем ландо задействовали свои бомбы. Петербург ужаснулся: двадцать пять раненых, среди них дочь и сын Столыпина, двадцать четыре погибших, не считая самих террористов. Сам Столыпин не пострадал, лишь чернильница опрокинулась на хозяина.

Покушение случилось 12 августа 1906 года, спустя месяц после назначения Петра Аркадьевича главой совета министров с сохранением в должности министра внутренних дел. Накануне повышения Столыпин убедил Николая II распустить строптивую Думу и объявить новые выборы. О том, с чьей помощью государь составил манифест, никто не узнал. Террористы будто предчувствовали, что именно этот сановник сумеет заглушить революционное брожение в России. Правда, эсеры-максималисты покушался не столько на человека, сколько на статус. Что может быть внушительнее убийства второго лица в империи, если первое лицо – не достать?

Будучи только министром внутренних дел, Столыпин пригласил для беседы Сергея Сыромятникова, на тот момент сотрудника газеты «Слово». «Единственным средством успокоения [общества] он считал укрепление и развитие народного представительства, – вспоминал о той встрече Сигма. – Его интересовала та часть печати, на которую могло опереться правительство» [1]. Став премьером, Столыпин осуществил свой интерес. 9 июня 1906 года он отправил губернатору Санкт-Петербурга конфиденциальный циркуляр: «Ввиду появления массы новых столичных и провинциальных газет, распространяющих ложные сведения о событиях в России, и во избежание неправильного или тенденциозного толкования вносимых правительством в Государственную думу законопроектов, Совет министров признал необходимым избрать один из существующих частных органов столичной печати, посредством которого сообщались бы верные фактические данные по всем наиболее важным вопросам и событиям… По соглашению с действительным статским советником Воейковым и отставным гвардии капитаном Брискорном, которым принадлежит выходящая в Петербурге газета „Россия“, эта газета, начиная

с 8 июня, увеличена до обычного размера политических газет, причем она будет издаваться во всем, что касается законопроектов, действий, предложений и распоряжений правительства и правительственных должностных лиц при ближайшем руководстве и содействии образованного при Главном управлении по делам печати отдела повременной печати» [2].

Пост редактора-издателя «России» занял некто Животовский. Но настоящим ее редактором стал Сергей Сыромятников, а управляющим – Илья Гурлянд, член совета министра внутренних дел. «Министерская газета „Россия“ заменила официальное „Русское Государство“ (чистоплотный господин Сыромятников вместо нечистоплотного Гурьева), – иронизировал бывший премьер-министр Сергей Витте. – Столыпин наивно воображал, что он введет в заблуждение общественное мнение. Конечно, эта наивная хитрость никого в заблуждение не ввела. Вся Россия отлично знала, что газета „Россия“ есть правительственный орган, содержащийся за счет правительства, секретных фондов и доходов „Правительственного вестника“» [3]. Витте не преувеличивал – уже в 1907 году «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» в очередном томе разъяснял: «„Россия“ – политическая и литературная газета; издается в СПб. с 1 ноября 1905 г. Первоначально маленькая газета. После прекращения „Рус. Государства“ превратилась в 1906 г., при ближайшем участии С.Н.Сыромятникова, И.Я.Гурлянда и А.Н.Гурьева, в официозный орган Министерства внутренних дел». Печаталась «Россия» в типографии МВД – там же, где «Правительственный вестник».

Василий Янчевецкий, работая редактором, числился сотрудником МВД: «Приказом по Министерству внутренних дел от 3 ноября 1906 г. переведен на службу в сие министерство, с причислением к оному. Откомандирован, для занятий, в Главное управление по делам печати» [4].

Сигма считал, и не без оснований, что русская революция – это мерзость и безумие. И потому не стеснялся преувеличивать ее ужасы. Страницы «России» заполняли столбцы телеграфных сообщений со всей империи, где под заголовками «Революционные убийства», «Бомбы», «Жертвы революции» преступления на политической почве смешивались с обычной уголовщиной. Но и без того размах «мести народной» вызывал оторопь.

Всеобщего восстания и государственного переворота не произошло. Мятежи солдат и матросов в отдельных гарнизонах на Балтике были подавлены. Деревня еще

волновалась, но усмирялась силой и словом (выкупные платежи за землю отменялись, был издан указ о выходе крестьян из общины). Социалистические партии получили возможность легальной работы в Государственной думе. И тогда непримиримые борцы за свободу перешли к индивидуальному террору. Вот революционная калькуляция 1906 года: 738 должностных лиц убито, 972 – ранено. Покушались на всех служителей царизма, от городовых до генерал-губернаторов. 21 декабря боевик-эсер застрелил петербургского градоначальника, спустя неделю был убит главный военный прокурор империи. Николай II, принимая Столыпина с докладом, заметил с горькой иронией, что на высших сановников охотятся как на куропаток. Премьер-министр ответил: «Ваше величество, идет гражданская война, которая пока что полностью в стране не закончена». В августе 1906 года по инициативе главного военного прокурора, поддержанной императором, Совет министров принял положение о военно-полевых судах. Для ускорения кары в случае явной виновности в нападениях на должностных лиц, убийствах, грабежах или же подготовке этих преступлений (революционные экспроприации были отдельной бедой: за год, начиная с октября 1905-го, совершено 940 ограблений финансовых учреждений, ущерб исчислялся миллионами рублей). Суды действовали до апреля 1907 года и вынесли 1102 смертных приговора, две трети из них привели в исполнение. Такого размаха казней Россия не знала с Пугачевского бунта.

***

Что думал о происходящем Василий Янчевецкий, веривший, что «нет ничего выше протеста во имя убежденной идеи»? Он ничуть не сочувствовал борцам за народное счастье. «Русские революционеры работают не за объединение, укрепление России, а за ее распадение, ее ослабление… Вся русская революция, подлая, грабительская, воровская, полна нарушения всех христианских заповедей и заветов, прежде всего потому, что русские революционеры не христиане, среди них слишком много врагов Христа, а остальные – люди без веры, как и без какой-либо любви к ближнему… Революционные бесчинства свою положительную роль сделали – они показали всю сладость мирного порядка» [5].

Выпускающий редактор – работа ночная (печать газеты завершалась в четыре часа утра). От выпускающего, в конечном

счете, зависело, что и как будет опубликовано в свежем выпуске. Но Янчевецкий не может не писать. Время от времени, иногда под псевдонимом В. Ян, он публиковал в «России» рассказы-воспоминания и заметки на самые разные темы – освоение Сахалина и благоустройство Петербурга, современная педагогика и работа Государственной думы. Янчевецкий не может не странствовать. Весной 1907 года вместе с экспедицией Главного управления землеустройства он отправился на север, в плавание по Ледовитому океану к устью Печоры, а осенью со своей семьей – на юг, в путешествие по Средиземному морю от Константинополя до Бейрута и Каира.

«Я много читал, много учился и много путешествовал, – напишет он через несколько лет в журнале, который придумает для гимназистов. – И все мне кажется мало, и я продолжаю и читать, и учиться, и путешествовать, потому что наша душа ненасытная, нам все хочется узнать, весь этот бесконечный мир, и сама смерть как будто бы не может остановить нашу жажду знаний» [6].

Он по-прежнему романтик, сторонник «светлого, эллинского взгляда на жизнь», мечтающий о прогрессе. На первую книгу стихов декадентского поэта Андрея Белого Янчевецкий отозвался положительной рецензией: «Современный поэт живет в нервном шумящем городе, и живет всеми нервами, всеми волнениями этого человеческого муравейника. Здесь нельзя сочинять сонеты и стансы по трафаретке – здесь поэт есть эхо бурной жизни города». И вместе с тем Василий Григорьевич болезненно реагирует на размах общественных свобод, неизбежный после снятия запретов: новая литература и пресса заражены злобой и пессимизмом, свобода совести граничит с нигилизмом. «Требование нравственности в жизни скоро заставит и политические партии быть абсолютно честными и в программах, и в действиях… Это возрождение нравственности осудит черным укором всех кадетов, которые из-за заигрывания с левыми не решились высказать свое порицание убийцам и грабителям. Это же требование доброты и честности укажет соответственное место тем левым партиям, которые пользуются кровавыми деньгами…» [7].

Искренне, но несколько наивно. Парадокс: искренность и вера подводят Янчевецкого, когда он берется рассуждать на политические и социальные темы.

«Россия окружена врагами…». С этих слов начинается изданная им в 1908 году книга «Воспитание сверхчеловека» – сборник ранее напечатанных и еще не публиковавшихся статей, заметок и рассказов. Название заглавного сочинения – дань

ницшеанству. Сверхчеловек – «возвышенное существо будущего», в котором объединятся образованность, сила, воля и нравственность. Василий Григорьевич, как и впечатливший его немецкий философ, противопоставляет монашеский и эллинский идеалы: первый подразумевает уступчивость, кротость, отказ от удовольствий и радостей, второй – наслаждение жизнью, стремление к победе и счастью на земле. По какому пути направить воспитание современного юношества? Янчевецкий пишет о насущном и важном, и вроде бы не ошибается в оценках. Но в итоге философское эссе у него превращается в политический манифест с нотками верноподданнического доклада. «На земном шаре становится тесно жить… Россия окружена государствами, где переизбыток населения. Германия, Австрия и весь Европейский Запад представляют готовую двинуться на восток волну, Drang nach Osten, в поисках за новыми землями. Китай и Япония с другой стороны уже начали вторгаться в пределы, занятые русским племенем… Если бы не страх перед нашей миллионной армией, если бы Россия была бы так же дезорганизована, как Индия или Китай, Россию залили бы всевозможные иностранные полчища, предприниматели, промышленники, колонисты… На новые войны мы можем смотреть теперь гораздо спокойнее и смелее. Но нужно, чтобы все в империи было подготовлено к войне… Нам нужно готовиться к великим мировым переворотам. Победит тот, кто будет более образован, культурен и силен… [Пока что] без всякой войны западные рабочие, промышленники, купцы, акционеры всевозможных предприятий медленно проникают в нашу родину и распространяются свободно по всем ее концам, побеждая русского своей высшей культурой, своим знанием, лучшим умением работать, трезвостью, исправностью и упорством в достижении целей… Поэтому в наилучшем воспитании детей – залог будущего счастья России… Необходимо готовить детей к борьбе на всех поприщах жизни… Нынешняя русская школа совершенно не достигает своей задачи – воспитывать сильное поколение. В мир школа должна выпускать образованных, энергичных и здоровых людей, которые могли бы успешно бороться за свою жизнь, за жизнь своей семьи, за свободу и независимость своей родины… На всех поприщах техники нужен сильный толчок образованию нашего юношества, чтобы мы шли все время вперед, развиваясь и двигая самостоятельно знание. Кто стоит, того опережают другие, кто отстал, тому нужно сделать двойные усилия, чтобы догнать и опередить. Я верю, что мы можем идти впереди других» [8].

Если не знать ничего об авторе этих строк, то при первом

размышлении складывается образ штабного офицера или министерского чиновника с соответствующими манерами и привычкой мыслить строгими правилами, схемами и общими категориями. Но подобного превращения характера с Янчевецким не случилось.

***

«Невысокого роста, крепко и ловко сложенный, со смугловатым скуластым лицом, – которому маленькие, чуть обвисшие усики придавали монгольский характер, подчеркнутый острыми наблюдательными глазами, – он нравился нам спокойной уверенностью движений и необычайной выдержкой, – вспоминал поэт Всеволод Рождественский. – Никогда не повышая голоса, говорил он мягко, ясно, точно, был со всеми нами почти в приятельских отношениях, но строго соблюдая границу дозволенного… Предмет свой знал превосходно и все же никогда не мучил нас грамматикой и академической сушью. Страница учебника была для него только поводом к широкой, сверкающей остроумными замечаниями беседе. И как любили мы эти беседы!.. Об исторических лицах он говорил как о простых давно знакомых ему людях, а в строфах поэтов, отошедших в вековое прошлое, открывал волнение и тревогу страстей, понятных и близких нашей жадной ко всему живому юности. Он был мастером широких, волнующих обобщений. От частного случая переходил к эпохе, исторические события в его передаче, кстати, лишенной ложного приукрашенного пафоса, приобретали осмысленную стройность…» [9].

Да, это портрет Василия Григорьевича Янчевецкого, учителя латинского языка в 1-й Санкт-Петербургской гимназии с 17 сентября 1908 года. Оставаясь выпускающим редактором газеты, нагрузку он поначалу взял небольшую – пять часов занятий в неделю. «Я представлял себе 50 человек, с которыми мне придется остаться наедине, их насмешливые глаза, следящие за каждым моим движением, – вспоминал он. – И меня мучила мысль, сумею ли я совладать с целым классом?» [10].

«Он нравился нам спокойной уверенностью движений и необычайной выдержкой…» Янчевецкий – преподаватель гимназии и редактор газеты «Россия» (из семейного архива).

Янчевецкий никогда никого ничему не учил. Но он прекрасно понимал, как надо общаться с детьми, поскольку помнил себя в детстве. «Если воспитанник имеет пятерку по одному предмету, то, хотя бы он имел самые дурные отметки по другим, – мальчик спасен, идет вперед. Если у ребенка является желание или мечта о чем-нибудь, постарайтесь помочь ему осуществить эту фантазию на деле. Можно ставить некоторые препятствия, чтобы ребенок научился в борьбе добиваться своей цели. Но только не осмеивайте его фантазии, какой бы смешной и „детской“ она не казалась» [11].

Дети – чуткие и внимательные существа – оценили необычный подход. Новый учитель не скупился на хорошие оценки и похвалу по заслугам и не наказывал за проказы. Он только настаивал на откровенности. Свидетельством взаимного доверия он считал тот факт, что «ни одной шалости в классе не осталось нераскрытой». Заслуженный авторитет был замечен руководством гимназии. В августе 1909 года по предложению попечительского совета Янчевецкий «допущен к исполнению обязанностей воспитателя в пансионе гимназии» [12].

Гимназия помогла ему пережить трагедию – потерю жены. Летом 1908 года в России свирепствовала холера, косившая тысячи людей в деревнях и городах, не исключая столицы. Мария

заразилась, Василий три недели кряду посещал холерный барак, ухаживая за больной женой, но ничто не помогло. Видимо, тогда у него и появилась склонность забываться в творческой работе, помогающая не ломаться под ударами судьбы. Овдовев, Василий Григорьевич с дочкой Женей перебрался из доходного дома в Гродненском переулке на Ивановскую 7, сняв квартиру в том же здании, где располагалась гимназия. Вместе с ними поселился брат Митя, беспокойная душа. После войны Дмитрий обогнул полмира: Япония – Соединенные Штаты – Великобритания – Франция – Германия – Россия; не смог усидеть в Ревеле, вновь отправился на Дальний Восток, путешествовал по Амурскому краю, а по возвращении в Петербург согласился поехать корреспондентом «Нового времени» в Персию. И вот теперь наконец-то решил пожить и поработать в столице [13].

В 1910-м учебном году Василий Григорьевич взял на себя 10 часов уроков в неделю. И тогда же, с сентября начал издавать еженедельный журнал «Ученик» (редакция на Невском, 112 – в здании главной конторы «России»). «Цель этого журнала не только предложить занимательное чтение, но и знакомить в нем с жизнью как она есть…». Поначалу довольно скромный по содержанию и оформлению, «Ученик» постепенно превратился в заметное издание с подписчиками как в столице, так и провинции – Вязьме и Чернигове, Астрахани и Царицыне, Одессе и Тифлисе. Чего только не было на его страницах! Стихи и рассказы серьезные, лирические, романтические, забавные; приключенческие романы с продолжением и повести в картинках (наподобие современных комиксов); очерки о путешественниках, скаутские истории и советы юным разведчикам; научно-популярные заметки и раздел «Спорт и игры», переписка читателей и заочные кружки по интересам – «Электрик-любитель», «Марка» и так далее. А еще в «Ученике» печатался «Дневник Пети Петушкова», сочиняемый Василием Янчевецким. Его воображаемый автор был озорным, смелым, изобретательным, проказничал не со зла и старался не подводить товарищей. Он казался настолько настоящим, что в редакцию приходили письма на имя Петушкова.

Несколько рассказов для «Ученика» написала Ольга Янчевецкая, корректор газеты «Россия». Жена. Василий Григорьевич не смог долго оставаться один.

***

Ольга Виноградова приехала в Петербург в 1905 году, сбежав

от тетки из Севастополя. Пятнадцатилетняя гимназистка решила, что вполне может жить самостоятельно: «У меня имелись 30 рублей и убеждение, что мне не нужна ничья помощь и никому я не должна быть обязана». Работала портнихой, прачкой, продавщицей в пекарне. Благодаря случайному знакомству Ольгу взяла под опеку княгиня Мария Дундукова-Корсакова. Когда девушка окончила гимназию, княгиня отправила ее в редакцию газеты «Россия» с запиской: «Обеспечьте, по возможности, моей воспитаннице какую-нибудь достойную работу».

Барышню с двумя косами до пола и корзинкой на руке встретил заместитель редактора. «Этот приятный господин вел себя, как мне казалось, сухо и по-деловому. Коротко и строго взглянул на меня, прочитал письмо и сказал: „Приходите завтра“. А назавтра он был так же строг и сдержан. „Вы приняты на должность корректора. Приходите вечером в десять на работу“. „В десять часов вечера!“. „Да, – с насмешкой сказал Янчевецкий – газеты печатают ночью“. Потребовалось несколько дней, чтобы я привыкла к работе. Голос начальника вначале мне часто напоминал: „Виноградова, не спите“… Молодые люди обращали на меня внимание, и только Янчевецкий не замечал. Когда я приходила о чем-то его спросить, он отводил глаза в сторону и отвечал коротко и по-деловому. Я удивлялась: „Боже мой, что за человек этот Василий Григорьевич. Всегда сердит. Чем же я могла его обидеть?“. И вот однажды выяснилось: таким образом он выказывает свои чувства. „Я тут же влюбился, как только увидел тебя с твоими длинными косами. И как меня злило, что все оказывают тебе знаки внимания!“. „Но ты ведь даже взглянуть на меня не хотел“ – жаловалась я. „Я не решался, – объяснил он. – Мне казалось, что ты тут же поймешь, что я чувствую“» [14].

Венчались в апреле 1909 года. Дмитрию пришлось съехать из общей квартиры. Впрочем, вскоре он сам связал себя узами брака, женившись на юной красавице Саше Огневой – дочери полтавского дворянина, окончившей в Петербурге Бестужевские курсы.

Василий Григорьевич делил себя между двумя редакциями, гимназией и семьей, пока в декабре 1910 года не попросил попечительский совет освободить его от обязанностей воспитателя. Но главное свое педагогическое начинание не оставил. Двумя месяцами ранее он предложил директору гимназии организовать отряд юных разведчиков «с целью развития в юношах самодеятельности, находчивости, умения ориентироваться во всякой обстановке и при природных обстоятельствах» – по системе Баден-Пауэлла.

Британский генерал-майор Баден-Пауэлл, герой англо-бурской войны, собрал первую группу юных разведчиков в 1907 году, затем издал книгу Scouting for boys. Он думал о благе своей родины и не предполагал, что скаутинг за короткий срок обретет популярность во многих странах мира. В России его идеи в числе первых оценил преподаватель латинского языка Янчевецкий. Будучи убежденным патриотом, он не считал зазорным учиться у Запада. Посмотрите, говорил Василий Григорьевич, на английского мальчика – у него на лице написано счастье от собственного существования, кипят силы и надежды на счастливое будущее. «Англичане использовали любовь детей к путешествиям, к убеганию в Америку, поэтому устроили детские кружки в лагерях, где дети живут совершенно как солдаты на маневрах, учатся приготовлять себе пищу, строить хижину, лодку, плот, чинить свое платье и обувь. Они делают большие походы, должны быть в состоянии находить дорогу без проводника, обращать внимание на солнце, месяц и звезды, на следы людей и животных… Все это имеет цель развития мужественности, находчивости, выносливости и любви к родине и природе» [15].

Иногда взаимность можно измерить цифрами. За тот месяц, что ушел у Янчевецкого на подготовку программы занятий и поиск наставников, число желающих вступить в отряд выросло с 30 до 200 учеников, в том числе из других гимназий. Василий Григорьевич обещал научить, как пользоваться компасом, оказывать помощь в несчастных случаях и строить разборные мосты из гимнастических шестов. Но при этом юные разведчики должны были окапывать деревья и огород во дворе гимназии столь же усердно, как и ходить в дозоры. 19 января 1911 года Министерство народного просвещения одобрило его ходатайство [16]. Весной отряд Янчевецкого вышел в первый поход – из Санкт-Петербурга в Сестрорецк. Всего на один день, но как он запомнился участникам!

Спустя сорок лет Евгения Можаровская (та самая Женя) познакомилась в Доме творчества в Комарово с писателем Леонидом Борисовым. Оказалось, тот учился в 1-й Санкт-Петербургской гимназии. «Свято хранит два комплекта „Ученика“… О папе говорит прямо с обожанием и мечтает встретиться…» [17].

***

Когда Василий Григорьевич вернулся из Белграда, где

проходил конгресс славянских журналистов, Ольга уже заметно округлилась. Кто появится на свет? Янчевецкий хотел сына. Он даже представлял, как будет с ним нянчиться, читать сказки… Телефонный звонок от директора СПТА нарушил семейный покой.

Главному телеграфному агентству Российской империи (подчинявшемуся, к слову, Совету министров) требовался свой человек в Персии, где разгоралась гражданская война. Шах Магомет Али, свергнутый в 1909 году с престола и бежавший в Россию, в начале июля 1911 года вдруг объявился на севере родной страны. Среди туркмен он быстро набрал отряд для похода на Тегеран. Его брат Салар-уд-Доулэ взбунтовал курдов в западной Персии и занял провинцию Хамадан к югу от столицы. Петербургские газеты сообщали: «Тегеран объявлен на военном положении…». «Число сторонников Магомет Али-шаха, по-видимому, растет…». «Меджлис единогласно вотировал законопроект о назначении 100 000 туманов вознаграждения за голову Магомет Али-шаха…» [18].

Василий Янчевецкий знал фарси, бывал в Персии. Он журналист и потому может вместе с официальными поручениями исполнять не гласные. Допустим, собирать и передавать больше сведений, чем нужно агентству для официальных публикаций. Правительству необходимо иметь максимально полную картину происходящего в Персии – ведь шах вернулся, да еще с партией оружия, не без российской помощи. Разумеется, от предложения можно отказаться. Поручение рискованное. Но Янчевецкий согласился.

Начиная с 5 августа 1911 года, сообщения СПТА о событиях в Персии печатались со ссылкой на собственного корреспондента агентства. Судя по этим телеграммам, Янчевецкий проехал по северу Персии от Астрабада, где утвердился Магомет Али, до Тавриза и Урмии, губернаторы коих не поддержали шаха и склонялись в сторону Турции. Появлялся он и в Тегеране, то есть по обе стороны условной для гражданской войны линии фронта [19]. Вероятно, в конце августа, когда шахский отряд, подошедший к Тегерану, был рассеян правительственными войсками, Василий Григорьевич разыскал ставку Магомета Али в предгорьях Эльбурса.

«Мы долго ехали по извилистому ущелью, глухому и пустынному… Вот и лагерь. Вдоль ущелья по склону горы запестрели бесчисленные палатки и шатры… На высоком отроге видны два домика, окруженные деревьями. Проводник поворачивает туда, и наши кони карабкаются по крутой тропинке… Мы усаживаемся на полу вокруг снарядного ящика,

который служит столом, раскладывается карта и начинается обсуждение положения дел. Шах свободно говорит по-русски, его брат по-французски. «Известия приходят медленно, – говорит Магомет Али. – Долго нельзя узнать, в каком положении другие отряды, идущие к Тегерану… Я выехал из Вены вследствие бесчисленных просьб из разных городов Персии вернуться и восстановить порядок в стране. Мне обещали, что я проеду до Тегерана, не пролив капли крови, а вдруг оказывается, что возникает война…". Я не решаюсь передать разговоры, которые Магомет Али имел со мной, так как не знаю, насколько это ему желательно… В личности этого человека есть что-то привлекательное и светлое, недаром тысячи людей поднялись в разных концах Персии, чтобы увидеть на престоле своего бывшего монарха… Я объехал лагерь. Эмир-Туман предложил мне поехать вместе вперед на юг, на передовые позиции. С гор спускается туман и начинается проливной дождь, мы едем вдоль бурливой реки, мимо угрюмых скал, по карнизам. Дорога далее поднимается прямо вверх на перевал, занятый бахтиарами и тегеранскими войсками… Утром тот же проливной дождь. Так как в этом отряде не предвиделось никаких перемен, я решил отправиться через горы в отряд Эмир-Мукарема, чтобы присутствовать при его наступлении» [20].

Репортаж о встрече опубликовали лишь в ноябре, когда последний отряд сторонников шаха был разгромлен, а еще раньше Магомет Али вновь нашел убежище в России. Материал, несмотря на задержку, все равно был сенсационным – ведь никто другой из иностранных корреспондентов в Персии не виделся за время войны с мятежным шахом.

«В походе на Тегеран туркмены видят не только защиту и восстановление прав своего владыки, но также небывалый по грандиозности «аламан»…». «Правительственные войска проявляют крайнюю жестокость и вешают попадающихся им в руки сторонников Магомета Али…». «10 тысяч всадников и пехоты Салар-уд-Доулэ идут к Тегерану…». «Всякое сообщение с Тавризом прекращено. Банды Хаджи-иль-Хани грабят всю окрестность…». Янчевецкий, похоже, работал не в одиночестве: создал сеть информаторов, вероятно, из числа сотрудников русских консульств. СПТА исправно получало телеграммы «от собственного корреспондента» из разных мест Персии и после его возвращения. Уже 3 ноября в газете «Россия» в объявлении о подписке на «Ученик» отмечалось, что в приложениях к журналу «будет продолжаться веселый «Дневник Пети Петушкова»».

8 декабря 1911 года у Василия и Ольги Янчевецких (жили

они теперь на Фонтанке, в большом доходном доме, принадлежащем Дирекции императорских театров) родился сын.

Ольга Янчевецкая с сыном Мишей (из архива семьи Янчевецких)

***

«России нет – Россия еще будет». Василий Григорьевич неожиданно для себя горько усмехнулся, припомнив некогда сочиненный им лозунг. В государстве по-прежнему неладно.

1 сентября, когда он отправлял очередную телеграмму из Персии, в Киевском городском театре на спектакле «Сказка о царе Салтане» анархист Богров стрелял в Столыпина. 5 сентября премьер-министр умер от ран. Янчевецкий верил в государственный гений Петра Аркадьевича. С его смертью (обстоятельства покушения наводили на мысль о преступном бездействии полицейских начальников) монархия будто бы потеряла баланс разума и воли, который он старался установить.

«О Столыпине, погибшем на своем посту, через месяц после кончины говорили тоном полного спокойствия, мало кто уже и вспоминал о нем, его глубокомысленно критиковали, редко кто молвил слова сострадания о его кончине, – запомнилось бывшему министру финансов Владимиру Коковцову, назначенному главой правительства. – Как это ни странно, вопрос о Распутине невольно сделался центральным вопросом ближайшего будущего и не сходил со сцены почти за все время моего председательства

в Совете министров» [21]. Об интригах и выходках «святого старца» говорили в Думе и сплетничали на улицах. Писали и в массовом «Русском слове», и в кадетской «Речи», и даже консервативном «Новом времени». «Россия», разумеется, молчала. Коковцов и председатель Государственной думы Родзянко пытались объяснить государю, что все это расшатывает престиж монархии…

А в апреле 1912 года по репутации власти был нанесен еще один удар. В Сибири на Ленских приисках забастовали рабочие. Когда жандармы арестовали членов стачечного комитета, бастующие ринулись их выручать. Военная команда открыла огонь на поражение. Более 100 убитых и 80 раненых, согласно первым сообщениям о трагедии. Сильнее цифр впечатляли фотографии погибших, попавшие в прессу. Министр внутренних дел Макаров, отвечая на запрос Государственной думы, настаивал на оправданном применении силы и заявил: «Так было и так будет впредь». Тогда – как и в январе 1905 года после расстрела демонстрации у Зимнего дворца – вновь возмутилась трудовая Россия. Только в Петербурге забастовали и вышли на манифестации рабочие сотни с лишним фабрик и предприятий. После тех событий мало кому известный социал-демократ Владимир Ульянов взял псевдоним Ленин, а его соратник Иосиф Джугашвили высказался на страницах большевистской газеты «Звезда»: «Все имеет конец, настал конец и терпению страны. Все, что было злого и пагубного в современном режиме, все, чем болела многострадальная Россия – все это собралось в одном факте, в событиях на Лене. Ленские выстрелы разбили лед молчания, и – тронулась река народного движения…».

«Россия» делала вид, будто осмысленного пролетарского протеста на самом деле нет. «Толпу развращают – это ясно. Ее обращают в орудие тех программ и домогательств, которые начинаются и кончаются стремлением возродить общую смуту… Все так называемое рабочее движение является у нас в полной мере искусственным. Оно создается от случая к случаю и притом как своего рода политический таран». Сергей Сыромятников объяснял, что вопрос трудовых отношений пора изъять из рук социалистов и выработать для рабочих прогрессивную, но реальную, государственную идеологию: «И капиталист, и рабочий – оба люди и не должны забывать об этом. Но более того, они люди взаимно обязанные…» [22].

Василий Янчевецкий своих взглядов не поменял. Государственная дума, несмотря на «правое» большинство, занята не столько созидательной работой, сколько политическими

распрями. Что особенно печально, господа-радикалы, к которым он причислял и социалистов, и конституционных демократов, стремятся вести молодежь в духе протеста. «Они готовы забыть, что их минутный успех будет стоить стране целого поколения. Мы видели это в эпоху смуты, с последствиями которой приходится считаться до сих пор» [23].

Исправно выполняя свои обязанности в редакции «России», он всегда находил время для «Ученика» и скаутских занятий. Там – долг службы, здесь – дело для души. «Организация не собирала никаких взносов, Янчевецкий нес все расходы на собственный счет. Он подъезжал на извозчике к месту сбора с целой грудой бамбуковых посохов с сыромятными ремешками, на которых все собирались выжигать даты походов, да так, кажется, и не собрались», – вспоминал один из его воспитанников. В июне 1912 года Василий Григорьевич устроил лагерь юных разведчиков на Лахте, на берегу Финского залива. «Как здесь у них хорошо!» – радовался гостивший в лагере Дмитрий Якушев, спортивный обозреватель «России» и постоянный автор «Ученика». Море, сосны, очарование природы и самостоятельной жизни, познавательные приключения и понятная мальчишкам дисциплина. «Счастливчики, вырвавшиеся из душных городских квартир под покров леса…» [24].

***

В формулярном списке Янчевецкого отмечено, что на 1912—1913 учебный год ему было назначено 15 уроков латинского языка в неделю, но преподавательских обязанностей он не несет с 1 января 1913 года. Согласно предложению заместителя министра народного просвещения он считается находящимся в командировке с ученой целью, без сохранения содержания, но с оставлением в должности сверхштатного преподавателя [25]. Оставаясь издателем «Ученика», редакторские обязанности Янчевецкий передал Якушеву. Однако отряд юных разведчиков без попечения основателя распался вскоре после его отъезда.

Дирекция СПТА предложила Василию Григорьевичу отправиться корреспондентом в Константинополь. События в Турции и на Балканах в то время волновали едва ли не все европейские столицы. В начале октября 1912 года Болгария, Сербия, Греция и Черногория объявили войну Великой Порте. Наступление союзников было стремительным и неудержимым. Болгары взяли Кирк-Килис, осадили Адрианополь и открыли себе

путь на Царьград. Сербы и греки заняли Македонию. Греческий флот появился у Дарданелл. Две турецкие армии были разгромлены, но и силы Балканского союза едва не иссякли. Начались переговоры о мире.

27 декабря Янчевецкий сел на пароход, следующий из Одессы в Константинополь. Сохранились записи его случайных попутчиков: «Г-н Янчевецкий непринужденно делился с нами своими воззрениями на русскую политику в Восточном вопросе; сообщил, что раньше он побывал в различных странах Ближнего Востока, жил и в Персии, в Тегеране; рассказал о своих лекциях о панисламизме, читанных им незадолго перед тем в С.-Петербурге… На следующий день, в полдень, мы были уже в турецкой столице» [26].

ПРИМЕЧАНИЯ

Все даты до 26 января 1918 года приведены по старому стилю.

1. С. Сыромятников. Железный министр. // «Россия», 11.09.1911.

2. Впервые этот документ был опубликован в сборнике статей «Свобода печати при обновленном строе», изданном в Санкт-Петербурге в 1912 году (стр. 223). В циркуляре Столыпин просил губернатора «направлять все те данные, которые вы признаете необходимым огласить посредством газеты „Россия“ по адресу Главного управления по делам печати».

3. С. Ю. Витте. Воспоминания. Том II. – Ленинград, 1924, стр. 253,305.

4. ЦГИА СПб, ф.114, оп.1, д.11586, л. 120об.

5. Воспитание сверхчеловека, стр. 15, 50—52.

6. В. Янчевецкий. Письмо к ученикам из Турции. // «Ученик», №8, 20.10.1913. Поскольку выпуск журнала был привязан к новому году, его нумерация начиналась с сентября.

7. В. Янчевецкий. Поэзия современности. // «Россия», 09.08.1907; В. Янчевецкий. Возрождение нравственности. // «Россия», 30.08.1907.

8. Воспитание сверхчеловека. Стр. 2—6, 8—10. Взгляды эти, вероятно, сформировались под влиянием пережитого на войне: «Если война с Японией возникла так неожиданно, то какие основания можем мы иметь, чтобы быть уверенным в долгом и прочном мире? Не первый ли наш долг воспитать наших детей мужественными и воинственными? России давно пора забыть все те овечьи добродетели, в которых воспитываются наши дети, начать учить их стрельбе, строю, умению жить в открытом поле и радоваться их увлечениям Майн-Ридом и Купером» (В. Янчевецкий. Из заметок гимназического учителя).

9. В. Рождественский. Страницы жизни. – Л., 1962. Стр. 109—110.

10. В. Янчевецкий. Из заметок гимназического учителя. // «Россия», 29.05.1909.

11. В. Янчевецкий. Три основания школы будущего. / Воспитание сверхчеловека. Стр. 16, 21—22.

12. ЦГИА СПб, ф.114, оп.1, д.11586, л. 120об.

13. Все упомянутые здесь и далее места проживания Янчевецких установлены по адресным книгам «Весь Петербург» за 1908—1912 гг.

14. О. Јанчевецка. Уз стоту годишњицу В. Јана. // «TV новости» (Белград), №557, 1975. В эмиграции Ольга Янчевецкая прославилась на белградской сцене как исполнительница романсов и народных песен и пользовалась популярностью до самой смерти в 1978 году. Копия журнальной публикации ее воспоминаний предоставлена виртуальным Muzej Olge Jancevecke. Перевод А. Шелия.

15. В. Янчевецкий. Из заметок гимназического учителя. // «Россия», 29.05.1909. Стоит добавить, что Василий Григорьевич советовал гимназистам не только развивать характер, но и приобретать новые знания, изучать языки, путешествовать за границей, учиться в заграничных университетах. «Русская молодежь, даже окончившая университет, сравнительно с иностранцами удивительно мало культурна и необразованна, и ее нельзя сравнивать с заграничными студентами, которые работают в десять раз лучше и усерднее, чем русские студенты» («Ученик», №35, 27.04.1914).

16. А. Чухман. В. Ян и 1-я Санкт-Петербургская гимназия / Публикация в группе «Русская разведка» в сети «ВКонтакте». Автор использовал документы нескольких дел из фонда 114 ЦГИА СПб.

17. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.230, л.74. Леонид Борисов в 1921 году был принят Николаем Гумилевым в Союз поэтов, но стал известен как прозаик. Его роман «Ход конем» понравился Горькому, переводился на иностранные языки. В 1945 году Борисов выпустил повесть об Александре Грине «Волшебник из Гель-Гью», во второй половине 1950-х – художественные биографии Жюля Верна и Стивенсона.

18. «Россия», 5—17.07.1911.

19. Телеграммы из Персии // «Россия», 5.08—26.10.1911; Вег. Среди персидских туркмен. // «Россия», 24.07.1911; Вег. Поездка по Персии // «Россия», 16.09.1911, 27.09.1911. Псевдонимом «Вег» Янчевецкий подписывал свои репортажи из Персии. Лишь в выпуске «России» от 11.11.1911 он опубликовал под своим

именем статью «Русско-персидские отношения», где упомянул о поездке по Персии и в общих чертах обрисовал произошедшее в стране.

20. Вег. Поездка по Персии. // «Россия», 22.11.1911.

21. В. Коковцов. Из моего прошлого. – Париж, 1933. Том II, стр. 8, 21.

22. «Россия», 04.05.1912 (редакционная статья); С. Сыромятников. Труд и капитал. // «Россия», 15.04.1912.

23. «Россия», 18.04.1912. Редакционная статья, по традиции газеты, не подписана. Судя по стилю и содержанию, она сочинена В. Янчевецким. Поводом к публикации послужила думская речь лидера кадетов П. Милюкова, осудившего действия Министерства просвещения по ограничению прав родительских комитетов и усилению внешкольного надзора за учащимися.

24. Д. Якушев. Лагерь разведчиков. // «Россия», 28.06.1912.

25. ЦГИА СПб, ф.114, оп.1, д.11586, л. 121об, 122.

26. Отчет о поездке в Константинополь двух командированных Петербургским Армянским кружком членов его. – Государственный архив РФ, ф.578, оп.1, д.1863, л.2.

Глава 5. Орден для корреспондента

«Город сплетен, интриг и сюрпризов», – отметил Василий Янчевецкий по прибытии в Константинополь [1]. Поскольку уцелели лишь фрагменты его дневника, за детальными впечатлениями от места, где Европа сходится с Азией, обратимся к запискам журналистки, посетившей турецкую столицу несколькими месяцами ранее.

«Смотришь на город с его большими европейскими каменными зданиями, выстроенными по всему склону, спускающемуся к Золотому Рогу, с его маленькими, серыми турецкими домиками, с грузными куполами больших мечетей, над которыми легко и весело взлетают иглы минаретов – и не знаешь, как назвать этот угол земли. Византия? Константинополь? Стамбул?.. Хотя стал он убог и грязен, перестал пугать врагов и не нажил настоящих друзей, хотя рассыпается прахом старый быт, и не пришла к нему на смену новая культурная налаженность жизни, но все-таки этот громадный, пестрый, меняющийся город источает из себя какое-то своеобразное очарование…» [2].

Турция уже четвертый год как конституционная монархия. Власть султана ограничена парламентом, где представлены даже национальные меньшинства – греки, армяне, славяне. До августа 1912 года правящей была партия «Единение и прогресс». За границей ее основателей – прогрессивно мыслящих офицеров и политиков называют младотурками. Именно они устроили переворот, открывший перед угасавшей империей новые возможности. Но мало что успели сделать. Младотурок отстранила от власти консервативная партия «Свобода и согласие». Балканский союз начал войну в подходящее время.

«Что выгоднее России? – размышлял Янчевецкий. – Сохранить Турцию или „подтолкнуть падающего“?». Послы Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии, России и Франции рекомендовали оттоманскому правительству пойти на уступки Балканскому союзу. Взамен они обещали «моральную и материальную помощь великих европейских держав для того, чтобы устранить пагубные последствия войны». Пока нота рассматривалась, Константинополь жил обычной жизнью. «Город спокоен и оживлен. Военное положение незаметно», – сообщали русские газеты. 10 января 1913 года этот город преподнес большой сюрприз всем наблюдателям.

Бывший военный атташе Турции в Берлине, лидер «Единения и прогресса» Энвер-бей в сопровождении нескольких офицеров

и солдат вошел в здание Порты, где шло заседание совета министров. Застрелив начальника караула, Энвер ворвался в зал правительства, смертельно ранил военного министра и от имени страны и армии потребовал отставки кабинета, склоняющегося к постыдному миру. Великий визирь подчинился. В тот же день султан назначил нового главу правительства – сторонника младотурок.

Во время переворота Василий Янчевецкий действовал как журналист экстра-класса. Он успел обзавестись информаторами в Константинополе и сообщал в Петербург, например, следующее: Энвер-бей, поставив ультиматум кабинету министров, обещал передать на продолжение войны все средства, имеющиеся у партии «Единение и прогресс»; однако, по словам осведомленного лица, никаких крупных сумм у той нет, хотя ее члены, находясь у власти, владели значительными государственными средствами [3].

***

Война возобновилась. Янчевецкий, пользуясь статусом корреспондента, несколько раз выезжал к линии фронта. Позиционные сражения в юго-восточной Фракии шли без особых успехов для обеих сторон, пока в марте под напором болгар не пал Адрианополь. И Константинополь, в конце концов, склонился к миру. 17 мая 1913 года делегаты Турции и Балканского союза подписали в Лондоне мирный договор. Турция отказалась от территорий, занятых союзниками на материке, и от Крита. Судьбу островов Эгейского моря, на которые претендовала Греция, а также точную границу на востоке Балкан предстояло решить особой комиссии европейских держав.

Пока шла война, младотурки расправлялись в столице с оппозицией. Спустя десять дней по заключении мира неизвестный заговорщик стрелял в великого визиря, когда тот выходил из своего автомобиля. «Несмотря на многочисленные аресты, в населении продолжает царить брожение, – телеграфировал Василий Янчевецкий. – Комитет „Единение и прогресс“ в виду открытия заговора стремится истребить всех своих противников… В состав нового кабинета войдут крайние унионистские элементы. По слухам, в него войдут Талаат-бей и Джемаль-бей» [4]. Первый – глава «Единения и прогресса», идеолог пантюркизма, стал министром внутренних дел, второй – начальник столичного гарнизона, занял пост министра

общественных работ. Энвер сел в кресло военного министра. Диктатура трех пашей – так впоследствии назовут историки этот триумвират.

Воспользовавшись распадом Балканского союза (прежние соратники теперь воевали за новые границы между собой), Энвер-паша взял реванш. Турецкая армия вытеснила болгар из восточной Фракии. «Турки спешно заняли Адрианополь, – записал Янчевецкий в дневнике. – Что сделает Россия – никак не понять. Отсюда она кажется каким-то громадным загадочным сфинксом или мамонтом, сонным и неповоротливым». Российская империя в конфликт не вмешалась. 16 сентября Константинополь и София заключили сепаратный договор, оставивший за турками то, что они успели отвоевать.

«27.IX.1913. Я хотел бы пробыть здесь еще год, чтобы поработать над турецким и новогреческим языками», – помечает Василий Григорьевич. А как же семья? Летом Ольга приезжала в Константинополь, привозила Женю, закончившую третий класс гимназии, и маленького Мишу. «Женя учится по-гречески плавать в море и гуляет с Мишей…».

Причастность к большой политике затягивает, особенно если выполняешь работу, где грань между журналистикой и разведкой весьма условна. «17.X.1913. Я сообщил совершенно верные сведения о проливах и о намерении Порты воспретить проход греческих судов, что не состоялось из-за поднявшегося шума…» (позднее и в другом документе Янчевецкий упомянет, что получал ценные сведения от чиновника военного министерства, араба по национальности, и морского офицера-боснийца). В октябре между Турцией и Грецией едва не вспыхнула новая война из-за островов в Эгейском море. Напряжение удалось снять подписанием отдельного мирного договора. А корреспонденту СПТА сообщение о проливах по неясной причине чуть не стоило места. «Если агентству будет угодно меня уволить, то это будет напоминать тех восточных сатрапов, которые казнят гонца, привезшего известие о поражении войск. Я проработал десять самых горячих месяцев, которые остались историческими в жизни Константинополя и Турции…» [5].

Константинополь. «Город сплетен, интриг и сюрпризов…»

Обошлось. У Янчевецкого появился грандиозные замысел, реализовать который он мог только с благословения Министерства иностранных дел.

***

«Вы думаете, что Турция отсталая, варварская страна? Ошибаетесь, как ошибался и я, приехав сюда, – признавался Василий Григорьевич в письме читателям „Ученика“. – Конечно, в Турции большинство населения – необразованные, некультурные люди. Но во главе государства стоят горячие, увлеченные люди, получившие образование в Европе или в турецких гимназиях и университете, которые хотят возродить страну, испытавшую ужаснейшие поражения. Я вижу, с какой горячностью эти люди работают над тем, чтобы сделать турецкое население более просвещенным и счастливым, страну более сильной и могущественной» [6]. «Я весь погрузился в изучение современной Турции, турецкого языка и всей странной и непонятной для нас жизни востока, – сообщал он далее. – У меня есть приятели – турецкие муллы, писатели и разные деятели из так называемых младотурок, которые поставили перед собой целью возродить Турцию и дать ей счастливую новую жизнь…» [7].

12 марта 1914 года в Константинополе в здании парламента состоялось первое заседание Русско-турецкого комитета,

созданного по инициативе Янчевецкого. Он же занял должность секретаря этого общества, поставившего целью взаимное сближение Турции и России и разъяснение «необходимости для Турции оставаться нейтральной, дружественной страной великим мировым демократическим державам» [8]. В России заслуги корреспондента СПТА отметили повышением в чине – до коллежского асессора и орденом Св. Станислава II степени.

Германия, и прежде помогавшая Турции военными советниками, чутко поняла, что нужно восточной империи с новыми лидерами и амбициями и как может пригодиться такой союзник в вероятной европейской войне. В ноябре 1913 года в Константинополь прибыла военная миссия генерала фон Сандерса. Турки намеревались передать ему под командование 1-й армейский корпус, сосредоточенный в районе проливов. Россия в сложной дипломатической игре добилась согласия оставить генерала только членом Верховного военного совета. Но сближение Германии и Турции эта формальная уступка не приостановила.

«Среди турецкой интеллигенции были люди, не желавшие войны… Но наша работа была слишком слаба, – сожалел Василий Григорьевич, – по сравнению с той громадной работой, которую вели немцы, разбрасывавшие направо и налево субсидии и субвенции, подкупавшие отдельных членов младотурецкой партии, убеждавшие их всей силой своей организованной работы, что Турция в союзе с центральными державами победит весь мир и вернется былая слава блистательной Порты». Уже в марте 1914 года некоторые турецкие газеты писали: Россия ведет политику, преследующую цель раздела Оттоманской империи, и в случае вооруженного конфликта между Германией и Россией Турция сделает правильный выбор. «Под дьявольским соблазном немцев в воображении турок рисовалась величайшая мусульманская империя, – вспоминал Янчевецкий. – Эта перспектива нашептывалась членам младотурецкой партии всеми деятелями германского посольства» [9].

Когда разгорится война, и Порта примет сторону Берлина, в Константинополе, словно в насмешку над былыми стараниями русских, состоится учредительное собрание Германо-турецкого общества. Во главе с самим Энвер-пашой.

***

Вообразите горные теснины. Что-то нарушает видимый покой на крутом склоне, вниз срывается камень, увлекает за собой

другой, третий. Грохот тревожит соседнюю вершину, рушится снежный пласт – и вот уже две лавины с разных сторон несутся вниз, порождая новые, и ничто не может удержать эти силы, столкновение неминуемо… Примерно так в 1914 году разворачивалась Великая война, которую позже назовут Первой мировой.

15 июня в Белграде боснийский серб Гаврило Принцип стреляет в эрцгерцога Франца-Фердинанда, наследника австро-венгерского престола, и его супругу (убийца – член тайной организации, поставившей целью добиться независимости Боснии от Австрии). Расследование покушения не удовлетворяет Австрию, озабоченную ростом политических амбиций Сербии и сербского национализма на Балканах. 10 июля Вена предъявляет Белграду ультиматум: суть всех требований сводится к пресечению на территории Сербии любой деятельности, которую можно расценить как анти-австрийскую. Белград ответил после того, как заручился у Санкт-Петербурга обещанием поддержки в случае военного конфликта. Одни пункты сербы приняли, по другим попросили доказательств, требование передать австрийцам расследование убийства эрцгерцога отклонили. Посчитав ответ возмутительным, Австро-Венгрия 15 июля объявляет войну Сербии. Спустя два дня Российская империя начинает всеобщую мобилизацию в армию. 18 июля Германия, следуя союзному договору с Австро-Венгрией, объявляет войну России. Поскольку Россия и Франция связаны оборонительным союзом, и французы отказались предоставить гарантии нейтралитета, Германия 21 июля объявляет войну Франции; немецкие войска вторгаются в Бельгию и устремляются к французской границе. На следующий день Великобритания, будучи гарантом нейтралитета Бельгии, объявляет войну Германии. 23 июля Австро-Венгрия объявляет войну России. Следом Париж и Лондон объявляют войну Вене. На исходе июля австрийцы вторгаются в Сербию, а русские войска в начале августа – в Восточную Пруссию и австрийскую Галицию. Если в первом большом сражении с германцами русские терпят поражение, то на Юго-западном фронте одерживают победы.

Какую позицию займет Турция? 5 июля Янчевецкий известил Петербург: «Генеральный инспектор Восточной Анатолии Гофф и министр внутренних дел Тала-бей вчера имели совещание в германском посольстве в присутствии германского посла барона Вагенгейма. Совещание было продолжительное, но содержание беседы пока узнать не удалось…» [10].

Вскоре после этого сообщения Василия Григорьевича вызывают в Россию. Чем он в эти дни занимается в столице –

неизвестно, кроме одного. Янчевецкий возобновляет издание «Ученика», прервавшееся в конце апреля, когда редакции пришлось съехать из конторы закрывшейся газеты «Россия». Он выпускает сразу два номера – за 12 июля, подписчикам которого рассылает привезенные турецкие марки, и за 19 июля, обещая читателям «продолжать дело аккуратно» и прилагать к журналу «Газету Ученика» с военными и мировыми новостями. Но в первом же ее выпуске, набранном в печать 19 июля, приносит извинения: «Вследствие обстоятельств военного времени издание журнала „Ученик“ приостанавливается… Сам я уезжаю на войну и желаю всем нам счастья и победы». На прощание он поместил в газете свое стихотворение: «Вы видите – широкой лавой на Русь идут полки врагов. Но гневен наш орел двуглавый, на страшный бой готов…».

Янчевецкий возвращается в Турцию, где 20 июля объявлена мобилизация. Российского посла Гирса великий визирь заверил, что это подготовка на случай нападения Болгарии. В тот же день великий визирь подписал с германским послом тайное соглашение. Турция обязалась вступить в войну с Россией, но до поры, до времени будет заявлять о своем нейтралитете. В начале августа посол докладывал в Петербург: мобилизация идет с большой настойчивостью, в турецких кругах растет уверенность в неизбежности войны с Россией и с минуты на минуту можно ожидать вспышки, сигнал к которой будет дан немцами. Янчевецкий, в свою очередь, сообщал со ссылкой на беседу с членами Русско-турецкого комитета: «Ближайшими помощниками Энвера-паши являются офицеры германской военной миссии, которых он разместил во всевозможных управлениях военного министерства и армии… Немецкие офицеры желают держать турецкое общественное мнение под гипнозом известий, благоприятных Тройственному союзу» [11].

Последняя сохранившаяся в архивах телеграмма, отправленная Янчевецким, датирована 20 августа. На документе есть пометка о том, что копия передана в МИД. Василий Григорьевич пишет, что в случае войны постарается вместе с посольством выехать в Россию, а его агентом «из Константинополя будут посылаться интересные сведения в Румынию по условному адресу, откуда будут телеграфироваться в Петербург» помощником-греком. Вероятно, далее Янчевецкий сообщал конфиденциальную информацию непосредственно российскому послу. 30 сентября Гирс отправил две депеши, ссылаясь на лично незнакомый ему «секретный источник», связанный с комитетом партии «Единение и прогресс»: «За последние дни [на заседаниях комитета] Энвер-паша

особенно энергично настаивал на начатии военных действий против России… В комитете партии и в кабинете было решено, ввиду необходимости для турецкого флота играть известную роль в Черном море…, чтобы флот выходил в море и делал там эволюции, а некоторые из быстроходных судов постоянно держались в море…» [12].

В ночь на 16 октября два турецких миноносца направились к Одессе, два крейсера – к Феодосии и Новороссийску, один крейсер – к Севастополю. «Турция вступила в войну. А отец об этом узнал в последнюю минуту, когда надо было уже спасаться», – рассказывал Михаил Янчевецкий на склоне лет. Ольга Петровна привезла сына погостить к отцу, когда война не казалась неизбежной. За мальчиком присматривала Мария Маслова – секретарь Василия Григорьевича, работавшая у него еще в редакции «Ученика». Вероятно, она и поведала повзрослевшему Мише подробности бегства. «В это время в порту, готовясь к отплытию, стоял русский пассажирский пароход, который регулярно ходил рейсом Одесса – Стамбул. Отец пришел домой. Там была тогда моя воспитательница Мария Алексеевна. Он ей сказал: „Возьмите с собой сумочку, в которую положите только самое необходимое, и идите в порт, на пароход. Все. Лишнего ничего не брать. Я тоже приду“. Только он поднялся на пароход, сразу и отплыли. Той же ночью началась русско-турецкая война. Корабли противника вошли в Черное море… Тем не менее, мы с отцом спаслись» [13].

На память о Константинополе у Василия Григорьевича остался перстень с индийским изумрудом, который он сберег, несмотря на передряги революции, гражданской войны и последующих лет и продал лишь в 1942 году, когда понадобились деньги на лечение маленького внука. Тайну перстня Ян приоткрыл в одном из своих поздних рассказов: камень – звено ожерелья, которое он подарил в знак благодарности некоей девушке-англичанке, удержавшей его от безумного поступка, продиктованного отчаянием. «Потом я уехал из этого турецкого города, не успев попрощаться – за мной следили…» [14]. Но, может, все это было фантазией автора, для которого Восток всегда, несмотря на суровую реальность, оставался миром удивительных впечатлений. В любом случае, изумруд долго еще напоминал Янчевецкому о городе интриг и сюрпризов.

***

Полковнику Николаю Раше хватило минуты, чтобы составить мнение о госте. Пришел в гражданском платье, хотя мог явиться в вицмундире и при орденах. Одевается не без щегольства – отличный костюм английского покроя, в нагрудном кармане сложенный с элегантной небрежностью шелковый платок. Выправка как у военного, ни доли торопливости в жестах, спокойный, уверенный взгляд. Полковник припомнил характеристику, данную Гулькевичем из 2-го департамента МИД (он служил советником в российском посольстве в Константинополе): высоко порядочен, весьма энергичен, отлично знаком с Турцией. Что ж, может быть, очень даже может быть…

– Дмитрий Янчевецкий, корреспондент «Нового времени», арестованный в Вене, кем вам приходится?

– Он мой старший брат. Вы что-то знаете о его судьбе?

– Немногим больше, чем сообщали в газетах. Содержится в императорско-королевской гарнизонной тюрьме. Министерство иностранных дел хотело было выслать его из Австрии, но воспротивились военные. Они подозревают вашего брата в шпионаже. Нет, нет, – Николай Карлович заметил вопрос в глазах собеседника, – к разведывательной работе он отношения не имел. Все подозрения строятся на его статьях с критикой в адрес проавстрийской партии среди галичан. Известно также, что он водил дружбу с некоторыми славянскими депутатами австрийского парламента, симпатизирующими России. Доказательств нет, следствие идет… Но позвольте спросить: почему вы сами предлагаете услуги разведывательному ведомству?

– Я хотел бы с наибольшей пользой применить свои знания, опыт и связи. Известно ли вам, что в Бухарест прибыли турецкие шпионы и двое из них замечены? Полагаю, что эти лица пошли бы на работу в русских интересах. Переговоры с ними, разумеется, поведут румынские агенты, будто бы собирая сведения для Румынии.

– Вас направили в Бухарест совсем недавно. Откуда такие сведения?

– Агентство требует срочной и самой существенной информации. Пришлось работать с удвоенной силой. Я познакомился с бывшим министром внутренних дел Ионеску – у него обширные связи. Секретарь оттоманской миссии в Бухаресте – мой старый приятель по Константинополю. Он враждебно настроен к нынешнему комитету «Единение и прогресс» и, судя по его разговорам, может оказаться полезен. Но сейчас еще ручаться не могу. Зато курьер миссии – турок,

женившийся на румынке – уже оказывает некоторые услуги, и будет оказывать более ценные в дальнейшем. Как корреспондент я нанял помощника – оттоманского грека, прежде сотрудничавшего с нашим посольством в Константинополе. Он подготовил встречу с одним из главарей македонских четников на Балканской войне. В настоящее время Пучерее держит аптеку в Силистрии, но числится лейтенантом резерва румынской армии. Он готов проехать раз или два в Константинополь, чтобы установить связи с некоторыми людьми, которые мне раньше доставляли сведения. Кроме того, проводник поезда, ходящего между Софией и Константинополем – итальянский подданный, но по матери грек – тоже согласен перевозить записки. Пучерее предложил еще более интересный план. Почта, следующая из Берлина и в Берлин, на Дунае выгружается из поезда и перевозится на пароходе. Здесь можно организовать похищение почтовых сумок путем подмены с помощью уже оплачиваемого румынского чиновника. Пучерее взялся выполнить это так, что даже в случае неудачи неизвестно будет, кто руководил. Некоторые бывшие македонские четники – греки, болгары, куцовлахи, переселившиеся в Болгарию и Румынию – пристроились в полиции и на таможне. Они связаны дружбой и являются самыми отчаянными и готовыми на все, в то же время достаточно благонадежными нравственно.

«Увлекающийся, с воображением, но это даже не плохо», – отметил про себя Николай Карлович.

– Вы упомянули Ионеску. Если не ошибаюсь, он причастен к созданию общества «Национальное действие», выступающего за отказ Румынии от нейтралитета.

– Совершенно верно. Общество набирает волонтеров для борьбы с австрийцами в Трансильвании. В день моего отъезда в Петербург (простите, не привык пока к названию Петроград) у руководителей общества проходило совещание относительно вооружения волонтеров. Румынское правительство отказалось снабдить их современным оружием. Полагаю, весьма желательно передать этому обществу несколько сот австрийских ружей с достаточным количеством патронов и ручных гранат. Способы доставки я могу описать. Мне кажется также, что возможно и необходимо организовать снабжение оружием греческих добровольцев в Малой Азии. Но этот вопрос требует серьезного обдумывания и подготовки, о чем я буду в состоянии сообщить позднее, после переговоров с греческими деятелями. Все мои мысли и предложения по тайной работе на Балканах и в Оттоманской империи изложены в этой докладной записке… [15].

Полковник Рашá, боевой офицер, участник русско-японской войны, возглавлял Особое делопроизводство Отдела генерал-квартирмейстера (попросту говоря – военной разведки) Главного управления Генерального штаба. 11 ноября 1914 года, на следующий день после визита корреспондента ПТА Василия Янчевецкого, он направил своему шефу отчет. «Личный разговор с г. Янчевецким оставил впечатление о способности названного лица выполнить ряд задач, которые ему были бы поставлены, и несомненного наличия у него уже в настоящее время связей в разных кругах, могущих дать или добыть ответы на вопросы, касающиеся Турции и ее армии, а равно той связи, экономической и военной, которая существует между Турцией и Германией и проходит через Австрию, Румынию и Болгарию» [16].

Генерал Максим Леонтьев, бывший военный агент в Турции, направляя документ наверх, добавил: «Г-н Янчевецкий мне известен по службе в Константинополе. Характеристика, данная ему в представляемом при сем докладе, представляется мне несколько повышенною. Но, тем не менее, каких-либо противопоказаний в отношении его нравственных и вообще личных качеств у меня не имеется. Г-н Янчевецкий, по-видимому, действительно желает работать и принести посильную пользу в области разведки». Начальник Генштаба генерал Михаил Беляев намерение одобрил, о чем свидетельствует пометка Леонтьева от 7 декабря: «Ввиду условий времени н. Г. ш. не нашел желательным отказаться от предложения, хотя, лично зная г. Я. по Японской войне, его высокопр-во не возлагает на него больших надежд» [17].

Василий Григорьевич к тому моменту вернулся в Бухарест и доложился военному агенту полковнику Борису Семенову, под началом которого ему предстояло работать. «Корреспондент производит на меня впечатление порядочного человека, но о его специальных способностях по разведке я судить не берусь, – докладывал Семенов в Огенквар. – Полагал бы, что можно его испробовать». Правда, особой радости от появления помощника полковник не испытал. Он сообщил, что не сможет его тщательно контролировать ввиду «массы работы», тогда как тайная полиция Румынии установила за Янчевецким негласный надзор, считая его русским шпионом. Но меры для снятия подозрения приняты [18].

Янчевецкий же взялся «наводить мосты» в направлении Турции. Его помощник-грек отправил через знакомого капитана черноморского парохода несколько писем в Константинополь и выехал в город Журжево на Дунае для наблюдения за международными поездами. Пучерее вступил в комитет по сбору пожертвований для турецкого Красного Полумесяца.

«Вероятно, на него будет возложена миссия отвезти эти пожертвования в Константинополь, – информировал Василий Григорьевич Огенквар. – Это ему откроет двери в турецкие официальные круги, где, кроме того, у него имеются старые связи». В Бухаресте проездом из турецкой столицы в Италию побывал Салих-Гурджи, основатель «Оттоманского телеграфного агентства». «Я с ним беседовал, и он хотел работать для России» [19].

Два момента смущали Янчевецкого: необходимость всецело подчиняться полковнику Семенову («ни Турция, ни условия работы в ней ему неизвестны») и урезанный бюджет на разведывательные цели. «Это лишает возможности выполнить ту программу, которую я изложил, и приводит даже в сомнение, можно ли сделать что-либо значительное, – объяснял он полковнику Раше в письме от 8 января 1915 года. – Германцами и австрийцами тратятся на Балканах миллионы, и рядом с ними кажутся ничтожными те средства, которые должны явиться противовесом германской силе… Сокращение кредитов (более чем в пять раз) только уменьшает успешность и возможность борьбы. Между тем способы разведки как в Турции, так и по железнодорожной линии между Т. и Австрией, теперь должны значительно измениться… В Константинополе началось подозревание всех и каждого… Пассажирские поезда по несколько дней не отправляются из Турции… Греческих подданных большей частью вовсе не выпускают. Таким образом, иметь агентов в Турции сейчас чрезвычайно трудно… Довольствоваться мелкими агентами в настоящее время нецелесообразно. Необходимо привлечь агентов, стоящих у первоисточников, например, кого-либо из членов комитета „Единение и прогресс“, турецких дипломатических миссий, турецких офицеров, австрийцев или болгар, причем придется не остановиться перед крупными расходами, зато получаемые сведения будут действительно серьезны… Необходимо вернуться к более широкой смете. В противном случае будет даром потеряно время…» [20].

Настойчивость резидента-новичка, запрашивающего, помимо денег, «полной свободы инициативы и деятельности», не понравилась руководству военной разведки. В феврале 1915 года Огенквар распорядился «прекратить деятельность агента Янчевецкого по разведке в Турции из-за его полной неподготовленности» [21]. Но Василий Григорьевич еще применит свои способности по сбору конфиденциальных сведений. На основном же поприще он сумел наладить канал получения информации из турецкой столицы. К примеру, 7 мая

1915 года ПТА разослало своим подписчикам сообщение со ссылкой на корреспондента в Бухаресте: «Согласно известиям, полученным из Константинополя, крейсер „Гебен“ при последней встрече с русской эскадрой получил серьезные повреждения и возвратился в Босфор на буксире „Бреслау“. Энергичные действия русского флота в Черном море у входа в Босфор начинают сильно тревожить турок» [22].

Полковник Семенов, будучи опытным разведчиком, вероятно, не отказался совсем от помощи журналиста, имеющего особые связи в турецком посольстве. Военный агент знал от своих осведомителей о поставках в Турцию через Румынию боеприпасов германского производства. Румынское правительство уверяло, что препятствует транзиту. «Из источника, косвенно проверенного, я узнал, что 1 марта в Бухаресте было особое совещание по изложенному вопросу, на котором участвовали: Халил-бей, председатель оттоманского парламента, турецкий посланник Сефа-бей, германский посланник с военным агентом, болгарский посланник и представитель румынского военного ведомства, – телеграфировал Борис Анатольевич в Огенквар. – На этом совещании было принято принципиальное решение, что военный груз будет выпущен из Румынии, но по частям, причем будут сделаны ссылки, что груз предназначен для нейтральной Болгарии» [23].

***

Румыния на дипломатическом уровне демонстрировала готовность вступить в войну на стороне Антанты, обговаривала условия, но при этом не спешила заключать какие-либо соглашения. Как сообщали в феврале 1915 года в Петроград из российского посольства в Бухаресте, премьер-министр Братиану «отложил окончательное решение до тех пор, пока не произойдет такое событие, военное или политическое, которое даст Румынии возможность выступить с совершенной уверенностью в том, что она получит все ей обещанное с минимальной затратой сил, крови и денег» [24].

Таких событий не происходило. В апреле австро-германские войска прорвали фронт в Галиции и заставили русскую армию отступать, оставляя территории, быстро и успешно занятые в начале войны. Мощный удар немцы нанесли в Польше и на исходе июля вошли в Варшаву, спустя месяц взяли Гродно. В Прибалтике они смогли продвинуться до Риги. Сводки штаба Верховного главнокомандующего, которые Янчевецкий читал

в Бухаресте, сообщали об упорных боях, атаках и контратаках, перегруппировках войск, взятых в плен солдатах и захваченном вооружении противника, но ничего – о потерях и причинах стратегических неудач российской армии. Василий Григорьевич радовался, узнавая об успешных операциях против турок на Кавказском фронте; до него доходили слухи, будто оппозиция Энверу-паше, ставшему великим визирем, крепнет, и в турецких гарнизонах уже открыто высказывают недовольство участием в войне. Но румынов больше интересовали изменения в расстановке сил в Европе.

«Лето 1915 года было интересно и поучительно для стороннего наблюдателя в Бухаресте, – отмечал полковник Павел Игнатьев, начальник контрразведки Юго-западного фронта. – С одной стороны, высшее румынское общество не скрывало своих профранцузских и прорусских настроений, с другой – крупные дельцы и богатые капиталисты объявляли себя сторонниками Центральных империй. Этот ежедневный антагонизм странным образом оживлял небольшую столицу, раздираемую такими противоречивыми мнениями… Газеты ежедневно получали тенденциозные новости. Румыния была наводнена германскими фильмами, [в которых] показывали разгром наших армий, долгие рассуждения военнопленных, триумфальные вступления в города, захваченные в 1914 году» [25].

Янчевецкий временами ощущал унизительное бессилие. Еще в мае он телеграфировал в МИД (напомню, что ПТА подчинялось Совету министров): Германия «связала своими капиталами и кредитом в банках румынскую промышленность, аристократию, политических деятелей и землевладельцев… Сейчас аристократия столько зарабатывает от немцев, что боится вступить в войну, чтобы не лишиться сразу притока немецкого золота… Нет ни одной расположенной дружески к России газеты… Немцы полили золотым дождем румынскую печать, которая вся заговорила против нас» [26]. Все, что он мог – это информировать Петроград о колебаниях настроений в румынском обществе, деловых и придворных кругах, правительстве и парламенте, дополняя доклады из российского посольства. Через полтора года все изменится. «Через посредство Братиану снабжаю румынскую прессу всеми имеющимися у меня и доступными оглашению материалами, – будет отчитываться Василий Григорьевич в марте 1917 года. – Весьма желательно, чтобы министерство возможно полнее уведомляло меня о положении дел в России для правильного освещения его мною в глазах румынского правительства и устах румынской слабо осведомленной прессы…» [27]. Летом 1915 года в войну

включилась Италия – на стороне Антанты, в октябре Болгария – на стороне Германии, Австрии и Турции. Болгары столкнулись с сербами за Македонию, но у них были претензии и к румынам. Однако в феврале 1916 года румынский премьер-министр в беседе с военным агентом полковником Татариновым резюмировал: «Румыния выступит только в момент общего наступления всех держав Согласия на всех фронтах… У нас есть время, чтобы успеть сговориться» [28]. Брусиловский прорыв показал, что война может завершиться победой России и ее союзников. Только пленными австро-венгерская армия потеряла свыше 400 000 солдат и офицеров. 14 августа 1916 года Румыния объявила войну Австро-Венгрии. В ту же ночь, прежде чем румыны начали наступление в горной Трансильвании, германские цеппелины бомбили Бухарест.

«В моей памяти детской сохранилась удивительная картина, – вспоминал Михаил Янчевецкий (когда лето еще было мирным, Ольга Петровна, как обычно, привезла сына к отцу). – Ночью я проснулся в своей кроватке от какого-то шума и вижу, что на балконе стоит отец. Я тоже вышел на балкон и увидел, как по темному ночному небу движется как бы серая туча. Это были цеппелины. В этой туче проблескивали огоньки, стреляли оттуда, бомбы бросали.

Василий Янчевецкий с Марией Масловой, дочерью Женей и сыном Мишей. Бухарест, 1916 год (из архива семьи Янчевецких).

Я навсегда сохранил это сильное впечатление раннего детства» [29].

***

Берлин, Вена и София не предполагали, что с Румынией удастся справиться менее чем за три месяца. Австрийцы опомнились и уверенно вытеснили две румынских армии из Трансильвании. На юго-востоке, в Придунавье армия болгар, турок и немцев разгромила 3-ю румынскую армию. Русский армейский корпус, пришедший на помощь союзнику, сдерживал натиск болгар в приморской части страны. В сентябре румыны перешли в контрнаступление, форсировав Дунай, но оно провалилось. К концу октября почти вся приморская Добруджа была захвачена противником. Россия, связанная боями в Карпатах, не смогла вовремя послать подкрепления. На исходе ноября немцы и австрийцы подступили к румынской столице. Ее оборона была недолгой – уже 6 декабря победители шагали по улицам Бухареста.

Остатки румынских вооруженных сил (около 30 000 человек) отступили на северо-восток, в Молдову. Туда же отошли русские войска. Королевский двор и правительство разместились в Яссах. Но королевства больше не существовало. Три четверти страны оказались под оккупацией. Румыния потеряла свыше 200 000 солдат убитыми и пленными. Россия вместо поддержки и плацдарма обрела новую 500-километровую линию обороны. На Румынский фронт Петрограду пришлось направить четыре армии. Генерал-лейтенант Антон Деникин, командовавший переброшенным к Дунаю 8-м армейским корпусом, так определил причины поражения румын: полное игнорирование опыта протекавшей перед их глазами мировой войны, легкомысленное до преступности снаряжение и снабжение армии, наличие нескольких хороших генералов, изнеженного и не стоявшего на должной высоте корпуса офицеров и совсем необученной пехоты [30].

Тихие провинциальные Яссы превратились в прифронтовой город. Были закрыты все клубы, кофейни и трактиры. После 10 часов вечера действовал комендантский режим. Патрули в случае неподчинения приказам имели право открыть огонь на поражение.

Василий Янчевецкий теперь не просто корреспондент телеграфного агентства, а доверенное лицо генерал-майора

Александра Мосолова – чрезвычайного посланника Николая II в Румынии, бывшего начальника канцелярии Министерства императорского двора. Он готовит для его превосходительства оперативные обзоры румынской прессы и рассказывает о своих наблюдениях и содержании бесед с политиками, военными, гражданскими служащими, анонимность которых при этом строго соблюдается.

«11 декабря 1916 года. Все румыны полны безнадежного отчаяния… „Что делают ваши бесчисленные армии, которые вошли в Румынию? Что делаю ваши генералы? Вы открыто заявили, что Константинополь будет принадлежать вам. Но что же предпринимается для того, чтобы его взять?.. Когда начались первые неудачи войны, мы примирялись, говоря – такова война, надо терпеть и ждать. Но уже от Румынии скоро ничего не останется… Для чего же было толкать нас выступить?“. Приблизительно такого рода вопросы мне приходится слышать постоянно последние дни» [31].

«23 декабря 1916 года. Настроение наших стрелков становится мрачным: зачем нас привели сюда, говорят они – защищать румын? А почему они сами не защищаются? Они нас всегда предают – убегут с позиции, германцы по их следам пройдут нам в тыл и бьют нас с двух сторон… Нынешний русский солдат не прежний безграмотный, невежественный мужик. Он читает газеты, пишет письма на родину и получает оттуда вести. В России он имел веру в смысл войны и доверие к высшему командованию. Он видит, что в России много беспорядка, но тот сплошной беспорядок, который он увидел в Румынии, заставляет его рассуждать, критиковать, и наводит на мрачное угнетенное настроение…» [32].

Слова «много беспорядка», использованные без пояснения, как само собой разумеющиеся, выдают отношение самого Василия Григорьевича к положению дел на родине.

О политической обстановке в России накануне падения монархии написаны тысячи статей и десятки, если не сотни монографий. Вместо пересказа результатов исторических исследований предлагаю обратиться к оценкам современника событий, находившегося на Румынском фронте. «Безудержная вакханалия, какой-то садизм власти к началу 1917 года привели к тому, что в государстве не было ни одной политической партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которое могло бы опереться царское правительство. Врагом народа его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты, – резюмировал генерал Деникин. – [С началом войны]

Государственная Дума, дворянство, земство, городское самоуправление были взяты под подозрение в неблагонадежности, и правительство вело с ними формальную борьбу, парализуя всякую их государственную и общественную работу, В то время как в союзных странах вся общественность приняла горячее участие в работе на оборону страны, у нас эта помощь презрительно отверглась, и работа велась неумелыми, иногда преступными руками… Правительственными мероприятиями, при отсутствии общественной организации, расстраивалась промышленная жизнь страны, транспорт, исчезало топливо. Правительство оказалось бессильно и неумело в борьбе с этой разрухой, одной из причин которой были, несомненно, и эгоистические, иногда хищнические устремления торгово-промышленников… Назначения министров поражали своей неожиданностью и казались издевательством. Страна устами Государственной Думы и лучших людей требовала ответственного министерства» [33].

Зимнее затишье обошло стороной Румынский фронт. Стычки и перестрелки на позициях не прекращались. Янчевецкий предупреждал генерал-майора Мосолова: «Среди румын говорят, что значительное количество румынских офицеров не желает покидать страну и уходить в Россию в случае дальнейшего германского наступления и предпочитает германское иго» (29 декабря 1916 года). «Почему-то среди военных царит убеждение, что если немцы займут всю Румынию до русской границы, то в Румынии воцарится полное спокойствие» (8 января 1917 года со ссылкой на беседу с представителем консервативной партии) [34]. Сообщения не были пустым беспокойством: на исходе зимы полковник Стурдза, командир одной из самых боеспособных бригад, перейдет к противнику и начнет подписывать прокламации за выход Румынии из войны.

О доверительности отношений корреспондента ПТА и чрезвычайного посланника свидетельствует приписка на документе от 22 января 1917 года с обзором прессы и действий румынских властей: «Мой брат, бывший с начала войны в австрийской тюрьме, накануне действительно освобожден и прибыл в Стокгольм» [35]. Дмитрий Янчевецкий в августе 1915 года на процессе по делу «русской партии в Галиции» был приговорен венским военным судом к смертной казни за шпионаж. Благодаря хлопотам испанского посла австрийцы заменили казнь пожизненным заключением, а 17 января 1917 года обменяли журналиста на президента Львовского магистрата, находившегося в русском плену.

***

Румынский фронт в ожидании наступления жил своими заботами. И вдруг…

«Первого или второго марта впервые стали передаваться слухи о каких-то беспорядках в Петербурге, о демонстрациях рабочих, о вооруженных столкновениях на улицах. Ничего определенного, однако, известно не было, – вспоминал Петр Врангель, в ту пору генерал-майор, командовавший в Румынии конной бригадой, разместившейся на зиму под Кишиневом. – 4-го или 5-го марта часов в восемь вечера меня вызвал из города к телефону генерал Крымов: „В Петербурге восстание, государь отрекся от престола, сейчас я прочту вам манифест, его завтра надо объявить войскам“… Первые впечатления можно характеризовать одним словом – недоумение. Офицеры, так же как и солдаты, были озадачены и подавлены. Люди притихли, как будто ожидая чего-то, старались понять и разобраться в самих себе». «Войска были ошеломлены, – подтверждал Антон Деникин в „Очерках Русской Смуты“. – Тихое, сосредоточенное молчание. Так встретили полки 14-й и 15-й дивизий весть об отречении своего императора… Отречение государя сочли неизбежным следствием всей нашей внутренней политики последних лет. Но никакого озлобления лично против него не было… Армия тогда была послушна своим вождям. А они – генерал Алексеев, все главнокомандующие – признали новую власть» [36].

В Яссах перехватывали сообщения центрального германского радиотелеграфа, и Янчевецкий регулярно докладывал Мосолову о содержании этих радиограмм. Телеграммы за 3—7 марта, отмечал он, свидетельствуют, что расчет немцев на беспорядки и анархию в России не оправдался. «Германофильски настроенные румыны очень удручены русскими известиями…». 13 марта Янчевецкого принял премьер-министр Румынии Ионел Братиану, прежде не встречавшийся с журналистами. «Мы констатировали в отношении нового русского правительства желание бороться со всей энергией, на которую способен великий народ, —заявил он корреспонденту ПТА. – Вот почему я желаю быть первым среди союзников, чтобы установить дружественные отношения с новым правительством». «События в Петрограде сильно волнуют румынский двор, правительство и общественные круги, – телеграфировал Янчевецкий в Петроград во второй половине марта. – Скорейшее укрепление порядка внутри России при одновременных успехах наших на фронте – это наиболее действительное средство противодействия германофильским происках в Румынии» [37].

Стратегическое наступление русских армий, намечавшееся на апрель 1917 года, откладывалось. Неизвестно, выезжал ли Янчевецкий в Петроград, но сын Миша оставался с ним после эвакуации из Бухареста. За ним по-прежнему присматривала секретарь Мария Маслова. В Бухаресте и Яссах у отца бывала Женя, учившаяся в последних классах гимназии не в Петрограде, а в Одессе. «Приезжала в Яссы Ольга Петровна, чтобы повидаться и меня забрать к себе, но отец не отдал, несмотря на то, что тут шла война. У него были свои соображения, которые мы никогда с ним не обсуждали», – вспоминал Михаил Янчевецкий.

Когда и почему отношения Янчевецких дали трещину – неясно. «Они с Ольгой Петровной как-то с самого начала разлучались очень часто», – сожалел Михаил Васильевич. У каждого вдали друг от друга складывалась собственная жизнь. Когда они были вместе, Василий Григорьевич поддерживал увлечение жены пением. В 1915 году Ольга поступила в Школу сценического искусства Петровского, одновременно брала уроки оперного вокала и занималась у знаменитого исполнителя цыганских романсов Петра Истомина. Думая об актерской карьере, она выступала в одном из театров миниатюр, ставших невероятно популярными в Петрограде. Летом 1917 года режиссер молодого, но уже известного Театра музыкальной драмы предложил ей место в своей труппе. И сразу – роль Кармен на открытии осеннего сезона.

Дебют не состоялся. И с мужем Ольга Янчевецкая больше не увидится.

ПРИМЕЧАНИЯ

Все даты до 26 января 1918 года приведены по старому стилю.

1. Отрывки из этого дневника, переписанные Яном, я обнаружил в его архиве в рабочей тетради, подписанной «Скитания» и датированной 1938 годом (РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.98).

2. А. Тыркова. С берегов Босфора. // «Вестник Европы», №5, 1912.

3. К перевороту в Турции. // «Новое время», 15.01.1913.

4. Брожение в Константинополе. // «Новое время», 03.06.1913.

5. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.98. Тетрадь «Скитания».

6. В. Янчевецкий. Письма к ученикам из Турции. // «Ученик», №26, 23.02.1914.

7. В. Янчевецкий. Письма к ученикам из Турции. // «Ученик», №35, 27.04.1914.

8. «Республиканец» (Челябинск), 26.11.1918. Передовица без

заголовка за подписью В. Янчевецкий.

9. «Республиканец», 26.11.1918.

10. Российский государственный исторический архив, ф.1358, оп.1, д.985, л.14.

11. Царская Россия в мировой войне. Т.1. – Л., 1926. Стр. 25—26; телеграмма Янчевецкого – РГИА, ф.1358, оп.1, д.985, л.42.

12. РГИА, ф.1358, оп.1, д.985, л.46; Царская Россия в мировой войне. Т.1, стр. 50—51.

13. М. Янчевецкий. «Начальник колчаковского штаба бросил моему отцу из окна вагона саквояж, полный денег…» (интервью Е. Чавчавадзе). // «Газета», 03.04.2003.

14. В. Ян. Сон про Мэри Конт. – РГАЛИ, ф. 2822, оп. 1, д. 76. Рукопись датирована январем 1942 года («Гляжу в мой изумрудный перстень и думаю: спасибо тебе, Мэри Конт, что ты явилась среди моих любимых людей моих снов…»). О продаже перстня Ян упомянул в письме сыну от 16 марта 1943 года.

15. В.Г.Янчевецкий. Докладная записка. 10 ноября 1914 г. – РГВИА, ф.2000, оп.15, д.547. Опубликована в книге: В.Б.Каширин. Дозорные на Балканах. – М., 2014. Стр. 450—453. Диалог – это домысел, основанный на документальном материале. Ответы Янчевецкого – пересказ и цитирование информации из докладной записки. Объяснение причин ареста старшего брата – см.: Дмитрий Янчевецкий. Биография. / Н.Г.Мизь, А.Ю.Сидоров. Первая военно-полевая газета России. – Владивосток, 2004. Стр. 61—64.

16. В.Б.Каширин. Указ. соч., стр. 454.

17. Там же, стр. 454—455. М. Беляев в 1904—1905 гг. служил штаб-офицером для особых поручений при начальнике полевого штаба наместника на Дальнем Востоке, затем начальником канцелярии полевого штаба 1-й Маньчжурской армии.

18. Там же, стр. 455—456. Полковник Семенов действительно провел в 1914—1915 гг. большую резидентурную работу: завербовал нескольких офицеров румынской армии, в том числе капитана генерального штаба, приобрел информатора в Бухарестском арсенале, сформировал с помощью инженера-чеха агентурную сеть из служащих железных дорог и транспортных компаний.

19. Там же, стр. 456, 458. Салих-Гурджи создал первое в Турции частное телеграфное агентство в 1909 году. Был членом партии «Единение и прогресс». В сентябре 1914 года арестован за распространение новостей о ходе войны от английских и французских агентств. «Оттоманское телеграфное агентство» было национализировано. Салих-Гурджи, выйдя из тюрьмы, уехал из Турции и поселился в Женеве.

20. Там же, стр. 457—458.

21. М.Н.Алексеев. Военная разведка России. Кн. III, ч.1. Первая мировая война. – М., 2001. Стр. 150. Автор ссылается на документы РГВИА, изученные А. Королевым (Заграничная агентурная деятельность полевых штабов русской армии 1915—1917 гг. На правах рукописи. – М., 1953).

22. «Русские ведомости», 08.05.1915.

23. Международные отношения в эпоху империализма. Т.VII, ч.1. – М., Л., 1935. Стр. 516—517.

24. Там же, стр. 263.

25. П.А.Игнатьев. Моя миссия в Париже. – М., 1999. Стр. 29—30.

26. Архив внешней политики России, фонд «Секретный архив», д. 539. Цитируется по книге: В.Н.Виноградов. Румыния в Первой мировой войне. – М., 1969. Стр.66.

27. ГА РФ, ф.1001, оп.1, д.213, л.79.

28. Международные отношения в эпоху империализма. Т.X. – М., Л., 1938. Стр. 233—234.

29. М. Янчевецкий. Интервью в «Газете», 03.04.2003.

30. А.И.Деникин. Очерки Русской Смуты. Том I. – Париж, 1921. Стр. 170.

31. ГА РФ, ф.1001, оп.1, д.213, л.9.

32. Там же, л.21—22. Янчевецкий ссылается на разговоры с русскими ранеными, в том числе с офицерами, недовольными командованием («мы потеряли половину состава напрасно» в лобовых атаках на хорошо укрепленные позиции) и боеготовностью румынских частей. В конце сообщения приписка: «Я счел своим долгом изложить вышеприведенную беседу, считая необходимыми правдивое освещение положения».

33. А.И.Деникин. Очерки Русской Смуты. Том I. Стр. 44. За 1915—1916 годы Николай II сменил трех председателей Совета министров, пять министров внутренних дел, трех министров земледелия, двух военных министров, двух министров юстиции.

34. ГА РФ, ф.1001, оп.1, д.213, л.26, 34—35.

35. Там же, л. 46.

36. П.Н.Врангель. Воспоминания. – М., 1992. Стр. 25—26; А.И.Деникин. Очерки Русской Смуты. Том I. Стр. 60.

37. ГА РФ, ф.1001, оп.1, д.213, л.70, 72, 78.

Глава 6. Белое пятно

Революция, свобода, республика – как многообещающе звучали эти слова весной 1917 года!

Великий князь Михаил Александрович, в чью пользу Николай II отрекся от престола, объявил, что примет монарший сан только демократическим путем. «Прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему, впредь до того, как созванное на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа». «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни, – декларировал Святейший синод Русской православной церкви. – Ради счастья Родины оставьте всякие распри и несогласия, доверьтесь Временному правительству; все вместе и каждый в отдельности приложите все усилия, чтобы общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы».

О жертвах волнений – убитых полицейских, флотских и пехотных офицерах – как-то позабыли. Генерал Лавр Корнилов, командовавший Петроградским военным округом, лично вручил Георгиевский крест «первому солдату революции» – фельдфебелю учебной команды, с мятежа которой начался бунт в столичном гарнизоне.

«Все в России, после железных рамок старого монархического строя, желали нашему многострадальному народу дать возможность такого расцвета, который принесет и обеспеченность, и счастье, и право каждому жить свободно, как хочет», – признавал эйфорию времени Василий Янчевецкий [1]. Правительство, поддержанное исполкомом Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, объявило политическую амнистию, расширило местное самоуправление, приступило к судебной реформе. «Да здравствует армия Свободной России!», «Война до полной победы!» – под такими транспарантами проходили митинги в воинских частях.

Воодушевление вскоре сошло на «нет». На фронтах демократические завоевания революции не казались насущными, кроме одного – свободы не подчиняться. Множились солдатские комитеты, решавшие, выполнять приказы или нет. Июньское наступление на Юго-Западном фронте, тяжесть которого легла на ударные батальоны, выдохлось за две недели. Одни полки отказывались идти в атаку, другие просто уходили с позиций, третьи отступали под нажимом меньших сил противника. То же

происходило на Северном и Западном фронтах – из окопов поднялась половина дивизий. Лишь на Румынском фронте наступление развивалось успешно, но приказом из Петрограда вдруг было приостановлено.

«Разложение наших войск, находящихся в Румынии, коснулось несколько меньше, чем на остальных участках, – заметил генерал Врангель, побывавший в штабе фронта в начале сентября 1917 года. – Однако и здесь, в Яссах, солдаты ходили толпами, неряшливо одетые, не отдавали чести и курили на улице. Румынская армия, наоборот, отдохнувшая и реорганизованная под руководством французского генерального штаба, поражала своей выправкой и внешней дисциплиной». Та самая армия, которая зимой казалась Янчевецкому стоящей на грани анархии. Теперь распадалась огромная армия Российского государства.

Миллионы людей в шинелях на пяти фронтах, от Балтийского до Каспийского моря, уже не понимали смысла войны. Чувством долга руководствовались совсем немногие. Временное правительство, трижды сменившееся, почти не влияло на народные настроения, несмотря на присутствие министров-социалистов. И война породила новую революцию.

***

Большевики, твердившие о справедливом мире и пролетарской республике, сумели взять под свой контроль Петросовет, нашли поддержку в столичном гарнизоне и в ночь на 25 октября устроили переворот. Временное рабоче-крестьянское правительство во главе с Лениным (временное, поскольку подтвердило выборы в Учредительное собрание) предложило всем воюющим народам и их правительствам немедленно начать переговоры о мире и аннулировало секретные соглашения России с союзниками. Вместе с декретами о мире и о земле появились постановления о создании в армии революционных комитетов и отмене смертной казни за тяжкие воинские преступления.

Действующая армия перестала быть действующей. В штабных сводках сведений о настроениях частей на Румынском фронте отмечалось: дисциплина катастрофически падает из-за большевистской агитации и событий в России; боеспособность сохраняют считанные подразделения; неисполнение приказов, даже боевых, стало обычным делом, братание с противником принимает широкие размеры. Комитеты, особенно ротные, теряют

авторитет, если выступают против желания масс. Враждебное отношение к офицерам доходит до их арестов и избиений. Многочисленны случаи погромов солдатами румынских имений [2].

14 ноября Германия сообщила о согласии начать переговоры с правительством Ленина. «На фронте нечего было больше делать, – вспоминал служивший в Румынии пехотный капитан Дмитрий. Бологовский. – „Братские армии“ протягивали друг другу руки через головы правительств. Для наглядного обозначения этого радостного события в поэтической долине Сирета был построен огромный круглый стол… Австрийцы, немцы и русские пили чай, ром, коньяк, читали „Окопную правду“ и „Солдатскую газету“. За этим же столом совершались коммерческие сделки: продавали пушки, пулеметы, лошадей, хлеб. Сначала цены были довольно высокие: за 6-ти орудийную батарею немцы платили 2500—3000 рублей, за пулемет – 100 рублей, но потом цены быстро сбились до 25 рублей за орудие и 10 рублей за пулемет. Этот оригинальный способ пополнения немецкого вооружения нравился и нашим, и немцам, хотя и по разным причинам…».

В середине ноября в Яссах, по словам Бологовского, пять человек создали тайную организацию для борьбы с большевизмом: военный атташе полковник Борис Палицын, капитан Сахаров из штаба фронта, подпоручик Ступин – переводчик при американской миссии, служащий Земгора Поздняков и Василий Янчевецкий. «Сухой, нервный, с горящими глазами и беспокойными манерами сангвиника, с пламенной речью, он представлял собой неисчерпаемый источник энергии, поддерживавшей членов инициативной группы в минуты начальных неудач… В начале дело пошло неудачно. [Командующий Румынским фронтом] генерал Щербачев не верил в успех организации, румыны запрещали всякое русское формирование, союзники не обращали внимания… Никто [к нам] не шел. Так продолжалось до появления полковника Михаила Гордеевича Дроздовского». В ночь на 5 декабря Щербачев поручил верным русским подразделениям занять штабы всех армий фронта, румыны же начали разоружать те части, в которых сильно было влияние большевиков. «12 декабря Дроздовский вступил в организацию и сразу твердой рукой взял вожжи. Были нажаты все пружины, организация стала легальной и получила название 1-ой бригады русских добровольцев» [3].

В тот же день, 12 декабря 1917 года вышел первый номер газеты «Республиканец». Издатель – В. Г. Янчевецкий, редактор – Н.В.Карабанов. «Мы переживаем трудное, тяжелое время, –

говорилось в передовице. – Это уже не революция, которая делает переворот и затем создает новые, лучшие условия жизни. Это началось смутное время полной разрухи… И чем больше повсюду беспорядков, грабежей, погромов, столкновений одной части населения с другой, тем более все сознают, что нельзя больше ждать спасения из Петрограда. Нужно самим браться за дело… Теперь нужны сильные духом, твердые люди на местах, которые не боясь трудностей, даже опасностей будут работатать над установлением связей между разными национальными организациями и партиями для совместного подавления разрухи, для созыва независимого Учредительного собрания, которое выработает основные законы нового, республиканского строя».

Газета откровенно рассказывала о развале армии, не позволяющем «заставить противника пойти на наши мирные условия», но настаивала, что «у нас имеются честные солдаты, которые твердо исполняют свой долг перед родиной». Переговоры большевиков с немцами и австрийцами в Брест-Литовске назывались открытым предательством: «никогда купля и продажа не имела столь крупных размеров». К концу года «Республиканец» распространялся во всех городах Румынии, где размещались русские войска, а Янчевецкий получал – благо телеграф работал – сообщения от корреспондентов из Петрограда, Москвы, Киева, Одессы, Севастополя, Екатеринославля, Харькова, Брест-Литовска, Новочеркасска.

Второй годъ изданія

Цѣна отд. № 10 коп.

РЕСПУБЛИКАНЕЦЪ

№ 26.

Среда, 31-го Января, 1918 г.

Запись добровольцевъ.

„1-я Отдѣльн. Русская Бригада Добровольцевъ"

БАЛЛОТИРОВКА БОГА.

Антибольшевистская борьба Янчевецкого началась с издания в Румынии газеты «Республиканец».

Вести о самочинных расправах, безработице и преступности в России, описания повального дезертирства опьяненных

безвластием людей с винтовками печатались, чтобы показать гибельность «бесшабашной демагогии» большевиков. «Россию ожидают такие ужасы, которые не встречались еще в истории народов…». Весь январь 1918 года газета публиковала объявления о формировании на Румынском фронте эсеровской Армии защиты Учредительного собрания, Ударного батальона запорожских казаков, Белорусской дивизии, Отдельной русской бригады добровольцев, а также Добровольческой армии – в Ростове-на-Дону. «Все, кому дорога родина, должны спешить записываться в ряды этих сторонников законности, порядка и нового строя всей нашей жизни» [4].

6 января 1918 года, на следующий день после открытия Учредительного собрания в Петрограде, охрана Таврического дворца не пустила депутатов на заседание, а Центральный исполком Советов утвердил декрет о его роспуске. Переговоры в Брест-Литовске зашли в тупик, и 28 января (10 февраля по новому стилю календаря) нарком Троцкий заявил: «Мы выходим из войны и отдаём приказ о демобилизации наших армий». «Мы покоряемся перед силой большевистского ножа с одной стороны и дула немецкого орудия с другой, – негодовал „Республиканец“. – Но борьба не кончена…».

Немцы понимали, на чьей стороне теперь сила, и прекратили перемирие. 18 февраля германские дивизии пошли в наступление. В Прибалтике и северо-западных губерниях они почти не встретили сопротивления и уже в начале марта обстреляли пригороды Петрограда. Без особых усилий немцы заняли Киев и вытеснили красные войска с востока Украины – по соглашению с Центральной Радой, заключившей с Германией сепаратный мир.

Но на Румынском фронте перемирие сохранялось. «Дроздовцы» собирались идти на Дон, где войсковое казачье правительство еще в октябре 1917-го взяло на себя всю полноту государственной власти.

Прибывший в Новочеркасск Михаил Алексеев, бывший начштаба Верховного главнокомандующего, опубликовал воззвание о создании Добровольческой армии «для спасения чести, веры и родины». Вскоре к нему присоединился Лавр Корнилов, бывший главнокомандующий. Однако на юге России перевес сил был у большевиков, и добровольцам числом в полтора полка пришлось оставить Ростов. В Яссах об этом не знали. В начале марта отряд Дроздовского вышел на марш. Буквально с ходу он выбил красных из Ростова, помог казакам освободить Новочеркасск и влился в Добровольческую армию.

Василий Янчевецкий тоже покинул Яссы. «После начала

гражданской войны отец в Яссах получил несколько предложений от иностранных телеграфных агентств служить у них с последующим отъездом за границу, – объяснял в своей книге Михаил Янчевецкий. – Но отец отказался… Он решил возвращаться в Россию, сказав: „В час испытаний каждый русский должен быть со своим народом“. Весной 1918 года мы двинулись в путь, сами еще не зная куда, но на родину…» [5].

***

Конечно же, Василий Григорьевич слышал о мире, который большевики 3 марта заключили с немцами и их союзниками: Россия отказывается от Финляндии, Прибалтики, Польши, Белоруссии, Украины и южных областей Кавказа, полностью демобилизует армию и разоружает флот; германские войска остаются на оккупированных территориях восточнее обговоренной линии до полного окончания войны. Для страны, понесшей великие жертвы, это был не мир, а позор. И Янчевецкий тогда не скрывал мотивов своего возвращения: «Я оставил спокойную жизнь за границей и пробрался через Украину и большевистский фронт, чтобы участвовать в борьбе с большевизмом и в возрождении родины» [6].

Ехали впятером: Василий Григорьевич, Женя, Миша, Мария Маслова – верный помощник-секретарь и Николай Можаровский – бывший служащий типографии штаба Румынского фронта. Ехали через Украину, где наводили порядок германские войска. «Немцы протягивали щупальца ко всем крупным центрам Малороссии, с целью постепенно занять весь юг России и создать себе прочную продовольственную базу для продолжения борьбы на западе, – переживал генерал Лукомский, посланный командованием Добрармии на Украину для связи с офицерскими организациями. – Один из обывателей правильно характеризировал чувство, которое испытывало большинство: «Шкура радуется, что мы освобождены от большевиков, а душа болит, что это сделано немецкими руками» [7].

Какими дорогами Янчевецкие следовали дальше, что видели и думали – неизвестно. Советская власть уже диктовала новые условия жизни: национализации, реквизиции, ограничения в правах имущих и образованных классов. Уже действовали «чрезвычайки». Власть пролетариата на местах была непререкаемой, мнительной, мстящей за былые обиды: вернувшегося с фронта офицера за отказ снять погоны могли приговорить к каторжным работам, а буржуазию, к коей

причисляли всех, не занятых физическим трудом – обложить денежной контрибуцией. Однако, по словам Лукомского, постоянного террора еще не было: расправлялись с отдельными лицами, которых считали опасными и контрреволюционно настроенными.

На исходе мая наши странники оказались в Самаре. Там узнали о чехословацком мятеже. Чехословацкий корпус, доблестно воевавший в русской армии, был сформирован из сдавшихся в плен славян – подданных Австро-Венгрии. Большевики согласились отправить корпус в Европу, но кривым путем – по морю из Владивостока. Когда в Совнаркоме решили во избежание эксцессов разоружить корпус, эшелоны были в пути. Разумеется, чехословаки оказали сопротивление. И стали опорой антисоветских переворотов от Пензы до Омска.

8 июня чехословацкие части заняли Самару. Власть перешла к комитету членов Учредительного собрания, поддержанному офицерской организацией. Объявили запись добровольцев в Народную армию. Армия собралась маленькая, но боевая. Ее первые успехи облегчили мобилизацию. На пике побед батальоны полковника Каппеля, поддержанные чехословаками, взяли Казань и удерживали ее месяц. Но жители городов и деревень Поволжья в целом не горели желанием воевать с Советами. Как вспоминал начальник оперативного отдела штаба Народной армии Павел Петров, среди крестьян, пока все шло хорошо на фронте, замечалось сочувствие, было содействие, начинались неуспехи – начиналось уклонение. Даже мобилизованные офицеры служили неохотно, тогда как обстановка требовала исключительных по энергии командиров [8].

Большевики стягивали к Волге новые отряды, формировали группу армий. Говорили, что треть красноармейцев были латыши, мадьяры и китайцы, но остальные – русские, добровольцы и мобилизованные. Пусть дисциплина среди них поддерживалась жесткими методами, вплоть до показательных расстрелов, но они шли в бой. И это не укладывалось в голове: те, кто не хотел воевать с немцами, поднимали винтовки против сограждан. Причем под началом командиров, в числе которых, хотя бы и по разным причинам, было немало кадровых офицеров. Янчевецкому (и не ему одному) казалось, что большевизм – это общественное заболевание, эпидемически разлившееся по России, и когда оно будет побеждено, то станет предметом серьезного изучения историков, социологов и психиатров всего мира [9].

Чем помочь в борьбе с этой заразой? Василий Григорьевич решил делать то, что умел – выпускать газету. «На деньги одинокого купца, не знавшего, куда теперь их девать, была

куплена типографская машина и бумага; были найдены брошенные теплушки, нашлись и люди, согласившиеся стать наборщиками и типографами» [10]. Вполне вероятно, помощь оказал купец Сурошников, на деньги которого некогда издавался «Голос Самары» (при Советах все его предприятия и дома национализировали, а сам он побывал в тюрьме).

В начале октября Народной армии пришлось оставить Поволжье и отступить к Уфе. Здесь еще в сентябре представители Комуча, Уральского и Сибирского правительств, казачества, национальных правительств, съезда городов и земств, социалистических партий, запрещенных большевиками, договорились о создании Временного Всероссийского правительства – Директории. Не успев ничего сделать, оно перебралось в Омск. Оборонять Уфу остались части Народной армии, поддержанные чехословаками. Бои шли с переменным успехом, ждали подкреплений с Урала, однако полки прибывали мало боеспособные. Когда нет единства во власти – нет армии, способной противостоять врагу. Лишь 4 ноября Директория сформировала совет министров и объявила, что все областные правительства «должны прекратить существование». И все равно единства не получалось.

«Всякий только по своему рецепту хочет спасти отечество. А оно – гибнет и гибнет, – писал Янчевецкий в своей газете (в типографии на колесах, с детьми и помощниками он добрался до Челябинска, где возобновил издание «Республиканца»). – Когда же мы от слов приступим к делу?» [11]. Этот номер вышел из печати накануне переворота.

***

«Новости, приходящие из Омска, говорят о горячей творческой работе, начавшейся в этой новой столице Сибири. Там начинают действовать лица, несомненно одушевляемые лучшими чувствами увидеть родину восставшей из грязи того унижения и позора, в которую ее сбросили волны анархии. Личность адмирала Колчака, достаточно известного всей России борьбой с большевизмом в Черноморском флоте и личным мужеством как исследователя северных морей и начальника минной флотилии в Балтийском море, привлекает внимание и симпатии русских людей своим рыцарским ореолом… Его заявления, что современная власть должна базироваться на широких демократических началах и к прошлому не может быть возврата, его призывы к возрождению родины – все эти слова будут

встречены с самым полным сочувствием в широких массах населения. Есть много сомнений, опасений – все это мы признаем. Но не время теперь этим чувствам, когда необходимо единство действий всех партий для воссоздания русской свободы и достоинства и для борьбы с большевизмом» («Республиканец», 12.12.1918).

Александр Васильевич Колчак. Герой Великой войны, организовавший как командир минной дивизии безупречную защиту Балтики. Командующий Черноморским флотом, закрывший вражеским кораблям проходы к русским берегам. Колчак на самом деле был знаменит – столичные и провинциальные газеты публиковали его портреты и даже статьи о самом молодом русском вице-адмирале. Он не приветствовал февральскую революцию, но подчинился Временному правительству. Когда в дни смуты на флоте он отказался сдать матросскому комитету личное оружие – наградную саблю, полученную за Порт-Артур, и бросил ее в море, об этом тоже писали едва ли не все газеты. На докладе в Петрограде он заявил, что разложение флота обусловлено порочной политикой правительства и отказался вернуться к исполнению обязанностей командующего. В составе военно-морской миссии Колчак отбыл в Англию, побывал затем в США и Японии, где и узнал о большевистском перевороте. Некоторое время руководил охраной КВЖД, вновь жил в Японии, а в сентябре 1918 года вернулся во Владивосток, намереваясь ехать на Дон к Алексееву и Корнилову. Но в Омске Колчаку предложили занять пост военного и морского министра Временного Всероссийского правительства. И он согласился.

Колчак не был в восторге от Директории, тон в которой пытались задавать эсеры с их претензиями и разногласиями с другими партиями. Многих старших и высших офицеров войск, формально подчиненных правительству, такое положение тоже не устраивало. В ночь на 30 ноября (по новому стилю) заговорщики арестовали министров-социалистов и разоружили эсеровский батальон охраны. Остальные члены правительства на экстренном заседании постановили сложить свои полномочия и выбрать верховного правителя. Проголосовали за Колчака.

Уже в звании адмирала он подписал обращение к населению: «Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру».

Непредрешенчество. Кредо, которое, в конце концов, погубит Белое дело. Давшее большевикам возможность агитировать: если бы Колчаку и Деникину удалось победить, то буржуи прежде всего уничтожили бы наиболее сознательную часть народа, отобрали бы все завоевания революции – свободу, земли, заводы, банки и постарались бы опять сделать из народа темного, забитого раба [12]. Цель большевиков в гражданской войне была предельно ясной и манящей, красноармейцы запоминали ее, разучивая «Интернационал»: «Мы наш, мы новый мир построим, кто был никем – тот станет всем!».

Но лидерам и сторонникам Белой идеи непредрешенчество казалось воплощением демократии. «Какова будет форма правления в России, спрашивают нас. Это дело будущего свободного Учредительного собрания, – рассуждал Янчевецкий на страницах „Республиканца“. – Имеются вопросы более спешные, чем будущая форма русского правительства. Первый из них – приняться всем за работу, чтобы свергнуть иго большевиков. Действовать не каждому в разбивку, но солидарно, организованно и законно… Действовать для улучшения существования народа и судьбы рабочих и особенно для увеличения сил армии – ключа к нашему спасению» [13].

И вот – первая блестящая победа. На исходе декабря в результате смелой и хорошо спланированной операции взята Пермь. Захвачено 9 бронепоездов, 120 орудий, более 1000 пулеметов, 31 000 пленных. «Падение Перми приближает нас к сердцу врага – к Москве, – торжествовал „Республиканец“. – А скорейшее достижение Москвы и ликвидация большевизма не может не радовать каждого изголодавшегося по хлебу, миру и покою русского…» [14].

***

Согласно семейной легенде Янчевецких, типография на колесах, кочуя по Сибири и выпуская по пути газету с местными новостями, в итоге оказалась в Омске. «Типографию реквизировали, газету опять переименовали. Отец остался начальником типографии и редактором газеты, чтобы сохранить и защитить коллектив» [15]. На самом деле никакой реквизиции не случилось, Василий Григорьевич не был даже мобилизован. Он поступил на службу к Колчаку добровольно.

Сохранилась телеграмма, которую Янчевецкий отправил 4 января 1919 года в Омск директору Русского телеграфного агентства (редакция «Республиканца» была подписана

на «Известия РТА»): «Скоро переговорю личном свидании». 11 января в отделе печати при Управлении делами Совета министров и Верховного правителя была составлена докладная записка: «С 13 ноября 1918 г. в Челябинске издается газета „Республиканец“… С января [она] переименована в „Родина“. Задача газеты – проведение идей верности союзникам, возрождения России и борьбы с большевизмом и другим анархическими течениями. Издатель газеты известный журналист В.Г.Янчевецкий является собственником и газеты, и типографии, помещенной в вагонах… В виду значительных затруднений при начале издания, В.Г.Янчевецкий просит оказать поддержку газете „Родина“ и подписаться на 1000 экземпляров на 3 месяца для бесплатной рассылки солдатам на фронте через штабы войск… В случае желательности, типография может печатать также вторую чисто военную фронтовую газету и передвинуться на фронт ближе к войскам». Кем был принят издатель «Руспубликанца», кому представлен, кто отдавал последующие указания – неизвестно, но уже 7 февраля 1919 года он получил 25 000 рублей из средств Особой канцелярии штаба Верховного главнокомандующего «на расходы по изданию газеты „Вперед“» [16].

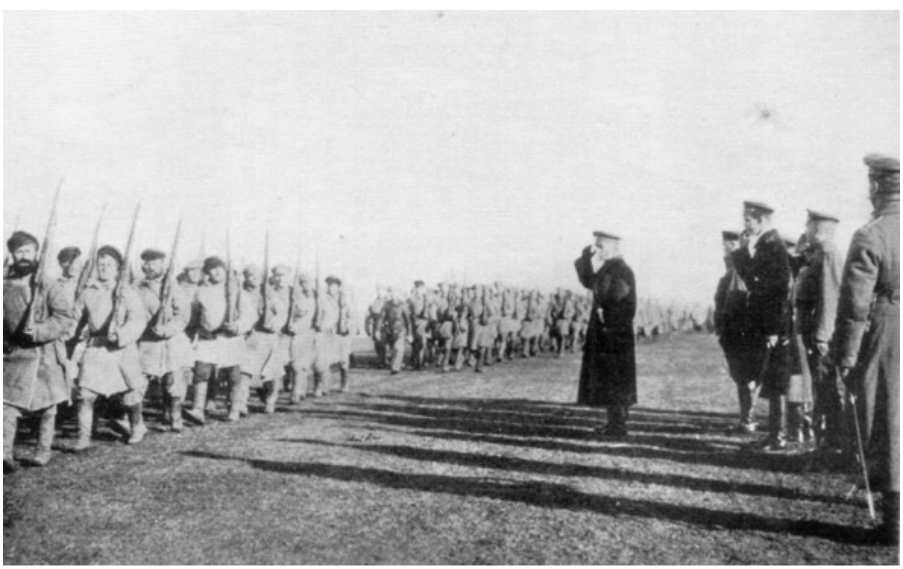
22 февраля начальник Особой канцелярии подписал приказ, подтверждающий, что «причисленный к Министерству народного просвещения коллежский советник Янчевецкий» считается исправляющим должность начальника Осведомительного отделения канцелярии с 21 января 1919 года. «Осведомительное» – значит, для пропаганды государственных идей и осведомления войск и населения о военных действиях. 3 марта начальник штаба Верховного главнокомандующего утвердил Янчевецкого в должности – с окладом, равным окладу командира полка, и тремя обер-офицерами в подчинении. Должность обер-офицера для поручений и делопроизводства досталась прапорщику Николаю Можаровскому. В редакции «Вперед» он отвечал за типографское хозяйство. Погоны прапорщика Можаровский (бывший токарь из Елисаветграда) заслужил на Юго-Западном фронте, куда по мобилизации попал рядовым в составе Крымского конного полка. После ранения на Румынском фронте и выписки из госпиталя был произведен в чиновники военного времени и в феврале 1917 года направлен в штабную типографию в Яссы, где и познакомился с Янчевецким [17].

4 марта, в первый день стратегического наступления армий Колчака, в Омске начала выходить фронтовая газета «Вперед». На двух полосах печатались оперативные сводки, приказы

Верховного правителя, фронтовые репортажи, политические заметки, рассказы, солдатские песни и письма. Ее редактор сочиняет злые, хлесткие агитационные стихи:

На месте прежних русских ратей
Царит один латышский полк.
Ликует банда красных братий,
И голос совести замолк.
Вся Русь в крови, в огне пожаров,
И мчится бешено вперед,
Влача израненный народ
Под хохот пьяных комиссаров.

Стихотворение Янчевецкого «В красной России» опубликовано в №4 «Вперед» от 7 марта 1919 года – самом раннем выпуске, который мне удалось обнаружить. В следующем номере – новости под заголовком «Наступление по всему фронту» и очерк «Ижевско-воткинская эпопея». Для Белого движения этот факт был гордостью: в составе 2-го Уфимского корпуса с исключительной отвагой воевала бригада, сформированная из рабочих Ижевска, Воткинска и Сарапула, поднявших оружие против большевиков еще в августе 1918 года.



«Вперед, к заветной цели – к освобождению России, к началу новой счастливой жизни, когда русские люди будут свободно ходить, говорить, молиться…».

Камская стрелковая дивизия целиком состояла из крестьян-

добровольцев, сражавшихся, по отзыву командования, выше похвалы. Мобилизованных было больше, но все же казалось: народ поднялся за свободу, настоящую, а не придуманную большевиками!

Прорвав фронт на нескольких участках, колчаковцы 13 марта захватили Уфу. Красные отступали в такой панике, что белые не успели завершить окружение. «Вперед, к заветной цели – к освобождению России от большевистских опричников, к началу новой счастливой жизни, когда русские люди будут свободно ходить, говорить, молиться, не оглядываясь, нет ли поблизости комиссара, – призывал Янчевецкий („Вперед“, 13.03.1919). – Там ждут прихода смелых сибирских войск скорбные глаза, протягиваются худые руки страдающих женщин и детей, молящих о помощи, о спасении, об освобождении от постоянного ужаса, страданий, голода, беспрерывных казней…».

Крестьяне, измученные набегами красных продотрядов, встречали колчаковцев как спасителей. Один из ротных командиров Барнаульского полка рассказывал в частном письме, что мобилизованные солдаты из большевистски настроенных превращались в ярых врагов красных, когда шли походным порядком по уральским деревням. После взятия Перми, белые убедились, что террор стал для большевиков обычным делом – так, в отместку за покушение на Ленина в Петрограде здесь расстреляли 44 заложника из числа «контрреволюционных элементов». А в дни штурма города чекисты утопили в проруби епископа Феофана вместе с двумя священниками и пятью мирянами.

«Придет наш день – день возмездия и расправы, и мы будем точно знать, кому нужно было издеваться над православием, истреблять русскую интеллигенцию и священников… Мы желаем, чтобы в этот день русский народ был неумолим и беспощаден, как судьба» («Вперед», 15.03.1919). Янчевецкий был сам себе цензор, но страстность его публикаций смущала даже коллег-журналистов. В начале апреля в Русском телеграфном агентстве составили «Список периодических изданий, выходящих на территории, освобожденной от большевиков». В черновом варианте списка дана такая характеристика «Вперед»: «Газета бойкая, но мало разборчивая в средствах и приемах агитации» [18].

Но военное начальство к газете благоволило. Сам Верховный правитель и главнокомандующий «повелел передать Его благодарность за скорое и отличное исполнение воззвания с изображением преподобного святителя Николая Чудотворца» Янчевецкому и всему составу редакции газеты «Вперед» (приказ

по Особой канцелярии от 24 марта 1919 года) [19]. О содержании воззвания можно лишь гадать, а изображение – это, вероятно, фотография надвратной иконы московского Кремля. Образ пострадал от пуль красногвардейцев, но лик и воздетая рука с мечом уцелели, в чем верующие увидели знак. Когда в феврале 1919 года Колчак приехал в Пермь, местное духовенство подарило ему икону – точную копию, как сообщали газеты, кремлевского образа. В Омске икона «была взята в крестный ход» и помещена в кафедральном соборе. «Под грозным водительством святителя пойдет Русская армия спасать Русскую землю…».

***

По ночам, пока набирался очередной номер газеты, Василий Григорьевич рисовал. Для мартовской художественной «летучки», затеянной приезжим футуристом Давидом Бурлюком, он подготовил пять акварелей: «Танец скифских девушек», «Игра света», «Вечер в Яссах», «Перед восходом солнца» и «Восточный сон». Перечень выставки отпечатали в типографии «Вперед» [20].

Консервативный Омск плевался от футуристических «диспутов о новой жизни и новом искусстве», но молодежи они нравились, и Янчевецкому тоже были интересны эти творческие эксперименты. Он пришел на первый же поэзоконцерт Бурлюка, с которым познакомился еще в Челябинске: «Зал городской управы был полон. Отец футуризма Бурлюк вышел в черном сюртуке с деревянной ложкой в петлице вместо цветка. Он доказывал, что язык прежних поэтов, певцов чистого искусства и нежных грез больше не годится для величественных и страшных переворотов, от которых содрогается весь мир. Нужны новые слова, новые формы выражения.

«Скифская симфония». Рисунок В. Яна 1925 года – вероятно, восстановленная по памяти картина, созданная в белом Омске (из архива семьи Янчевецких).

И только футуризм может справиться со столь грандиозными образами современности. Лекция Бурлюка как теория новых форм справедлива, и с ней можно согласиться…» [21].

Василий Григорьевич сдружился с омским писателем и художником-символистом Антоном Сорокиным, посещал его домашние литературные вечера. Человеком Сорокин был жизнерадостным, ироничным и по-своему принципиальным. Сын богатого купца, он ненавидел власть золота; его повесть, изданная в 1914 году, называлась «Хохот Желтого дьявола» – протест против абсолютного зла денег и корысти, порождающих войны. Любое правительство было для него сомнительно, если опиралось на насилие и обман. Янчевецкий не раз выручал писателя, когда тому грозил арест за возмутительные, с точки зрения омских властей, эскапады [22]. Сорокин участвовал в выставках, и редактору «Вперед» его работы очень нравились: «Например, картина „Там, где были мысли“ – черепа, из которых растут цветы. Или „Цветы тепла и холода“ – несколько кактусов у окна, на стекле которого нарисованы морозом причудливые узоры. Все рисунки были исполнены артистически, хотя он их делал с поразительной быстротой, без поправок… Я убедился, насколько единичен в своей самобытности этот писатель-художник» [23].

По рекомендации Сорокина Янчевецкий взял к себе двух Ивановых – Всеволода и Николая, однофамильцев и начинающих писателей.

До колчаковского переворота Всеволод, будучи человеком левых взглядов, работал наборщиком в эсеровской газете и те же обязанности стал исполнять в редакции «Вперед». «Сорокин объяснил, что начальник типографии, полковник – человек либеральный, журналист, любит литературу и охотно принимает литераторов, которым почему-либо не нравится мобилизация», – вспоминал Всеволод Иванов [24]. Николая приняли корректором. Уже на склоне лет Анов сочинил автобиографическую повесть, где привел слова Сорокина: «Василий Григорьевич, хотя и возглавляет белогвардейскую газету, но человек достойный и порядочный… В разговоре со мной этот полковник такие мысли высказывал, прямо в пору анархисту. Удивительно странный и, я бы даже сказал, загадочный человек!». И поделился собственным впечатлением о Янчевецком: «Яркие глаза, волевое лицо…». Всеволод Иванов напечатал в типографии «Вперед» сборник своих рассказов. «Книжку, еще пахнущую краской, он преподнес редактору с дарственной надписью. – Почитаю, – пообещал Василий Григорьевич. Примерно через час он зашел в купе и поздравил автора. – Первая книжка! – торжественно произнес он. – Вы только вдумайтесь, что значит для писателя первая книжка. Это – первая звездочка на погонах офицера! Это первый поцелуй девушки! Не сомневаюсь, вы создадите десятки, возможно сотни книг, но эту первую никогда не забудете. Отличная книжка, написана прекрасным русским языком…» [25].

Конечно, Янчевецкий не был анархистом. Однако когда после роспуска Директории в Уфе арестовывали социалистов – членов Учредительного собрания, он предупреждал на страницах «Республиканца»: «Нужно не отталкивать тех лиц и те партии, которые уже ведут борьбу, уже сорганизованы. Большевизм слишком грозное явление, чтобы презирать и отталкивать всякую помощь в общей борьбе против него» [26]. Василий Григорьевич пытался верить в здравомыслие, почти невозможное в условиях гражданской войны.

Вместе с Бурлюком в Омск приехали молодой художник Евгений Спасский и начинающий поэт, недоучившийся студент-медик Борис Четвериков. Повстречавшись с Борисом на выставке и узнав, что ему грозит арест по подозрению в дезертирстве, Василий Григорьевич предложил поэту место в своей редакции. «Меня поразили его глаза – острые, пронизывающие. И добрые, – вспоминал Четвериков. – Янчевецкий участливо и как-то успокоительно произнес: «Это действительно того – плохо. Что ж,

надо выручать» [27]. Четвериков служил у Янчевецкого военным корреспондентом, Спасский – иллюстратором. Евгений был мобилизован, служил писарем в штабе, но кто-то настрочил донос, якобы он большевик. Из тюрьмы художника выпустил офицер, бывавший на поэзоконцертах. «Он сказал, чтобы я не оставался в городе ни одной минуты… Я пошел на вокзал с пустыми руками и пустым карманом. Но мир не без добрых людей. На вокзале меня останавливает человек в чине штабного полковника и говорит: «Я вас знаю. Вы такой-то. Куда вы идете?» Я увидел добрые, ласковые глаза и рассказал ему все со мной случившееся. Он предложил мне место и работу у себя в передвижной типографии. И так я попадаю в вагон на колесах, делаю клише, режу из линолеума заставки, виньетки и рисунки» [28].

Тираж «Вперед» быстро вырос до 3000 экземпляров. Сотрудники жили в одном из четырех вагонов, занятых типографией и редакцией. Здесь же, в поезде обитал Янчевецкий со своими детьми и близкими. В вагоне редактора имелся рояль; иногда там устраивались музыкальные вечера, Боря Четвериков пел на два голоса с Женей Янчевецкой. Мария Маслова помогала Василию Григорьевичу в повседневных делах, присматривала за Мишей. Свои заметки для газеты она подписывала «М. Янчевецкая» или «М. Ян», а значит… Да, по всей видимости, в Омске Янчевецкий решил создавать семью заново.

***

Два месяца. Всего два месяца длился «полет к Волге» – так назвали наступление колчаковских армий. По Каме они с непрерывными боями дошли до Чистополя, в направлении Самары – до Бугуруслана. До Волги оставалось всего 40—45 верст.

Но уже 2 мая генерал-лейтенант Алексей Будберг, главный начальник снабжения Сибирской армии, записал в дневнике: «Войска вымотались и растрепались за время непрерывного наступления, потеряли устойчивость и способность упорного сопротивления… Летели к Волге, ждали занятия Казани, Самары и Царицына, а о том, что надо будет делать на случай иных перспектив, не думали. Фронт страшно, непомерно растянут, резервов нет, а войска и их начальники тактически очень плохо подготовлены, умеют только драться и преследовать, к маневрированию не способны». Начальник армейского корпуса, пробивавшегося от Уфы к Самаре, сообщал командующему

Западной армией: «Беспрерывные марши по невероятно трудным дорогам и ежедневные бои последних двух недель без отдыха, без обозов, голод, отсутствие обмундирования (много людей буквально босых) … могут окончательно погубить молодые кадры дивизий. Люди шатаются от усталости, и боевая упругость их окончательно надломлена». Ротные командиры оценивали положение еще критичнее. «Когда мы выехали из Барнаула, в ротах было по 18—20 офицеров, а теперь осталось по два, по три и через месяц-два не останется ни одного из тех, что выехали на фронт, – сокрушался офицер из стрелкового полка, участвовавшего в штурме Перми и дальнейшем наступлении. – То же самое и со стрелками. В некоторых ротах сибиряков осталось 10—15 человек» [29]. Младших командиров, тем более способных, катастрофически не хватало. Мобилизации давали «сырые» пополнения, времени на подготовку солдат просто не было.

Недоставало оружия, боеприпасов, одежды, обуви, медикаментов, продовольствия. Союзники России по Антанте старались снабжать Колчака всем необходимым. Однако Владивосток, куда шли поставки, связывала с Уралом единственная железная дорога, а в тылах бушевало партизанское движение. Для сибирских крестьян, не знавших диктатуры пролетариата, военный режим белых с его мобилизациями, повинностями, налогами, реквизициями и, увы, произволом («выпороть крестьянина стало обычным явлением») становился непереносимым злом. Партизаны разбирали железнодорожные пути, разрушали мосты, резали телеграфные провода, убивали машинистов, обстреливали поезда. Эшелоны с боеприпасами и снаряжением иногда неделями не могли продолжить движение к фронту. Жестокость, с которой власти боролись с ними, только распаляла восставших.

4 мая белые оставили Чистополь и Бугуруслан. Огрызаясь и контратакуя, отходили к Ижевску и Уфе. Отступили из-под Оренбурга, который не смогли взять за месяц. Штабы получали донесения о переходах к красным отдельных батальонов и даже целых полков.

27 мая типография «Вперед» отправилась из Омска в Екатеринбург, к фронту. Но можно ли что-то изменить газетным словом, если воля армии подорвана, а в поддержании ее боеспособности почти ничего не меняется? «Большевики обещали воюющим мир, безработным труд и всем – даровую землю. Но они отогнали насильно рабочих из фабрик в красную армию, подняли войну внутри страны, разорили крестьян и дают много земли только на кладбищах, – убеждал читателей полковник

Янчевецкий. – Мы знаем, что большевики мечутся, что их конец неминуем, но нужно еще иметь много твердости и терпения, чтобы довести борьбу с ними до желанного конца». Это – «Вперед» от 8 июня. Днем ранее оставлен Ижевск, на следующий день – Уфа. «Среди коммунистов последнее время стала замечаться почти нескрываемая паника, – уверяла «Вперед» от 12 июня, ссылаясь на впечатления беженцев из Советской России. – Главный мотив газет и митингов – идущая с востока из Сибири опасность, для борьбы с которой нужно напрячь все силы». Но накануне красные, оттесняя белых к Перми, заняли Воткинск. «Вперед» от 13 июня: «Сомневаться в прочности нашего фронта нет никаких оснований… Временно очищение территории между Уфой и Волгой… Одним из условий, способных ускорить победу, является спокойствие и выполнение каждым гражданином своего долга перед Родиной…». 19 июня войска, державшие оборону за Уфой, начали отходить к Челябинску.

«Был у Янчевецкого, – пометил 23 июня в дневнике полковник Иосиф Ильин, получивший назначение командовать артдивизионом, но так и не вступивший в должность («о дивизионе не может быть и речи, так как даже не знают точно его местонахождение»). – Янчевецкий тоже не в восторге от наших дел и говорит, что развал все усиливается, но, несмотря на это, поместил военный обзор, который Зубов [из Осведверха] озаглавил «Натиск красных ослабевает». В своих мемуарах Ильин более откровенен: «Мы с ним [Янчевецким] много говорили о Колчаке, которому он очень симпатизировал, но на положение смотрел мрачно. Очень критически говорил о чехах, которые, по его мнению, играют в руку большевиков, и не менее критически отзывался о союзниках: «Англичане уже уходят. Стоило обозначиться неудаче, и союзники быстро эвакуируются. В чем их помощь? Два-три батальона в тылу? А эта комическая батарея французов? А что делается в тылу? Вы знаете, какие восстания крестьян в Сибири? Положение Колчака тяжелое… А кто его окружает? Разве один Пепеляев еще человек с характером, а ведь остальные – это же провинциальные чиновники, какой у них государственный опыт?» [30].

Чехословацкий корпус отказался участвовать в гражданской войне после переворота в Омске, перешел в подчинение главкома союзными войсками в Сибири генерала Жанена и согласился лишь на охрану Транссиба. К лету 1919 года вся Енисейская и часть Иркутской губернии была охвачена восстаниями. Для борьбы с партизанами пришлось стянуть 12 000 русских и иностранных солдат, что по числу равнялось трети Западной армии сражавшейся на Уфимском направлении. А союзники…

На правом фланге Сибирской армии операции велись вместе с войсками Северной области (центр в Архангельске). Были среди них и союзнические части – значительные, но мало участвовавшие в боях. Вмешательство в российскую смуту уже напрягало правительства стран Антанты, для которых Великая война давно закончилась – Германия и Австрия полгода как капитулировали.

Екатеринбург колчаковцы оставили 14 июля, через две недели после сдачи Перми. «Официальным сообщениям об устойчивости белой армии уже никто не верил. Проходящие поезда осаждали купцы, промышленники и офицерские семьи. За право проезда до Омска, хотя бы на платформе, платили по 18 000 рублей, отдавали ценные вещи, – вспоминал очевидец. – По улицам двигались бесконечные подводы с имуществом домовладельцев. Тяжелая июльская пыль поднималась к распахнутым окнам уже пустых купеческих особняков. Попы служили последние молебны. Глухо и мрачно гудели колокола церквей…» [31]. Типография «Вперед» покинула Екатеринбург с последними эшелонами и 24 июля прибыла в Омск.

«Эвакуация фронта производилась возмутительно преступно, – негодовал генерал Будберг. – Было время многое спасти, но сначала шли многочисленные штабные и хозяйственные эшелоны с бабами, няньками, детьми и прочими бебехами; затем уезжали в купленных вагонах богатые обыватели. Прибывшие с фронта офицеры трясутся от негодования… Надо еще удивляться прочности нашей дисциплины, которая позволила офицерам и солдатам спокойно смотреть на эти мерзости и не разорвать в клочья тех, кто это делал или допускал делать. Но сколько невидимых трещин оставляют такие картины… Ставка и ее осведомительные органы упрямо и упорно гримируют правду… Вся атмосфера нашего осведомления пропитана неискренностью, фальшью, желанием все замазать и представить в розовом свете» [32].

Вольно или невольно, Василий Янчевецкий участвовал в пропагандистском спектакле. «Вперед» от 8 июля разъясняла: большевики, напирая на Урал, на других фронтах терпят поражения, стремительное наступление южных армий создало для них катастрофическое положение. «Троцкий и Ленин трясутся в Кремле и складывают чемоданы с деньгами, чтобы ускользнуть в Сибирь. Но здесь им крышка…». 30 июля газета сообщала: «С фронта пришли радостные известия о наших успехах. Войска славного Каппеля, которые уже дали неоднократные примеры доблести русского солдата, снова опрокинули и погнали

красных». На самом деле группа Каппеля, увязшая в упорных боях южнее Челябинска, всего на день вернула утраченные позиции. 30 июля 1919 года Колчак отдал приказ об отступлении всей 3-й армии, задействованной в Челябинской операции. А «Вперед» уверяла: «Война не игрушка и не математический подсчет. Сегодня нам плохо, но завтра будет хорошо, потому что наше будущее, наше счастье лежит в нашем сердце, нашем мужестве. Мужества у нас достаточно… Счастье мы с бою возьмем». Подпись – В. Я. И на той же полосе: «Деникинские войска в 12 верстах от Астрахани».

***

В Омске надеялись, что большевики не выдержат мощного напора с Дона. Добровольческая и Донская армии под началом генерала Деникина превратились в грозную силу. Весной и в начале лета 1919 года они отбили наступления красных на Ростов и Новочеркасск, заняли Северный Кавказ и Крым, взяли Харьков и Царицын. 3 июля Деникин отдал приказ о походе на Москву. «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции», – признавал Ленин, составляя прокламацию «Все на борьбу с Деникиным!».

На Москву белые выступили, довершая разгром красных на Украине. Полтава встречала деникинцев торжественным молебном. Полтавцы кричали «ура» и подсчитывали, сколько раз с 1917 года в городе менялась власть – получалось двенадцать. Ужасались наследию ЧК (белые обнаружили несколько братских могил) и опасались ночных грабежей, с которыми новая власть пока не могла справиться [33]. Среди тех, кто ждал, когда на Соборной площади появится русский триколор, был и Дмитрий Янчевецкий.

Из Петрограда он уехал в Полтаву вместе с женой, к родственникам Александры, еще весной 1917 года. Летом 1918-го Дмитрий Григорьевич затеял издание газеты «Родной край», но выпускал ее недолго – на Украину вернулась советская власть. А с первых дней августа 1919 года он редактирует новую полтавскую газету – «Голос Юга». Я держал в руках несколько уцелевших номеров. «Голос Юга» от 25 сентября (по старому стилю) Янчевецкий посвятил памяти основателя Добровольческой армии Михаила Алексеева. Он встречался с генералом в Новочеркасске в январе 1918 года, когда белая армия только создавалась, а красная угрожала Дону. «Многие считали тогда

положение безнадежным и все великое дело воссоздания Русской армии – проигранным в самом начале… Снежный комок вырос в целую лавину. Эта великолепная лавина докатилась уже до Орла и Брянска… Стая первых орлят – горсти офицеров, юнкеров и кадет выросла в два года в геройскую армию орлов, численность которых исчисляется уже сотнями тысяч… Добровольческая армия – это не банда, как ее называет Ленин, умеющий говорить только базарным либо разбойничьим языком. Это тот крепкий „бандаж“ доблести и патриотизма, который охватит и стянет всю Россию в мощное государство, верное родной старине, но новое по духу».

Сотни тысяч – преувеличение. Вооруженные силы Юга России (Добровольческая, Донская, Кавказская армии и несколько областных войск) в июле 1919 года насчитывали около 185 000 офицеров и строевых нижних чинов – с учетом тех, кто служил в штабах и гарнизонах. Были полки, сформированные действительно из добровольцев – «алексеевцы», «дроздовцы», «корниловцы», «марковцы». Основу этих частей составили офицеры и юнкера старой армии. Донцы – все шли добровольцами. На стороне белых сражались, и вполне храбро, переубежденные пленные красноармейцы и даже махновцы. Но большинство, как и у Колчака, воевали не за идею, а скорее в силу обстоятельств. Четыре колчаковские армии – Сибирская, Западная, Уральская и Оренбургская – объединяли 140 000 штыков и сабель. Однако все белые войска, вместе с Северо-Западной армией генерала Юденича и Северной армией генерала Миллера, по численности в разы уступали Красной армии, созданной мобилизациями и агитацией.

РККА весной 1919 года – это 1,5 миллиона бойцов, пусть не везде и во всем надежных. Да, из Красной армии дезертировали толпами. Но вот парадокс: летом-осенью 1919 года в строй вернулись 900 000 крестьян-дезертиров – из опасения как репрессий от советской власти, так и возвращения «старых порядков» [34]. «Общее поведение войск – как офицеров, так и рядовых – в тыловых районах быстро охладило симпатии крестьян и рабочего класса, и это охлаждение усердно поддерживалось неутомимой большевистской пропагандой, – отмечал майор Уильямсон из британской военной миссии при штабе Деникина. – Росло подозрение, что Деникин и его начальник штаба Романовский, хотя и не боровшиеся за реставрацию монархии, в конечном итоге восстановят многие злоупотребления и деспотические институты старого режима» [35].

Поход на Москву погубило то же, что и полет к Волге –

стремительность: «Хоть цепочкой, но дотянуться до Москвы». Отсюда – большие потери и сильнейшая нехватка резервов, растянутость коммуникаций и отвратительное снабжение, обусловленное, в том числе, немыслимой беспечностью тыловых управлений. Абстрактным белогвардейским декларациям – «создать новую, светлую жизнь всем: и правым, и левым, и казаку, и крестьянину, и рабочему» – большевики противопоставили конкретные цели: «Покуда Дон не наш – голод с нами», «Красная армия наступает – хлеб в Советской России прибавляется». Совдепия собрала и напрягла, как призывал Ленин, все силы, и Добровольческая армия будет отступать на юг столь же быстро, как шла на Москву. Белый гарнизон без боя оставит Полтаву в ночь на 27 ноября (9 декабря по новому стилю). Город займут отряды махновцев, воевавших тогда в союзе с большевиками, и регулярные красноармейские части. Несколькими днями раньше Дмитрий Янчевецкий с женой уедет в Ростов-на-Дону в поезде, набитом беженцами – люди устраивались даже на крышах вагонов и бросали на платформе все, что не получалось взять с собой…

Но в начале осени перелом еще не наступил. 20 сентября взят Курск, спустя три недели – Орел. До Москвы осталось 350 верст. Казаки генерала Мамонтова прошлись по красным тылам в Тамбовской губернии. А за Уралом белые попытались взять реванш. Как сообщал тот же «Голос Юга», «переход войск адмирала Колчака в наступление по всему фронту вызвал необычайный подъем духа в Сибири».

***

«Инициатива всецело в наших руках. Все попытки красных переправиться обратно через Тобол ликвидируются» («Вперед», №149, 17 октября 1919 года).

Тобольскую операцию Колчак готовил, лично контролируя реорганизацию своих армий и планирование главного и вспомогательных ударов. Пять дивизий заново формировались в Петропавловске, на Ишиме. Туда же 19 августа выехала «Вперед». Типография оставалась в Петропавловске до 4 сентября, когда наступление развернулось по всему фронту, и после первых побед отправилась обратно в Омск [36].

К концу сентября две мощные красные армии вытеснили за Тобол. Это был успех из самых последних сил. На передовую послали даже личные конвои Колчака и генерала Сахарова, командовавшего 3-й армией. Пленных красноармейцев увозили

в тыл, собирали в запасные роты, спешно муштровали и бросали в бой в составе белых полков.

«Каждый день был наполнен подвигами, – вспоминал Сахаров. – Люди дрались сутками и неделями почти без отдыха… Но они шли вперед. И умирали, и побеждали, ибо видели перед своими духовными очами образ Великой Родины» [37]. Благодарный взгляд в прошлое боевого генерала, писавшего мемуары в эмиграции. А вот как страшно и не торжественно выглядела война на полях сражений, распаляемая взаимной ненавистью. Из воспоминаний капитана Михайлова, командира 1-го Ижевского полка: «Под покровом густого тумана красные близко подошли к окопам и с криком „ура“ бросились в штыки. Бойцы выскочили из окопов и приняли удар. Произошел ожесточенный рукопашный бой. Забывали про винтовки. Катались в обнимку по земле, грызли и душили друг друга…» [38].

Мне не удалось найти ни одного выпуска «Вперед» за время Тобольской операции и последующего короткого затишья. Номер 149-й, последний из обнаруженных, с адресом редакции «Действующая армия. Вагоны 521 и 216», вышел в дни контрнаступления красных 3-й и 5-й армий. Днем раньше, 16 октября, редактор Янчевецкий пытался заново объяснить солдатам (новобранцам? деморализованным фронтовикам?), «за что мы боремся с большевиками». «До революции был старый режим – или „прижим“, как его называют в шутку. Был он плохой, неважный, но все таки при нем Россия стояла крепко… Но вот в революцию захотелось народу из-под отцовской опеки выйти… Вильгельм нам прислал Ленина, Троцкого… Собственную избу свою мы сожгли, а новой не построили… Для того, чтобы ввести „новый строй“ – надо изгнать из России всех проходимцев, чтобы в родной избе мы сами были хозяева, мы – русские люди, и были бы мы все братьями».

Это уже не призыв, а просьба, продиктованная предчувствием близкого краха. «Предел сопротивляемости был перейден», – с горечью отмечал генерал-майор Пучков, рассказывая, как подчиненная ему 8-я Камская стрелковая дивизия – всегда надежная, стойкая, но выбитая наполовину – однажды «побежала без всяких видимых причин» [39].

«Кошмарное, сумасшедшее время. Деникин подходил к Туле, газеты сообщали, что при взятии им Орла горожане стояли на коленях и пели: „Христос воскресе!“. А тут [в Омске] – только бегство и развал, – запомнил Всеволод Иванов, вице-директор „Русского бюро печати“. – День ото дня все быстрее неслись по улицам грузовые автомобили, доверху набитые разным

скарбом… Правда, к обороне Омска как будто готовились, строили некие предмостные укрепления, на тот случай, если Иртыш к подходу красных еще не замерзнет. Уже после оставления Омска я разговорился с саперным прапорщиком. Было построено несколько окопов „с колена“, без прикрытий, без проволочных заграждений. Прапорщик очень волновался, ему было приказано сдать эти укрепления частям, которые должны были оборонять их, а никто к нему не явился» [40].

Адмирал Колчак со штабом покинул Омск в ночь на 13 ноября. Вероятно, тогда же уехала типография «Вперед». 14 ноября, перестреливаясь с арьергардами белых, в город вошли красные войска. 19 ноября верховный правитель прибыл в Ново-Николаевск, где намеревался вновь собрать поредевшие армии в кулак и ответить контрнаступлением. Но план так и остался на бумаге.

«Разбитая армия оказалась окруженной восставшим против нее сибирским населением; дезорганизация армейского механизма росла с каждым днем и грозила похоронить в собственных развалинах оставшееся крепким и стойким основное добровольческое ядро армии; единственная железная дорога оказалась в исключительном распоряжении враждебно настроенных к армии чехов… И все это на фоне горького сознания колоссального краха, несбывшихся надежд…» [41]. Командир одного из полков в Ново-Николаевске попытался поднять мятеж, желая прекратить напрасные жертвы и заключить перемирие с большевиками. Он был расстрелян со всеми своими офицерами.

4 декабря Колчак уехал на станцию Тайга под Томском, где сосредоточилась наиболее боеспособная 1-я Сибирская армия. Главнокомандующий Сахаров вспоминал, что прежде не видел адмирала настолько подавленным и готовым сорваться на крик. На станции Тайга братья Пепеляевы – генерал и премьер-министр – потребовали у верховного правителя сменить главнокомандующего и созвать законодательное собрание, объединяющее все здравые политические силы Сибири. 11 декабря главкомом был назначен генерал Каппель. Спустя три дня пал Ново-Николаевск.

Даже красные ужасались картине отступления белых. «От станции Каргат до Ново-Николаевска, на протяжении 140 километров, обе железнодорожные линии были забиты вагонами с колчаковским имуществом… Многие поезда были заняты под полевые госпитали, санитарные летучки. Все они были завалены больными тифом и трупами… Трупы валялись повсюду: на каждой железнодорожной станции, в каждой деревне.

Горы, штабеля трупов погибших от ран или тифа…» [42].

Все это видел и знал Василий Янчевецкий. Последний выявленный в архивах документ о судьбе начальника осведомительного отделения Особой канцелярии штаба Верховного главнокомандующего датирован 16 декабря 1919 года. Это телеграмма директора «Русского бюро печати», принятая в Иркутске: «Еду поезде Верховного правителя… Эвакуирую Ново-Николаевский район пользуясь любезностью газеты „Вперед“ и имея две теплушки…» [43].

***

Редакция «Вперед» разделилась. Типография со всеми сотрудниками следовала отдельно. На разъезде недалеко от Ново-Николаевска эшелон – после короткой стычки с охраной – был захвачен отрядом красных партизан. Типография вернулась обратно.

Янчевецкий вместе со штабом главнокомандующего добрался до Ачинска. Генерал Каппель рассчитывал восстановить линию фронта в районе Красноярска с его сильным гарнизоном. Однако командующий войсками Енисейской губернии генерал-майор Зиневич вышел из подчинения. 28 декабря он отправил Колчаку, следовавшему в Иркутск, открытое письмо (о нем узнали и в Ачинске): «После катастрофы на фронте я вижу, что лозунги, во имя которых мы объединились вокруг вас, были громкими фразами… Гражданская война пожаром охватила всю Сибирь, армии нет, офицеры, эти безропотные и честные борцы за родину, брошены на произвол судьбы… Я призываю вас как гражданина, любящего свою родину, найти в себе достаточно сил и мужества отказаться от власти». Зиневич надеялся, что созыв демократического Земского Собора остановит распад государственности, но только подлил масла в огонь.

А на следующий день, 29 декабря в Ачинске случилась беда. На станции, где скопились воинские и грузовые эшелоны, при перегрузке пороха по халатности просыпалось содержимое мешка. Хватило случайной искры. Два вагона с порохом и три цистерны с бензином взлетели на воздух. «Мы видели, как сверху с большой высоты летели издававшие странный вой тяжелые двери теплушек и обломки вагонов, – рассказывал полковник Вырыпаев из штаба Каппеля. – Жар от ревущего пламени, устремлявшегося на несколько саженей к небу, заставил нас вернуться к задней части нашего эшелона и обернуться туда, где справа и слева были нагромождены в несколько рядов горящие

вагоны, набитые корчившимися от огня еще живыми людьми…». Число жертв даже не считали; предположили, что убито и ранено не менее тысячи человек [44].

«Отец был в городе в это время, поэтому с ним ничего не случилось, – вспоминал Михаил Янчевецкий. – А у нас все были ранены. Я был оглушен, контужен. Женя, сестра моя сводная, была ранена. С нами ехала одна американка – ее разорвало на части. Все вокруг было разрушено и сгорело – весь поезд. Это был кошмар. Отец стоял со всем своим израненным семейством на перроне, все вокруг в крови, пожарище» [45].

Под началом Каппеля в Ачинске оставалась лишь 2-я Сибирская армия. 1-я армия разгромлена под Томском, связь с 3-й армией, обходившей Ачинск с юга, потеряна. Невозможно было понять, сколько в строю бойцов – меньше или больше хотя бы десятка тысяч. Сзади наседала 5-я красная армия, впереди угрожали многотысячные отряды красных партизан. 31 декабря 1919 года главнокомандующий решил идти на Красноярск – на прорыв. Янчевецкого в уходящих обозах и эшелонах не было. «Отец решил тогда, что дело кончилось с белогвардейской армией, с Колчаком…».

ПРИМЕЧАНИЯ

Все даты до 26 января 1918 года приведены по старому стилю.

1. «Республиканец» (Яссы), 14.12.1917. Передовица без заголовка.

2. Октябрьская революция и армия. Сборник документов. – М., 1973. Стр. 71—79.

3. Государственный архив РФ, ф. Р5881, оп.2, д.259, л.1—2, 7—9. Описывая В. Янчевецкого, автор воспоминаний пересказал слухи, в которых затесались смутные сведения о его старшем брате: «Янчевецкий – интернациональный революционер, проводивший революцию и контрреволюцию в Турции, испортивший много крови Францу-Иосифу по поводу отделения Венгрии». Земгор – сокращенное название объединенного комитета по снабжению армии Земского и Городского союзов

4. «Республиканец» (Яссы), 12—30.12.1917, 1—3.01.1918, 30—31.01.1918.

5. М.В.Янчевецкий. Писатель-историк Василий Ян. – М., 1977. Стр. 36—37.

6. В. Янчевецкий. Нападки из Владивостока. // «Вперед» (Екатеринбург), 14.06.1919.

7. 1918 год на Украине. Редактор-составитель С.В.Волков. – М., 2001. Стр. 95. Германские войска оставались на Украине и условия Брестского мира действовали до ноября 1918 года,

когда Германия заключила с Антантой соглашение о прекращении военных действий, фактически признав свое поражение.

8. П.П.Петров. От Волги до Тихого океана в рядах белых. – М., 2011.

9. «Республиканец» (Челябинск), 06.12.1918.

10. М.В.Янчевецкий. Указ. соч., стр. 37. В книге история с типографией подана согласно семейной легенде: «Отец решил жить, меняя города… Нашлись люди, согласившиеся стать наборщиками и типографами, скрывавшие связи с советским режимом и согласные ехать куда угодно, чтобы не привлекать к себе внимания, издавать на станциях „независимую“ газету с местными новостями, меняя ее названия, кочуя, как бродячий цирк, пока не пройдет это, как многие тогда говорили, смутное время на Руси и утвердится Советская власть».

11. «Республиканец», 29.11.1918.

12. Генерал Антон Деникин возглавил Добровольческую армию в октябре 1918 года (после смерти генерала Алексеева), а в январе 1919 года – Вооруженные силы Юга России (после объединения Добрармия с казацкой Донской армией). Адмиралу Колчаку как верховному правителю и главнокомандующему Деникин подчинился в мае 1919 года, подготавливая поход ВСЮР на Москву.

13. Наше политическое кредо. // «Республиканец», 26.12.1918.

14. Пермь пала. // «Республиканец», 28.12.1918. Решение о переносе столицы России в Москву принято Совнаркомом в конце февраля 1918 года под угрозой взятия Петрограда германскими войсками.

15. М.В.Янчевецкий. Указ. соч., стр. 37—38. В книге также говорится: «Николаша установил тайные связи с революционным подпольем Сибири и по его заданию печатал и незаметно переправлял куда нужно документы для подпольного и партизанского движения. Якобы за бумагой для типографии он ездил в тайный центр в Иркутск, а затем был в лагерях венгерских военнопленных под Красноярском, где встречался с Матэ Залкой, и позже послал ему нужные документы. Однажды он тайно побывал на Северном (советском) Урале, выполнив задание сибирского центра. Все это тогда хранилось в глубочайшей тайне, знал о ней лишь один отец». Однако в автобиографии Можаровского, написанной в 1932 году, нет ни слова о причастности к деятельности сибирского подполья. В другой автобиографии, датированной январем 1939 года, он уверял, что «в 1919 году с появлением Колчака в Сибири ушел

в партизанский отряд Щетинкина-Кравченко, где будучи в отряде Матвея Залки брал Ачинск, Красноярск» (ГА РФ, ф.А-53, оп.2, д.56, л.33об). А в своей неопубликованной повести, завершенной в 1940 году, Можаровский упоминает, что впервые увидел командира красных партизан Матэ Залку, в январе 1920 года в Ачинске после установления советской власти (РГАЛИ, ф.618, оп.2, д.672).

16. ГА РФ, ф.Р952, оп.1: д.6, л.17 (докладная записка), д.154, л.5 (телеграмма); Российский государственный военных архив, ф.39499, оп.1, д.34, л.5об-6. Сохранились также черновики приказов о выделении Янчевецкому на издание газеты 25 000 рублей в апреле и 37 860 рублей в мае 1919 года (РГВА, ф.39499, оп.1, д.34, л.28об, 32об).

17. РГВА, ф.39499, оп.1, д.21, л.123об, л.352; ф.39499, оп.1, д.34, л.2об, 11об-12. Сведения о Можаровском взяты из автобиографии, написанной им в 1939 году (ГА РФ, ф.А-53, оп.2, д.56, л.33об). Правда, там он упоминает, что до производства в чиновники служил рядовым Крымского полка. В другой, ранней автобиографии Можаровский утверждал, якобы в начале 1917 года был переведен в 48-й Одесский пехотный полк и на Румынский фронт попал в числе «штрафников» после разгрома солдатского комитета, в котором состоял (РГАЛИ, ф.2237, оп.1, д.8, л.2—3).

18. ГА РФ, ф. Р952, оп.1, д.6, л. 61. Агентство к тому времени вышло из прямого правительственного подчинения и числилось при акционерном «Русском обществе печатного дела» (с июля 1919 года – «Русское бюро печати»).

19. РГВА, ф.39499, оп.1, д.21, л.20. 11 апреля 1919 года начальник Особой канцелярии подготовил именной список представленных к наградам. Среди них: Янчевецкий – к чину статского советника, Можаровский – к чину подпоручика (РГВА, ф.39499, оп.2, д.50, л.16). Однако, судя по сохранившимся приказам, до конца мая Янчевецкий не был утвержден в новом чине.

20. И.Г.Девятьярова. Художественная жизнь Омска XIX – первой четверти XX века. – Омск, 2000. Стр. 26.

21. «Республиканец», 31.12.1918. Рецензия подписана псевдонимом «Точка», которым Янчевецкий пользовался в студенческие годы.

22. А. Сорокин. Тридцать три скандала Колчаку. – Омск, 2014. Данное издание – первая полная публикация рукописи. В предисловии отмечается: «Фактографическая точность описанных событий и действий несомненна и вместе с тем призрачна, грань между настоящим и фальшивым –

сомнительна». Буйство фантазии видно по следующему фрагменту («Скандал двадцать пятый»): «Главные заправилы контрреволюции с первого взгляда были скромными, почти непричастными тогда, когда все зависело от них, и Колчак был только куклой Петрушкой. Одним из главных вдохновителей был Янчевецкий, авантюрист в мировом масштабе. Янчевецкий чувствовал слабость к литературе… Напечатал „Симфонию революции“. Мы, милостью мысли король шестой державы Антон Сорокин и так далее, и в конце поэмы – пришел кровавый Колчак. Расследование. Угрозы расстрела наборщиков, так как в рукописи нет таких слов. Адмирал Колчак бросает в Янчевецкого чернильницей. Последствия – Янчевецкий выбросил все портреты Колчака и деятельно стал подготовлять смену правительства…».

23. И.Г.Девятьярова. Дом писателя Антона Сорокина. – Омск, 1999. Стр. 11.

24. Вс. Иванов. История моих книг. / «Наш современник», №3, 1957.

25. Н.И.Анов. Интервенция в Омске. – Алма-Ата, 1978; стр. 106, 115, 123. Анов – псевдоним Николая Иванова. В повести он представил Василия Янчевецкого как Янчукова, себя как Михаила Пахомова. Николай Можаровский превращен в Николая Журина. Антон Сорокин и Всеволод Иванов представлены под настоящими именами.

26. В. Янчевецкий. Быть или не быть. // «Республиканец», 14.12.1918.

27. Б. Четвериков. Стежки-дорожки. Отрывки из главы «Между жизнью и смертью». // «Клио», №3 (9) 1999. Стр. 320. В мемуарах Четвериков пишет, что был принят в редакцию корректором и в середине июне 1919 года, но на самом деле, судя по публикациям в газете, он начал работать там как минимум на месяц раньше.

28. Е. Спасский. Нелицеприятие. Автобиографический очерк. // «Русская жизнь», №23, 2008.

29. А.П.Будберг. Дневник белогвардейца. – М., 2001. Стр. 11—12; А. Ганин. Враздробь, или почему Колчак не дошел до Волги. // «Родина», №3, 2008; «Сочувствие на нашей стороне…». Письмо Г. Литвиненко в Омск, 19 апреля 1919 г. // «Родина», №10, 1990.

30. И. Ильин. Белая Одиссея. Из дневников. // «Октябрь», №3, 2014; И. Ильин. «Новый журнал» (Нью-Йорк), кн.73, 1963. Стр. 222—223. Виктор Пепеляев – бывший кадет, министр внутренних дел в правительстве Колчака (май-ноябрь 1919 года), затем председатель совета министров: родной брат генерал-лейтенанта Анатолия Пепеляева, командующего северной группой войск Сибирской армии.

31. Ю. Бессонов. На фронте и в тылу. – Свердловск, 1937. Стр. 64.

32. А.П.Будберг. Указ. соч., стр. 148—149, 168.

33. А.А.Несвицкий. Полтава в дни революции и в период смуты 1917—1922 гг. Дневник. – Полтава, 1995. Стр. 114—119.

34. См.: С.В.Волков. Белое движение в России: организационная структура. – М., 2000; В. Романишина. Белые: кто они? // «Родина», №3, 2008; А. Ганин. Враздробь, или почему Колчак не дошел до Волги. // «Родина», №3, 2008. О мотивах возвращения дезертиров в центральных губерниях свидетельствуют их же письма: это угрозы изъятия всего хлеба и скотины и расстрела членов семьи, надежды на послабления со стороны советской власти. Как говорится в одном из писем, «ехать плохо и не ехать плохо» (Частные письма эпохи Гражданской войны. / Неизвестная Россия: XX век. Ч.2. – М., 1992. Стр. 220—223).

35. Х. Уильямсон. Прощание с Доном. – М., 2007. Стр. 219—220.

36. Передвижения «Вперед» в мае-сентябре 1919 года зафиксированы в переписке редакции с Русским телеграфным агентством (ГА РФ, ф. Р952, оп.1, д.245, л. 1—9).

37. К.В.Сахаров. Белая Сибирь. – Мюнхен, 1923. Стр. 143.

38. А.Г.Ефимов. Ижевцы и воткинцы. Борьба с большевиками 1918—1920. – М., 2008. Стр. 170.

39. Ф.А.Пучков. 8-я Камская стрелковая дивизия в Сибирском Ледяном походе. / Великий Сибирский Ледяной поход. – М., 2004. Стр. 245.

40. В.Н.Иванов. Исход. Повествование о времени и о себе. // «Дальний Восток», №12, 1994.

41. Ф.А.Пучков. Указ. соч., стр. 244.

42. А. П. Кучкин В боях и походах от Волги до Енисея. Записки военного комиссара. – М., 1969. Стр. 226.

43. ГА РФ, ф. Р952, оп.1, д.6, л.88. Подразумевается эвакуация сотрудников, документов и кассы «Русского бюро печати».

44. Воспоминания В. О. Вырыпаева: Каппель и каппелевцы. – М., 2007. Стр. 333—334. Воспоминания штабс-капитана Д. И. Решетникова: Великий Сибирский Ледяной поход. – М., 2004. Стр. 206.

45. М. Янчевецкий. Интервью в «Газете», 03.04.2003.

Глава 7. Гражданин Страны Советов

Остерегаться приходилось не на каждом шагу, но все же постоянно. За ту неделю, что простояла в Ачинске белая армия, Василий Григорьевич выходил в город в гражданском платке, так что вряд ли кто-либо из местных опознал бы в нем колчаковского полковника. Но Ачинск маленький, при всем наплыве чужаков здесь не затеряться. Тут мог остаться кто-то из знавших редактора «Вперед» по Омску. И в Ачинске уже существует своя ЧК…

Красноармейская 30-я дивизия и партизанские отряды заняли Ачинск 2 января 1920 года. Янчевецкий впервые видел сибирских мужиков, помогавших большевикам громить белых. Суровые бородачи в шубах, обвешанные оружием, они явно гордились одержанной победой. Среди партизан оказалось, судя по виду, много мобилизованных колчаковцев. Первые недели комиссары были целиком озабочены ликвидацией повстанческой вольницы: партизан уговаривали либо записываться на регулярную службу, либо сложить оружие. В этой неразберихе Николай Можаровский умудрился устроиться председателем комиссии по снабжению Красной армии. Сам Янчевецкий явился в уездный ревком, к начальнику отдела народного образования, и как бывший столичный учитель, штормом гражданской войны занесенный в Сибирь, получил должность школьного инспектора [1].

В середине февраля до Ачинска дошло известие о расстреле Колчака. По кусочкам Янчевецкий восстановил картину событий: когда поезд верховного правителя и командования союзников подошел к Иркутску, в городе случился переворот. Власть захватил революционный комитет, поддержанный иркутским гарнизоном. Генералу Жанену и чехословакам поставили условие: эшелон пропустят, если ревкому отдадут Колчака и вагоны с эвакуируемым золотом. Приговор адмиралу вынесли, когда к Иркутску подошли остатки армии Каппеля. Атаку отбили, каппелевцы ушли за Байкал. Скоро, говорили в Ачинске, с ними и засевшим в Чите атаманом Семеновым будет покончено – как и с деникинцами, бежавшими за Дон и еле держащимися на Кавказе.

Помимо работы в Наробразе, Василий Григорьевич читал на педагогических курсах и в красноармейских частях лекции… об истории социалистических учений. Что ж, ему приходилось играть роли не менее трудные и рискованные. «Сильный человек, – писал он когда-то своим гимназистам из Турции, – это тот, кто владеет собой настолько, что каковы бы ни были кругом обстоятельства, какие бы ни были опасности, он не потеряется,

а постарается овладеть этими препятствиями для своей выгоды и спасения…» [2].

Янчевецкий ни в чем не раскаивался. Да, он считал, что большевизм – это болезнь, выросшая на нездоровых условиях жизни народа, в нездоровое время, чем воспользовались политические фанатики и демагоги. Но идея, которую декларировал Колчак – строительство новой государственной жизни на началах свободного участия всего народа, всех классов и сословий – оказалась неспособной восторжествовать. Побеждала идея большевиков: новый мир на руинах старого, водворение социализма, при котором не будет эксплуатации человека человеком, деления на классы и даже самой государственной власти. С белыми упорно и отчаянно дрались не латыши и китайцы, о которых писала «Вперед», а русские люди, добровольно взявшие оружие или ставшие борцами за советскую власть уже под красными знаменам. Если они шли на смерть – значит, у них была своя правда.

Давно, десять с лишним лет назад Янчевецкий ответил себе на вопрос, где правда. Так он назвал короткую пьесу о революции, сочиненную по возвращении в Петербург. Спорят отец – старый учитель и сын-студент, рвущийся на баррикады сражаться за справедливость.

«*Отец*: Ты думаешь, что это святое дело?

Сын: Что может быть выше, как умереть за родину?

Отец: Это вовсе не смерть за родину, это глупое бесцельное самоубийство…

Сын: Народ хочет счастья, потому что счастья у него нет. Но ведь они-то и борются за счастье народа, они добиваются этого счастья, и если они не добьются, то счастья не будет, его не даст это правительство…

Отец: Помни: «поднявший меч от меча и погибнет».

Сын: Чтобы достигнуть цели, нужно быть жестоким и неумолимым.

Отец: Поэтому право правительство, когда принимает жестокие меры.

Сын: Значит, правы и революционеры, когда они борятся жестокими методами за правду.

Отец: Правда всегда останется правдой, правда состоит в добре, в заботе о ближнем, о счастье ближнего. Эта правда восторжествует.

Неизвестный: И будет прав тот, кто окажется сильнее и, в конце концов, победит» [3].

***

На исходе весны Чрезвычайный ревтрибунал в Омске судил колчаковских министров и других высокопоставленных чиновников. 2 июня газета «Советская Сибирь» опубликовала приговор. Всех 23 подсудимых признали виновными «в бунте и восстании против власти рабочих и крестьян с целью восстановления старого строя», «организации истребительной вооруженной борьбы против власти рабочих и крестьян России» и «предательском призыве вооруженных сил иностранных империалистических правительств». Четырех обвиненных ревтрибунал постановил расстрелять. Среди них был Александр Клафтон – директор Русского бюро печати, хорошо знакомый Янчевецкому. И самому бывшему редактору Василию Григорьевичу могли бы вынести ровно такой же приговор.

А через неделю на афишных тумбах Ачинска появились объявления уездной ЧК о расстреле восьми арестованных белогвардейских офицеров и пособников. Один из них также был известен Янчевецкому – полковник Юрьев, начальник Воткинской стрелковой дивизии [4]. Чекисты искали в городе и уезде скрывающихся контрреволюционеров. Значит, Ачинск лучше покинуть при первой возможности. В августе Наробраз объявил набор учителей в школы Урянхайского края. Василий Григорьевич и Мария Маслова вызвались ехать. С собой, разумеется, брали Мишу. Женя и Николай Можаровский оставались: они только что поженились, а Николаша получил назначение управляющим канцелярией военкомата.

«На ходке (так в Сибири назывался тарантас, имевший стальные оси) мы направились на юг по разбитым проселочным дорогам, сперва тайгой, через отроги Кузнецкого Алатау, затем огромной пустынной Абаканской степью, – вспоминал Михаил Янчевецкий. – Солнце по утрам поднималось слева, когда мы выезжали, и садилось справа от нас, где разгорался багровый закат, когда мы подъезжали к стойбищу хакасов или же ночевали в степи, на кошме, обнявшись и прижавшись друг к другу» [5]. Василий Григорьевич зарисовывал в самодельную тетрадь древние курганы, стойбища туземцев, свою семью на привале. Дальней дорогой по дикому краю он будто отрезал от себя недавнее прошлое со всеми его страстями. Около пятиста верст занял путь от Ачинска до Минусинска на правом берегу Енисея, и столько же – до русских поселков Урянхая. Оказавшись на Усинском тракте, семейство пристало к обозу поселенцев, возвращавшихся домой из поездки «в мир» за нужными товарами.

Янчевецкие спешили укрыться на самой окраине бывшей империи [6]. Русские торговали и селились на тувинских землях задолго до того, как в апреле 1914 года здешние нойоны (князья),

освободившись от владычества Китая, попросились под покровительство Белого царя. Гражданская война задела Урянхайский край по касательной, но довольно сильно. Советская власть, провозглашенная приезжими большевиками, продержалась четыре месяца, но успела повоевать с зажиточным крестьянством. Побряцали оружием китайцы, заявляя свои претензии. Правительство Колчака подтвердило протекторат над Урянхаем, и все успокоилось до весны 1919 года, когда побунтовали тувинцы. А летом здесь появилась партизанская армия Кравченко и Щетинкина, отступавшая от Красноярска. Партизаны заняли урянхайскую столицу Белоцарск и приняли бой с преследовавшим их отрядом есаула Болотова. Новобранцы, наскоро мобилизованные Болотовым, перешли на сторону красных, что и решило исход сражения. В начале сентября партизаны, набравшись сил, ушли обратно – громить белых. Следы войны постоянно встречались по дороге – полуразрушенные мосты, сгоревшие почтовые станции с закопченными остовами печей…

***

Ровно к началу зимы – на следующий день повалил снег и грянул мороз – Янчевецкие добрались до села Уюк. «Сидя на запорошенных снегом бревнах, уюкские крестьяне молча и недоверчиво осматривали прибывших „из мира“ – мужчину, женщину и мальчика, представленных им председателем сельсовета Колесниковым». Село делилось на два конца – состоятельный нижний, с домами старожилов, и бедноватый верхний, где обосновались недавние переселенцы. Среди последних многие побывали в партизанах, они же в первую очередь послали своих детишек в школу, бездействовавшую с 1917 года. Желающих учиться набралось много. Марии пришлось вести занятия в две смены, по вечерам ей помогал Василий Григорьевич, служивший еще и писарем в сельсовете.

Под новый год для детей устроили елку с песнями и хороводом. «Елка в школе вскоре после гражданской войны была воспринята крестьянами Уюка как нечто вовсе необычайное, и весть о ней разнеслась по ближним поселкам. Зал был переполнен, набились в прихожей и облепили стены, заглядывая в окна…». К Янчевецким, жившим при школе, стали заходить в гости как своим – просто так, без приглашения, пощелкать кедровых орешков, наблюдая за хозяевами. «Позже, когда мы обзавелись знакомыми, образовался «актив» школы, отец читал

крестьянам Пушкина и Чехова, свои пьесы, а затем начались совместные читки, разучивание ролей и репетиции». Василий Григорьевич сочинил и поставил на импровизированной сцене народную пьесу «Сваха из Моторского» – все роли исполняли крестьяне [7].

В таежной глуши, среди простых людей у Янчевецкого и созрело желание остаться в Советской России. Он больше не таился и даже послал весточку Сигме-Сыромятникову – по старому петроградскому адресу, не зная точно, что сталось с другом. Оказалось, жив-здоров, поселился на хуторе в Новгородской губернии, куда и переслали письмо (к сожалению, оно не сохранилось до нашего времени) [8]. С крестьянами Янчевецкий ходил на охоту в тайгу и в горы, на восточные отроги Саян. Старался дружить с тувинцами – коренными обитателями края, бывал у них в стойбищах, зазывал к себе, когда те ехали через Уюк в Кызыл (бывший Белоцарск) – торговать мехами. «Отец старался принять тувинцев как можно лучше, угощал их всем, что имел, оставлял ночевать, изучал и записывал их слова, обычаи, песни».

По весне 1921 года сельсовет выделил писарю и учительше земельный надел. Василий Григорьевич засеял овсом и пшеницей две десятины. В мае приехали погостить Женя и Николаша, служивший теперь в Минусинском исполкоме уполномоченным по борьбе с бандитизмом. В Урянхай они прибыли вместе с красноармейской группой, посланной на границу с Монголией, где объявился белоказачий отряд. Тревожная оказия и радостная встреча – Янчевецкий узнал, что вскоре станет дедом. В сентябре он получил из Минусинска весточку о рождении внука. Но первый в своей жизни урожай снять не успел.

Василия Григорьевича арестовали. Бывший писарь, место которого он занял, настрочил донос в Кызыл: в Уюке скрывается белый офицер. Неясно, как доносчик обосновал заявление, но в совете партизанских отрядов ему поверили. Янчевецкого допрашивали и подозрения не сняли, более того – готовы были вынести смертный приговор. И поставили бы к стенке, если бы в тюрьму не пришел Иннокентий Сафьянов – самый авторитетный в Туве большевик [9].

Уполномоченный Сибревкома, Сафьянов возглавлял делегацию РСФСР на августовском Всетувинском хурале. Съезд провозгласил Тувинскую народную республику, Советская Россия ее признала, а Сафьянов на некоторое время задержался в Кызыле. Замолвил ли кто из сельчан слово за Янчевецкого, или же Иннокентий Георгиевич случайно услышал о «белогвардейце из Уюка», но он поспешил лично разобраться

в этом деле. Сафьянов был удивительным человеком: сын богатейшего купца Минусинска, прозванного за размах графом Урянхайским, он увлекся социалистическими идеями в годы первой русской революции. Руководил русско-урянхайским краевым земством (его отец основал старейшие поселки в Туве – Туран и Уюк), в 1917 году стал городским головой и вступил в партию большевиков. Устанавливал советскую власть в Туве, вернулся в Минусинск накануне антисоветского переворота. Был арестован и вместе с сыном и младшим братом, тоже социалистом, отправлен в Красноярскую тюрьму. Он видел, как уводили на казнь местных большевиков, и избежал расстрела лишь потому, что власти решили считать заключенных политическими заложниками. Он потерял сына, которого колчаковцы выпустили и тут же отправили на фронт. В тюрьме подцепил тиф и еле выжил к тому моменту, когда Красноярск заняла красная армия. Сафьянову было, за что посчитаться с белыми. Он помнил, как, избитый до полусмерти, лежал на полу караульной в Минусинской тюрьме и слышал: «Режь палец с кольцом, всё равно уже сдох!». Но помнил и начальника конвоя – офицера с умным, энергичным лицом, трижды уберегшего арестованных от самосуда по пути в Красноярск [10].

Иннокентий Сафьянов долго говорил с Янчевецким с глазу на глаз, а затем распорядился его отпустить. Насколько откровенным был разговор – неизвестно. Может, Сафьянов поверил словам, что прошлое осталось в прошлом, и врагом советской власти Янчевецкий не будет. И, похоже, посоветовал Василию Григорьевичу не задерживаться в Туве. «В Туране начальник штаба воинской части зачислил отца делопроизводителем канцелярии батальона, – вспоминал Михаил Янчевецкий. – Это дало возможность нам уехать вместе с воинским обозом, хоть и на своих лошадях. На деревне быстро узнали, что учительша и писарь уезжают „в мир“, и принесли нам на дорогу, чем были богаты, благодарили за обучение детей, за помощь во всех своих нуждах, некоторые искренне плакали…».

Василий Ян не забудет своего нечаянного спасителя. Годы спустя семейная библиотека Сафьяновых пополнится повестью «Чингиз-хан» с дарственной надписью автора.

***

«Предъявитель сего тов. Янчевецкий В. Г. действительно состоит на службе в редакции газеты „Власть труда“ в должности помощника редактора, что подписями и приложением печати

удостоверяется». Такое удостоверение выдали Василию Григорьевичу в Минусинске. Подходящая работа нашлась далеко не сразу. Зять, служивший уже старшим инспектором уголовного розыска, смог помочь только с поиском жилья. Янчевецкий нанялся возчиком в торговый кооператив, затем – учетчиком на мельницу. Но случилась беда: обвалился штабель мешков с мукой, и многопудовые кули придавили контролера. Хлебное место было потеряно, Василий Григорьевич пролежал со сломанной ногой до весны 1922 года.

Оправившись и выйдя в первый раз на улицу, он увидел наклеенную на стену дома газету-листовку уездного комитета РКП (б). Сверстана она была неумело, и Василий Григорьевич предложил укому наладить выпуск регулярной газеты под названием «Власть труда». Подготовка заняла все лето, первый номер вышел 1 сентября 1922 года. В сентябре в Минусинске отмечали трехлетие провозглашения советской власти партизанами Кравченко и Щетинкина. «Идея, которой руководилась Крестьянская армия… захватила все крестьянство, вместе с рабочими установившее, наконец, свободный лучший путь к новой лучшей жизни, – писал Янчевецкий (под псевдонимом Ян). – Но, как сказал тов. Кравченко при вступлении в Минусинск, – „пока еще не все сделано“. И наш долг соединенными силами идти вперед к лучшей жизни объединенного человечества» [11].

Слышал ли он о крестьянском восстании в Западной Сибири, на подавление которого весной и летом 1921 года бросили несколько стрелковых и кавалерийских полков? Вряд ли, как и о Тамбовской партизанской республике, сражавшейся за демократию без комиссаров. Хотя угли пожарища еще тлели, с победой советской власти в Приморье гражданская война завершилась. А бывший редактор фронтовой газеты узнавал о неприглядной стороне недавней борьбы с большевизмом. На ноябрьских праздниках «Власть труда» напечатала воспоминания красноярского подпольщика Молчанова, прошедшего через белую контрразведку тюрьму и: «Били шомполами. В сознание приводили обливанием холодной водой и снова били…».

Янчевецкий встречался с Петром Щетинкиным, легендарным партизанским командиром, героем Германской войны – четыре Георгиевских креста, три ордена и чин штабс-капитана. Вернувшись в конце 1917 года в Ачинск, Щетинкин без раздумий принял сторону, как он считал, народной власти. Янчевецкий беседовал и с рядовыми партизанами. Записывал воспоминания жителей села, где отбывал ссылку Ленин – тот самый «кровавый

Ленин», «братоубийца и иуда», которого он проклинал на страницах «Республиканца» и «Вперед». Миша Янчевецкий сочинил стихотворение «Сын партизана»: «Дитя, не грусти, твой отец на войне, стоит за свободу рабочих…» – газета поместила его в воскресном «Детском уголке». Теперь не узнать, что за компромисс бывший начальник осведомительного отделения штаба Колчака заключил с собой. Многие «бывшие» шли тогда на компромиссы. Белоэмигранты – боевые офицеры армий Деникина и Врангеля каялись и признавали советскую власть, лишь бы вернуться в Россию. И благополучно возвращались, некоторых даже принимали в РККА. «Наша родина вышла из полосы первоначального революционного хаоса и вступила на путь творческой созидательной работы», – говорилось в одном из таких заявлений [12]. «Советская власть, ликвидировав военные фронты, сразу же приступила к мирному строительству, которое идет небывалыми темпами», – так начиналась статья в одном из первых номеров «Власти труда», подписанная псевдонимом Немо (предположительно – псевдоним Янчевецкого).

«Будучи прирожденным журналистом, отец широко и охотно общался с людьми, всюду легко заводил знакомства и приобретал друзей (как, впрочем, иногда и врагов). Он перезнакомился со всеми, по его мнению, интересными людьми Минусинска. Понемногу удалось наладить связи с деревней и городом, создать сеть своих корреспондентов на местах – на черногорских шахтах, на фабриках и в селах. Стали прибывать письма отовсюду, даже из тайги, степей Хакассии и от русского населения Тувы».

«Пьеса найдена сценической, с сильными захватывающими местами, правдиво и ярко передающей пережитое Сибирью прошлое…».

Тираж «Власти труда» к лету 1923 года вырос с 700 до 1300 экземпляров, вместо двух выпускались четыре номера в неделю. Печатались местные, союзные и зарубежные новости, рубрики «Рабоче-профессиональная жизнь», «Дела крестьянские» и театральная хроника. Отчеты о культурной жизни были прерогативой Василия Янчевецкого. «Наше искреннее пожелание, – писал некий Старый театрал о драматическом

кружке, впервые поставившем в Минусинске пьесу Ибсена, – чтобы отмеченные товарищи превратили театр в кафедру проповеди всего лучшего и прекрасного».

Творчество – вот что излечит души после смуты, раскроет таланты, наметит новые горизонты! При редакции Василий Григорьевич организовал молодежный кружок любителей искусства и литературы, а под крышей театра с гордым названием «Первый советский» – детскую студию. Ян писал сценарии, постановками занималась бывшая балерина Врочинская. Вместе они представили публике балет-феерию «Лесные чары» и пьесу «Дети всех стран, соединяйтесь».

«Политпросветом принята к постановке драма т. В. Яна „Нита“, – сообщала „Власть труда“ от 13 декабря 1922 года. – Автор недавно читал ее перед кружком местных театральных деятелей, и пьеса найдена сценической, с сильными захватывающими местами, правдиво и ярко передающей пережитое Сибирью прошлое». Премьера состоялась 4 февраля 1923 года. На афишах значилось: «Драма из эпохи Омского переворота адмирала Колчака».

Разумеется, был аншлаг, и зрители не отрывали глаз от сцены. Вот друзья-студенты обсуждают смену власти: «Что произошло? Один зверь пожрал другого зверя, но от этого не стал умнее. Нужно спокойно наблюдать, что будет дальше». Молодые люди говорят о свободе, о последствиях переворота, и лишь для одного человека в компании чувства важнее: Нита влюблена, хотя ее избранник увлечен «пыльными книгами политической экономии». Случается беда: контрразведка арестовывает студента Днепрова по подозрению в красной агитации. Ему грозит смертная казнь, и Нита добивается приема у Колчака. Адмирал появляется на сцене всего на десять минут. Он утомлен и выговаривает министру Пепеляеву: «Вы хотите, чтобы я отвечал за всех! Довольно таких беззаконий!». В приемной его ждет Анна Ратмирова (под этой фамилией Ян вывел Тимиреву – невенчанную жену Колчака). Верховный правитель жалуется ей: «Все меня рвут со всех сторон… Моим именем действуют, от моего имени говорят…». Ратмирова просит помочь Ните, умоляющей сохранить жизнь невиновному человеку. Адмирал принимает прошение, замечая: «Без причин смертного приговора не вынесут». Но контрразведка не дремлет, арестовывают саму Ниту. Омские рабочие готовят восстание и налет на тюрьму, чтобы освободить политзаключенных; к ним присоединяются друзья Днепрова и Ниты. Увы, в тюрьме уголовник, случайно завладев револьвером, стреляет в спину убегающего студента. «Такие бунты нам не впервой, – рассуждает убийца. – Если будет

революция – нам дадут облегчение. А если вернется, упокой его господи, порядок – то меня наградят за то, что остался на месте… Теперь моя власть: что хочу, то и сделаю» [13].

Роль начальника контрразведки чеха Кошека сыграл Янчевецкий, роль Ниты – Мария Маслова. Избегая приемов агитационного плаката, Василий Григорьевич рассказал историю о том, как ломаются жизни во времена политических потрясений. Следом он сочинил детскую пьесу «Красноармейская звезда» и драму «Невеста красного партизана», одним из персонажей которой был Щетинкин [14]. Но все же большинство пьес, что Ян подготовил для постановки в Первом советском театре, аполитичны: «Египетские ночи», «Сват из Каратуза», «Сельская учительница», «Цыгане».

***

«Невесту красного партизана» минусинцы смотрели 17 августа, а спустя месяц Василий Григорьевич со своей любительской труппой был уже в Москве.

В столице открылась первая советская Всероссийская сельскохозяйственная выставка, и он убедил Минусинский исполком откликнуться на «призыв администрации выставки дать изображение современной жизни народов СССР, уделяя должное внимание окраинам». Но ни одного представления труппе Яна дать не удалось – работа всех сценических площадок была расписана по дням и часам, и «свободного окна» ни разу не появилось. Артисты-сибиряки жили в бараках в Нескучном саду, сооруженных для участников выставки; когда пришло время собираться домой, Янчевецкий объявил, что остается с женой и сыном в Москве: «Здесь бьется пульс страны, создается ее будущее…».

Кажется, выставка была лишь поводом приехать туда, где, как они загодя выяснили, по-прежнему жили мать и сестры Марии – в том же доме в Газетном переулке, что до революции; в квартире, купленной ее покойным отцом – портным, обслуживавшим актеров Большого, Малого и Художественного театров. Половину одной из жилых комнат, разделив ее фанерной перегородкой, Масловы предоставили Янчевецким.

«Отец бывал в Москве и раньше, и теперь заметил, как изменился город. Москва периода начала нэпа внешне была еще старой Москвой, но население ее сменилось, увеличилось и в вольготно построенном городе, широко расползшемся по холмам, стало шумно на улицах и в переулках от спешащей

толпы, пролеток, трамваев и автомобилей… Месяца не прошло, а стало ясно, что с арсеналом, привезенным из тихого Минусинска, в новой столице огромной страны, живущей далеко не местными интересами, не пробиться на сцену и в литературу… Все прежнее не годилось. А пока, чтобы существовать с семьей, придется поступать на службу» [15]. В ноябре 1923 года Василий Григорьевич устроился корректором в типографию, печатавшую газету Der Emes – «Правду» на идиш. Иных предложений не было, а тут хотя бы пригодилось знание немецкого языка. Мака (такое шутливое прозвище Ян дал жене) закончила курсы машинописи и стенографии и сумела устроиться в Госторг. Мише тоже повезло: его приняли в Первую опытно-показательную школу – одну из лучших в Москве [16].

В очередной раз для Василия Янчевецкого началась новая жизнь. Имея регулярный заработок, он мог заняться на досуге любимым делом – сочинительством. Тема появилась неожиданно. 21 января 1924 года умер Ленин.

Янчевецкий написал пьесу «Вперед по ленинской дороге» и поставил ее в помещении типографии, распределив роли среди детей сотрудников. Пьеса открывалась пионерской декламацией: «Сегодня – день народного горя. Слышите тревожный клич? Всколыхнулось пролетарское море – умер наш Ильич». «Это наш человек был, любил бедноту, ни одной минутки для себя не жил, а все для рабочих и крестьян. И сколько страдал, и сколько в тюрьме сидел. Коли Ильич умер, нам надо еще пуще держаться вместе», – говорит странник, спешащий на похороны Ленина. До Москвы хочет добраться и деревенский мальчик Гриша вместе с попутчиком-беспризорником. Путешествие не удается, зато сироту берут к себе добрые люди («Вот мне Ильич и помог»), а Гришу мать утешает: «Ничего, подрастешь, съездишь поклониться на его могилу» [17].

На первый взгляд, Ян вымарал из памяти прежние убеждения и «перекрасился». Но он просто отразил настроение времени. Смерть Ленина действительно выглядела народным горем. Гроб с телом вождя на руках несли от Павелецкого вокзала до Дома союзов. Зима была чрезвычайно морозной, но очередь в Колонный зал не редела даже ночью – пятьсот тысяч человек за четыре дня прощания. На Красной площади спешно соорудили деревянный склеп, куда перенесли гроб. В тот же час весь город наполнился гулом гудков заводов и паровозов на вокзалах [18]. Личность вождя пролетарской революции не могла не притягивать внимания даже ее бывших врагов. В архиве Яна я обнаружил вырезку из газетной статьи Троцкого. Красным карандашом в ней подчеркнуты строки: «Ленин воплощает

многовековой напор крестьянской стихии; в нем живет русский мужик с его ненавистью к барству, с его расчетливостью, хозяйственностью и сметкой. Но мужицкая ограниченность преодолена в Ленине величайшим полетом мысли и захватом воли» [19].

В феврале 1924 года Василий Григорьевич разыскал в Государственной библиотеке имени Ленина свою книгу «Воспитание сверхчеловека». В своей рабочей тетради он отметил, что из всего сборника интересны лишь четыре вещи: одноименное эссе, очерки «Английский характер», «Цветы и дети» и пьесу-диалог «Где правда?». «В остальном – много порывов, но нет исторической перспективы, и полное непонимание и незнание социальных учений… Государственного воспитания подрастающего поколения не было, политического воспитания не было, власть сама выпускала вопрос из своих рук, перейдя в стадию старческого маразма. Поэтому молодые, свежие, бурные революционные силы так легко сбросили монархическую власть и взяли в свои руки управление страной; а народ был в общем очень доволен, что пришла своя мужицкая власть и повела сильной и уверенной рукой народ по новому пути» [20].

В августе 1924-го в Москве судили знаменитого эсера Бориса Савинкова – организатора нескольких громких покушений на царских сановников, антисоветского мятежа в Ярославле в 1918 году и добровольческих отрядов, воевавших с большевиками на стороне Польши в 1920-м. Чекисты выманили его из-за границы на встречу с фиктивной подпольной организацией. Янчевецкий не раз слышал о Савинкове в штабе Колчака: бывший комиссар Временного правительства руководил парижским Bureau de Presse Russe, финансировавшимся из Омска, и работал в комиссии, договаривавшейся с союзниками о военных поставках белым армиям. Савинкова приговорили к смертной казни, но вскоре изменили наказание на десять лет заключения. В тюрьме он сочинил открытое письмо. Не исключено, покаяние было условием сохранения жизни, но Савинков никогда не боялся смерти, и внутренне был готов признать поражение.

«После октябрьского переворота многие думали, что обязанность каждого русского бороться с большевиками. Почему? Потому что большевики разогнали Учредительное собрание; потому что они заключили мир; потому что, расстреливая, убивая и „грабя награбленное“, они проявили неслыханную жестокость. На белой стороне честность, верность России, порядок и уважение к закону, на красной – измена, буйство, обман и пренебрежение к элементарным правам человека. Так и я думал тогда. Кто верит теперь в Учредительное собрание? Кто осуждает заключенный

большевиками мир? Кто не знает, что расстреливали, убивали и грабили не только большевики, но и мы?.. Да, Россия разорена войной и величайшей из революций. Да, чтобы поднять ее благосостояние, необходима напряженная и длительная работа. Но большевики уже приступили к этой работе, и страна поддержала их… Власть, которая выдержала блокаду, гражданскую войну и поволжский голод – жизнеспособная и крепкая власть… Я не коммунист, но и не защитник имущих классов. Я думаю о России, и только о ней. Советская власть, укрепившись, объединила в равноправный союз народы бывшей Российской империи. Она стремится к усилению и процветанию СССР… Меня спросят: как же восстанавливать без свободы? Я на это отвечу: а, если бы белые победили, разве бы не было диктатуры? Я предпочитаю диктатуру рабочего класса диктатуре ничему не научившихся генералов… Но мы все побеждены Советской властью. Побеждены и белые, и зеленые, и беспартийные, и эсеры, и кадеты, и меньшевики. Побеждены в боях, в подпольной работе, в тайных заговорах и в открытых восстаниях. Побеждены не только физически – насильственной эмиграцией, но и душевно – сомнением в нашей еще вчера непререкаемой правоте… Пора оставить миф о белом яблоке с красною оболочкой. Яблоко красно внутри. Старое умерло. Народилась новая жизнь» [21].

Письмо Савинкова напечатали все главные советские газеты. Уверен, что Янчевецкий прочел его. И, наверное, согласился едва ли не с каждой оценкой.

***

Непонятно как, но Василий Янчевецкий отыскал старшего брата. Возможно, он писал в Полтаву, и кто-то ответил, что Дмитрий с женой уехал в Ростов-на-Дону, там и остался. Или же, разыскивая матушку, переселившуюся из Ревеля в Петроград в 1916 году, он узнал, что Варвара Помпеевна отбыла к сыну Мите на юг по такому-то адресу.

В 1924 году брат приехал в Москву, поведал, что случилось за лихолетье гражданской войны и после. В Ростове-на-Дону он поработал и учителем истории, и переводчиком на радиотелеграфной станции губотдела ГПУ и в штабе Северо-Кавказского военного округа, преподавал экономическую географию в школе Транспортного отдела ГПУ. Удалось убедить чекистов в чистоте своей биографии. Здесь его разыскала сестра Софья. В войну, когда многие бежали на Волгу, она с дочкой

оказалась в Самарской губернии; в 1921 году бежала уже от поволжского голодомора в Ташкент, а там – тиф, холера; поехала на Кавказ, так в 1922 году добралась до Ростова, где и встретилась с мамой и братом. Муж ее Петр Концевич, служивший до революции делопроизводителем в Ревельском порту, обнаружился в Польше, и в 1923 году «выписал» своих к себе в Радом. «Многое пришлось испытать, – рассказывала сама Софья брату Васе четверть века спустя, – но „без страданий не найдешь и счастья“… Я не утратила своей веры в жизнь и справедливость».

Сильно помотало Янчевецких по белому свету. Не было известий о сестре Елене. Когда в конце 1916 года Дмитрий со своей женой добрался до Ревеля, то попал прямо на свадьбу Лели. Последний раз почти вся семья – и Соня тогда еще жила в Ревеле – собралась вместе… Но Митя все-таки разузнает (почта, телеграф, общие знакомые) о судьбе Елены и ее мужа: Крым, эмиграция, жизнь во Франции, переезд в США – для Николая Александрова, ученого-электротехника, нашлось место в Бостонском университете.

– Почему ты остался?

– Понимаешь, противно было бежать. Я бежал из Полтавы, узнал мерзость паники, а в Ростове оказалось хуже. Поезда, что еще отправлялись на юг, брали штурмом, давили детей, стариков, лишь бы влезть. А те, кто не мог уехать, скупили в магазинах все, что там было красного – сделать и нацепить бант, когда придет время. Войска на позициях вроде бы держали оборону, но город сдали как-то разом. Просто сразу после рождества на улицах появились всадники в суконных шлемах с красными звездами…

Братья неспешно гуляли по Тверскому бульвару, беседуя вполголоса. Задержались у памятника Пушкину – постамент был украшен венком по случаю первого советского празднования дня рождения поэта. Напротив высилась громада надвратной церкви Страстного монастыря; главный колокол давно молчал, но последних монахинь не выгнали, а церковникам-обновленцам даже разрешали совершать службы в соборе.

– Лет пять тому назад можно было спорить, на чьей стороне русский народ. Выбирая между белыми и советской властью, народ признал советскую власть. Тогда, в сибирской глуши я решил, что должен это принять, если хочу остаться на родине. А я хотел. Помнишь, отец говорил: человек без родины – как листок, подвластный дуновению ветра… Такими нас с тобой воспитали: благо родины, народа – то, для чего стоит жить. Новая Россия только строится, и кто знает, какой она будет. Но если не верить в лучшее, то и жить нет смысла…

Вот названия детских пьес, которые Ян сочиняет и предлагает московским театрам в середине 1920-х: «Волшебный цветок», «Петрушка», «Летчик-колдун», «Икар». «Отец, вставая чуть свет, открывал фрамугу и садился за стол. Постоянного своего места для работы у него не было. Он работал везде, где придется, всегда имея при себе бумагу и карандаш… В московских газетах и журналах стали появляться рецензии отца, его статьи и заметки по вопросам искусства. Так же как в живописи отец предпочитал импрессионистов, так и взрослыми театрами увлекался только новых, как он считал, передовых направлений. Поэтому он посещал театр-студию „Пролеткульт“, ходил на постановки „Синей блузы“ в рабочие клубы, в театр Мейерхольда, в Театр Революции… Брал нас с собой на литературные и поэтические диспуты, бывшие тогда в большой моде, в аудиторию Политехнического музея, МГУ, зал на Малой Дмитровке или в Дом Герцена на Тверском бульваре, где тогда был центр встреч московских литераторов».

На одном таком диспуте Янчевецкий повстречал… Всеволода Иванова. Бывший наборщик «Вперед» из деликатности не приставал с расспросами, молча выслушал то, что счел нужным рассказать Василий Григорьевич. О себе на слова не скупился. Поведал, что типографию захватили партизаны, все сотрудники остались живы, сам он добрался до Новониколаевска и едва не был расстрелян – чекисты перепутали с Всеволодом Ивановым, редактором «Нашей газеты». Потом, переболев тифом, оказался в городке Татарске.

– А помните мою книжку «Рогульки»?

– Как не помнить, я тогда вас поздравил с первой звездочкой на погонах.

– Из Татарска я послал экземпляр в Петроград Горькому. Помните, я как-то говорил, что переписывался с ним накануне революции – он взял мои рассказы для сборника пролетарских писателей. Так вот, я решил напомнить о себе. Письмо не дошло и, думаю, к лучшему – мне теперь «Рогульки» кажутся слабоватыми. Повторно писал уже из Омска, где работал выпускающим в «Советской Сибири». Понимаете, очень хотелось настоящей литературной работы… И получил ответ! Мне даже удостоверение выписали: «Едет в Петроград в распоряжение А.М.Горького»…

Рассказ Иванова «Партизаны» («в основу легло подлинное событие, услышанное в Сибири») взяли в первый номер первого советского литературного журнала «Красная новь». В другом номере за 1921 год появилась его повесть «Бронепоезд 14—69». К моменту переезда в Москву рассказов и повестей набралось

на сборник, выпущенный Госиздатом в 1923 году под названием «Сопки». При следующей встрече Иванов вручил Янчевецкому книгу с дарственной надписью: «В память сибирских наших дней» [22].

Дмитрий Янчевецкий пытался найти работу в столице – ходил в Наркоминдел, Госплан, Восточную торговую палату, редакции «Известий» и «Красной звезды», но безуспешно. Вернулся в Ростов, удалось наняться в Донплан – составлять конъюнктурные обозрения. А в Москву в 1925 году перебрались Можаровские с маленьким сыном. У Николаши карьера складывалась успешно: отличившись на службе помощником начальника уголовного розыска в Красноярске, он получил назначение в МУР – районным инспектором. Выделился и здесь – стал секретарем партийной ячейки МУРа [23].

А Ольге Янчевецкой уже рукоплескали ценители романсов в лучших ресторанах Белграда. Но новости эмигрантской жизни не доходили до Москвы. «Ольга Петровна для нас была потеряна, – вспоминал Михаил Янчевецкий. – Для меня во всяком случае, я не знаю, как для отца. Но он со мной о ней никогда не говорил. Никогда».

***

«Отец постоянно рисовал. Особенно он любил работать акварелью, цветными карандашами, пастелью. Это были наброски, портреты, натюрморты и пейзажи, а также фантазии, иллюстрировавшие его творческие замыслы. Очень он любил рисовать море, обычно северное, бурное, под клубящимися мрачными тучами, но с ярким просветом среди них.

К вещам отец был равнодушен, но любил полки с книгами, восточные редкости и ковры. Насколько я помню, больше всего он ценил тюбики с хорошими красками: «Сколько можно нарисовать!». Любил плотную чистую белую бумагу и чтоб ее было побольше: «Сколько на ней можно написать!», и крепкие кожаные чемоданы: «Далеко можно с ними заехать!».

В январе 1925 года отцу исполнилось пятьдесят лет. Летом прежние друзья помогли ему перейти на другую, более интересную и лучше оплачиваемую работу – экономистом в правление Госбанка СССР. Этот переход значительно улучшил быт нашей семьи, но еще более отдалил отца от литературы и искусства. Вскоре в «Финансовой газете», газетах «На вахте» и «Кооперативный путь» и некоторых специальных журналах стали появляться статьи В. Яна на финансово-экономические

темы…».

Цифры – штука лукавая, но большой статистике хотелось верить. Василий Григорьевич изучал декабрьский выпуск бюллетеня Бюро конъюнктурного совета Госплана. Вывод однозначный – экономика советского государства окрепла в поразительно краткий срок. НЭП – уникальный сплав государственной, кооперативной, артельной и частной собственности и инициативы в промышленности, сельском хозяйстве и торговле – приносил замечательные плоды. Урожай пшеницы в 1925 году составил 97% от уровня 1913 года, выплавка выросла до 64%, добыча угля – до 72%, выработка хлопчатобумажной пряжи – 88%. Экспорт товарной продукции достиг почти 50% в довоенных ценах. И еще Янчевецкого удивляло отношение советской власти к недавним злейшим врагам. Ленинградское рабочее издательство «Прибой» напечатало мемуары белогвардейца-монархиста Шульгина и эмигрантскую повесть «Конь вороной» Савинкова. Госиздат открыл подписку на пятитомник «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев» – сборники воспоминаний Керенского, Милюкова, Краснова, Деникина, Дроздовского, Сахарова, Будберга и многих других [24]. Конституция РСФСР, принятая в мае 1925 года, провозгласила свободу выражения мнений и свободу совести, в том числе религиозной пропаганды. Никто в Советском Союзе, кроме партийной «верхушки», не предполагал, что весь этот экономический и идейный либерализм закончится через несколько лет.

«Поступив в Госбанк, отец не оставил своих занятий с детьми. Он организовал пионеров – детей сотрудников банка в литературно-театральный кружок, читал им лекции, ставил пьесы, занимался музыкой… Это было последнее увлечение отца детскими пьесами в Москве. В октябре 1926 года он уволился из Госбанка и готовился к отъезду в Среднюю Азию».

Совнарком Узбекистана подготавливал первый пятилетний план. В Самарканд, столицу республики, съехались специалисты по всем отраслям народного хозяйства. Янчевецкий вначале работал экономистом узбекского ВСНХ, затем Сельхозбанка УзСССР. «Дело чрезвычайно интересное, – писал он домой. – На меня начинают наваливать всевозможные вопросы и материалы финансового и кредитного характера, так что приходится много изучать, чтобы поспевать за теми лихорадочными темпами жизни, какими несется молодая республика… Я очень доволен, что участвую в процессе воссоздания промышленности – здесь я нужная спица». И добавлял: «Приезжайте, здесь вы увидите кусочек восточной

сказки – начало 1001-й ночи…» [25].

Лето 1927 года Мария и Миша провели в Самарканде. «Наш домик, окруженный фруктовым садом, был в конце нового города, – вспоминал сын Яна. – У плотины арыка возле тутового дерева лежал белый обтесанный камень, и под ним покоился какой-то ишан, так что отец и Мака шутили, что „мы живем под охраной святого“… Стоило только отойти от нового города, и окружала старая Азия – узкие, кривые улочки с глухими стенами домов и маленькими калитками, где иногда встречались женские фигуры под черной паранджой. В районах медресе Регистана и Биби-Ханым еше шумели прославленные восточные торжища с мастерскими ремесленников и лавками мелких торговцев, с изобильным шумным базаром и чайханами».

Мака рассказала, в какой переплет попал Николаша. Непонятно зачем – ведь взрослый, семейный человек! – он ввязался в поиск денежного клада, спрятанного в старом кресле. Завел дело, но авантюра раскрылась, и Можаровского обвинили в превышении полномочий и использовании служебного положения. Суд не учел его объяснений и приговорил к трем годам тюрьмы. Николай подал апелляцию (через пять месяцев он выйдет на свободу, но будет исключен из ВКП (б) и лишится права служить в правоохранительных органах) [26].

Печально, но еще не беда. В конце июля Василий Григорьевич получил весть из Ростова – арестовали и судили за контрреволюционную деятельность брата Дмитрия. Наказание – 10 лет заключения в Соловецком лагере [27]. Как? Почему? Никакой возможности выяснить не было. Следуя давней привычке, он забывался в работе. «Энергия и сила воли у него сверхчеловеческие, – писала Мария Жене. – Работать приходится кошмарно много. Мы его совершенно не видим, приходит усталый… Но папа ничего не хочет слушать, уверяет, что здесь хороший климат и он чувствует себя хорошо».

В ноябре 1927 года в правительственных учреждениях УзССР пересматривали штаты. Без возражений сократили и Янчевецкого. «Я живу как богема, одинокий, окруженный книгами и картинами, – сообщал он родным. – Часто хожу в театр, где у меня бесплатное место…».

«Отец вернулся в Москву в ночь под новый, 1928 год. Он очень любил встречу Нового года и относился к ней традиционно-торжественно. Наш стол был скромен, но бутылка легкого вина или шампанского находилась, и начинались новогодние гадания. Устраивали шуточные игры и забавы вроде „бесконечного телефона“ или детективной истории, где каждый поочередно выдумывал приключенческий рассказ… Рядились в карнавальные

одежды и обязательно танцевали. Аккомпанировал на „Стенвее“ отец; он играл украинские и эстонские мелодии своего детства, вальсы Шопена и Штрауса… Отец умел и любил шутить всегда, везде, даже когда ему было горько».

В ту ночь Василий Григорьевич пожелал Мите терпения и сил выдержать удар судьбы – когда за решетку сажают не во вражеской стране, а на родине.

Что случилось в Ростове, он узнает только после освобождения брата. В июне 1927 года губернский отдел ОГПУ раскрыл «контрреволюционную организацию, обсуждавшую текущую политическую обстановку в тенденциозном освещении, осуждая установленный режим». Возглавлял организацию бывший царский полковник, объединяла она интеллигенцию со старорежимным прошлым. В частности, как сообщил осведомитель, сотрудник Донплана Дмитрий Янчевецкий рассуждал, что хорошо бы дать избирательное право буржуазии, узаконить Тихоновскую церковь, предоставить свободу воззрений в области философии и позволить вернуться двум миллионам эмигрантов, чьи силы и умения пригодились бы стране [28]. Виновности в антисоветском заговоре Дмитрий не признал. На допросах он говорил, что русская интеллигенция давно примирилась с революцией и работает самым добросовестным образом в советских учреждениях. Если и есть недовольные, то на экономической почве: скудное жалование, постоянные сокращения штатов, безработица и дороговизна. Даже белая эмиграция за границей никак не может объединиться – раздроблена на враждующие между собой партии. Что уж говорить о «бывших» в СССР… Великий исторический сдвиг совершён, и поднимая однажды тост за возрождение России, он подразумевал строительство нового сильного государства. Показания старательно записали. 12 июля 1927 года на заседании «тройки» Полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю вынесли приговор по четырем пунктам ст.58 УК РСФСР: участие в контрреволюционной организации, сношения с представителями иностранных государств в преступных целях, недонесение о контрреволюционном заговоре и агитация, призывающая к свержению советской власти.

***

Опасался ли Василий Янчевецкий за собственную участь?

Он не мог знать, что подшивки «Вперед» уцелели и оказались на хранении в фондах московского Архива Октябрьской

революции и ленинградской Государственной публичной библиотеки, а копия приказа о его назначении, в числе многих тысяч захваченных документов белых армий – в Центральном архиве Красной Армии. В 1929 году в Новосибирске был издан первый том «Сибирской советской энциклопедии»; в статье «Газеты» говорилось: «После переворота, поставившего у власти адмирала Колчака, процветает только реакционно-буржуазная и черносотенная военная печать. В Омске, кроме «Сиб. Речи» и «Зари», выходят: «Правительственный Вестник» (ред. В. Кудрявцев), «Русская Армия», «Отечественные Ведомости» (ред. А. Белоруссов), фронтовая «Вперед» (ред. В. Г. Янчевецкий) …». Но никто не обнаружил связи между белогвардейской газетой и бывшим экономистом, ныне сочиняющим рассказы для «Всемирного следопыта» под псевдонимом Василий Ян.

Всеволод Иванов не скрывал, что служил в колчаковской типографии. Но не говорил, под чьим началом. Даже в 1939 году, страшась ареста, он в письме-признании Сталину не назвал имени ее редактора: «Сорокин предложил мне поступить в типографию „Вперед“, выпускавшую под тем же названием колчаковскую газетку… Редактор попросил написать ему рассказ, затем статью. Я не хотел показывать ему, что не хочу или что я бывший красный… Словом, я написал в эту газетку несколько статей, антисоветских, и один или два рассказа… Больше за мной никаких антисоветских поступков не числится… Я не скрывал своего преступления, и если за него следовало судить, то можно было судить давно. Я полагал также, что свое преступление я загладил честной и неустанной работой для советской власти и коммунистического общества» [29].

Николай Анов в первой половине 1920-х работал журналистом в Казахстане, переезжая из города в город. В 1927 году обосновался в Новосибирске и занялся литературным трудом. В отличие от Иванова, он не обращался к революционному прошлому – все повести и рассказы, что Анов опубликовал в журнале «Сибирские огни», касались современности. В 1929 году его вызвал в Москву Горький, прочитавший и одобривший рукопись романа «Азия». Анов стал секретарем редакции художественно-документального журнала «Наши достижения». Если он и не виделся с Янчевецким, то мог слышать от Иванова, что бывший начальник «Вперед» теперь живет в Москве. Но хода своему знанию не дал [30].

Борис Четвериков в 1922 году перебрался из Омска в Петроград. Сочинял рассказы, повести, опубликовал роман, редактировал литературное приложение к «Красной газете». О службе в белогвардейской газете он рассказал в мемуарах,

которые начал писать в середине 1960-х, но так и не опубликовал. Четвериков вспоминал Янчевецкого с чувством великой благодарности и, как бы прикрывая (ему самому бояться уже было нечего), уверял: «Не помню ни одного случая, чтобы „фронтовая газета“ приближалась к фронту хотя бы на сто километров. У меня создалось впечатление, что и сама-то газета выпускалась лишь в стольких экземплярах, сколько требовалось сдавать в цензуру». Он изменил ее название на «Верный путь» и подчеркивал, что редактор укрывал дезертиров [31]. И Всеволод Иванов в «Истории моих книг» (1957 г.) настаивал, будто «типография „Вперед“ не выезжала дальше тупика возле Атамановского хутора», а пачки газет просто складировались на товарной станции.

Евгений Спасский с 1921 года жил в Москве. Закончил ВХУТЕМАС, преподавал в школе-интернате, работал книжным оформителем, театральным художником, декоратором. Янчевецкий сам разыскал его, зазвал в гости, а позднее, в середине 1930-х попросил сделать иллюстрации к «Чингиз-хану» [32]. Василий Григорьевич даже в мыслях не допускал, что человек, которому он когда-то помог и доверял, способен предать и настрочить донос.

Яна едва не выдал, сам того не зная, Антон Сорокин. Больной туберкулезом, впадающий в мизантропию писатель сочинял сатирические рассказы «Тридцать три скандала Колчаку». Первые семь были напечатаны в 1928 году в январском номере новосибирского журнала «Настоящее» (тираж – 4000 экземпляров). «В «Летучей мыши» был негласный банкет в честь приезда Колчака… Генералы – словно с советских плакатов. Гайда. Колчак. Сыровой с черной повязкой на глазу. Янчевецкий. Язвицкий. Их женщины…». Сорокин немножко приврал. Осенью 1918 года, события которой он описывает, Василия Григорьевича не было в Омске. Сорокин не держал зла («хороший был человек Янчевецкий, умный и предвидел все вперед»), он просто фантазировал и вообще не знал, что случилось с редактором «Вперед». Сочинение так и не было опубликовано целиком. В марте 1928 года Антон Сорокин скончался. Рукописью остался, к примеру, «Скандал четырнадцатый»: «Вагон Янчевецкого, помощника Колчака, был сборищем главных деятелей контрреволюции… Антон Сорокин бывал у Янчевецкого… Четверикова, Всеволода Иванова, Антона Сорокина снимали для кино (потом эту ленту вместе со своими Всеволод-Ивановскими произведениями Иванов сжег при отступлении). Три вагона агитлитературы, но, читатель, не унывай. Всеволод-Ивановская литература возродилась вновь,

немного перекрашенная. Критика гордилась…» [33].

Но был и человек, в памяти которого Василий Янчевецкий остался врагом. Молодой поэт и убежденный социалист Оленич-Гнененко увидел редактора «Вперед» в доме у Сорокина, где сам же укрывался от мобилизации; возможно, слышал о нем от Иванова, с которым был дружен. Александр Оленич-Гнененко жил и работал в Омске до 1931 года, а затем перебрался в Ростов-на-Дону: редактировал «Колхозную правду», руководил Ростовской писательской организацией, сочинял стихи и издавал переводы – например, первым в СССР перевел «Алису в стране чудес». Вероятно, он видел книги Василия Яна, но не подозревал, кто взял себе такой псевдоним. В мемуарах, которые он опубликовал в конце 1950-х, говорится: «Редакция махрово-белогвардейской газеты „Вперёд“ вместе с походной типографией занимала целый поезд. Газета-поезд разъезжала по всем белым фронтам, пытаясь отравить своим ядом души насильно мобилизованных молодых солдат. Редактировал её матёрый царский контрразведчик полковник Янчевецкий…» [34].

Ян не боялся и даже хотел в литературной форме переосмыслить пережитое. Осенью 1928 года он взялся за драматическую пьесу о Колчаке – правда, дальше набросков двух сцен не продвинулся. Наверное, он мог бы состояться как в полном смысле советский писатель: революция, строительство новой жизни, благо социализма и зло капитализма – сочинения на эти темы приветствовались и хорошо оплачивались. Но выбрал историческую прозу. Далекое прошлое давало простор фантазии и предоставляло больше творческой свободы, чем настоящее. Любимым персонажем Яна станет странствующий философ, понимающий, что «человек – игра и радостей и бед», знающий светлую и темную сторону жизни, цену богатства и власти, и пытающийся хоть чуточку сделать мир лучше.

Когда из типографии выйдет его первая историческая повесть «Финикийский корабль», Василий Григорьевич пошлет брату на Соловки книгу с надписью: «Дорогому брату Мите, восточному страннику. Во все века пламенные искатели высшей правды бродили по свету… Посылая этот исторический фрагмент, надеюсь, что ты найдешь в наивных записках финикийского мальчика общечеловеческие мысли и стремления, которые также живут в настоящее время, как волновали они 3000 лет тому назад. С сердечным чувством – В. Ян. Москва. 2/IV-1931 г.».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Н.И.Можаровский. Автобиография. / РГАЛИ, ф.2237, оп.1, д.8, л.3; М.В.Янчевецкий. Писатель-историк В. Ян (стр. 39). О ситуации в Ачинске: В. Эльцин. Пятая армия и сибирские

партизаны. / Борьба за Урал и Сибирь. – М., 1926. Стр. 276—278.

2. В. Янчевецкий. Письма к ученикам из Турции. // «Ученик», №9, 27.10.1913.

3. В. Янчевецкий. Где правда? / Воспитание сверхчеловека. – СПб., 1908. Стр. 123—128.

4. Государственный архив Красноярского края, ф.53, оп.1, д.13, л.25. Документ опубликован на сайте «Красноярского общества „Мемориал“».

5. М.В.Янчевецкий. Писатель-историк В. Ян. Стр. 39.

6. М. Янчевецкий: «Долго в Ачинске оставаться было нельзя, и мы решили уехать в Урянхайский край… Возможно, у отца были планы добраться до Китая, но это осуществить не удалось» (интервью Т. Верещагиной, газета «Центр Азии», 26.04.2000).

7. О жизни Янчевецких в Туве, за исключением случая с арестом, рассказано в книге: М.В.Янчевецкий. Писатель-историк В. Ян. Стр. 44—54.

8. Из письма С. Сыромятникова академику В. Алексееву от 19 апреля 1921 г.: «Мой бывший секретарь пишет мне из Урянхайского края, где он волостным писарем. Приехал туда из Минусинска с женой и сыном на тележке» (Архив Санкт-Петербургского отделения РАН, ф.820, оп.3, д.759, л.19; выписка предоставлена Б.Д.Сыромятниковым).

9. Интервью Михаила Янчевецкого директору Туранского краеведческого музея Татьяне Верещагиной («Центр Азии», 26.04.2000). По словам Верещагиной, о том же рассказывали родственники Иннокентия Сафьянова.

10. И.Г.Сафьянов. Тува в прошлом. Т.2: Повесть о жизни. – М., 2012.

11. Ян. Печать в Минусинске в конце 19 года. // «Власть труда», 13.09.1922. Статья посвящена газете «Соха и молот», выпускавшейся армейским советом партизан с сентября 1919 года по февраль 1920 года.

12. В ноябре 1921 года в РСФСР вернулся генерал-лейтенант Яков Слащёв и еще пять высших офицеров армии Врангеля. В октябре 1922 года восемь генералов и полковников, в том числе служивших в элитных дивизиях Добровольческой армии, перед отъездом подписали обращение к боевым соратникам: «Гражданская война и годы эмиграции наглядно показали, что идеология белого движения потерпела полное крушение, потому что по существу своему являлась глубоко антигосударственной и противонародной… Пятилетнее существование Советской власти свидетельствует о том, что эта власть признана русским народом и пользуется его всемерной поддержкой… На международной политической арене Советское правительство

является единственным защитником интересов России и ее государственного суверенитета…». Почти все вернувшиеся белые офицеры были арестованы ОГПУ в 1930—1931 годах и расстреляны по обвинению в шпионаже и подготовке вооруженного восстания (см.: Я.Ю.Тинченко. Голгофа русского офицерства в СССР. – М., 2000).

13. В. Ян. Нита. Режиссерский экземпляр. – РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.35. Примечательно, что в рукописи слово «моя» в речи уголовника зачеркнуто и между строк вписано: «наша, колчаковская». Контрразведкой в Омске в конце 1918 года на самом деле руководил полковник Зайчек (Отдел военного контроля при штабе Сибирской армии). Майор Кошек был представителем чехословацкого правительства, образованного после краха Австро-Венгерской империи. Восстание в Омске, подготовленное большевиками, случилось в ночь на 23 декабря 1918 года; в ходе мятежа действительно была захвачена городская тюрьма (восстание подавили в течение суток). Колчак в декабре тяжело заболел, рассматривался даже вопрос о его преемнике, так что никаких прошений вообще он принимать не мог. Настроение, изображенное Яном, характерно для последних месяцев нахождения адмирала у власти. В отношении Пепеляева тоже допущен анахронизм – в конце 1918 года тот был директором департамента милиции сибирского МВД.

14. Сюжет «Красноармейской звезды»: мальчик Никита рассказывает деревенским детям, что такое Красная армия и знамя со звездой – «мы с ним идем в поход против всех злодеев и спасаем бедняков», учит друзей строевым приемам; в пьесе Ян использовал революционные стихи Демьяна Бедного (РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.48). Драма «Невеста красного партизана» удостоилась хвалебной рецензии: «Пьеса по своей правдивости заслуживает огромного интересе… Автор смело задумал передать символически всю жизнь и тлю старой „единой и неделимой“ Святой Руси и автономной Сибири с ее выскочкой Колчаком, и красную торжествующую победу над белобандитами» («Власть труда», 17.08.1923).

15. М.В.Янчевецкий. Писатель-историк В. Ян, стр. 68.

16. Der Emes – издание Еврейской секции РКП (б). Первой опытно-показательной школой руководила К. Полтавская – последовательница педагога-экспериментатора С. Шацкого, одного из основателей педагогики сотрудничества; по легенде, она создавала школу в 1918 году для детей дворян, оставшихся в России.

17. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.42.

18. См.: Ю.М.Лопухин. Болезнь, смерть и бальзамирование

В.И.Ленина. – М., 1997.

19. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.98 (тетрадь «Скитания»). Статья Троцкого «Верное и фальшивое о Ленине» была опубликована в «Известиях» 7 октября 1924 года.

20. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.100, л.57.

21. Б. Савинков. Почему я признал Советскую власть? // «Правда», 13.09.1924. Савинков покончил с собой 7 мая 1925 года, выбросившись из открытого окна тюремной комнаты на Лубянке.

22. Этот разговор, как и беседа братьев Янчевецких – художественный домысел автора. Но В. Янчевецкий и Вс. Иванов действительно встретились в Москве в середине 1920-х, и в библиотеке Яна была книга с такой надписью. О своих приключениях в гражданскую войну Иванов впервые рассказал на страницах журнала «Литературные записки», №3 за 1922 год («От Урала до Читы всю колчаковщину я скитался, а когда удалось мобилизовать, то прикомандировали меня, как наборщика, к передвижной типографии Штаверха [Штаба верховного главнокомандующего]»). Источники сведений о судьбах Янчевецких: справка по архивно-следственному делу в отношении Д.Г.Янчевецкого (ГАНИКО, ф. Р-3656, оп.2, д.1443), письма С.Г.Концевич (РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.212), очерк «Дмитрий Янчевецкий» (Н.Г.Мизь, А.Ю.Сидоров. Первая военно-полевая газета России. Стр. 71—73).

23. Можаровский, как и Ян, скрыл и переиначил события своей жизни. В служебной автобиографии 1932 года он писал, что после демобилизации в ноябре 1917 года вернулся в Елисаветград, но решил не оставаться в оккупированном немцами городе, и направился в Челябинск, где надеялся встретиться с бежавшим братом-революционером. В Челябинске «работал в меньшевистской газете «Власть народа», разгромленной колчаковской реакцией… Колчаком была объявлена мобилизация, и я оказался вновь призванным, но мне удалось использовать свой чин и я устроился в военную передвижную типографию… В 1919 году, во время отступления белых мне удалось в Ачинске отстать от эвакуировавшейся типографии и завязать связь с т. Кравченко. В январе 1920 года, с произошедшим переворотом в Ачинске, где я принимал активное участие, и приходом партизан я оформил свое вступление в ряды ВКП (б)» (РГАЛИ, ф.2237, оп.1, д.8, л.1—3).

24. Предположение автора, что Ян мог по долгу службы читать бюллетени Госплана, а как историк и журналист – обратить внимание указанные книги. В Госиздате задумали представить в пятитомнике «наиболее ценные материалы

белогварейской мемуарной литературы, в изобилии появившейся за границей». «Сборник даст обильный материал для анализа одной из интереснейших исторических эпох, а широкую публику познакомит с тем, как переживались революционные события в стане контрреволюции». Мемуары печатались с купюрами. В предисловии к третьему тому объяснялось: «Выбрасывались многие повторения, неинтересное, несущественное. Выбрасывались часто те места, где авторы говорят иногда о действительных, а в громадном большинстве случаев ими выдуманных недостатках и темных сторонах революционной власти». Книги издавались с октября 1925 года по июль 1926 года тиражами 10000—15000 экземпляров.

25. О жизни Яна в Узбекистане см.: М.В.Янчевецкий. Писатель-историк Василий Ян. Стр. 74—80.

26. В автобиографии Н. Можаровский упомянул о своей судимости, но без подробностей. Дело слушалось в Московском губернском суде 4—5 февраля 1927 года. Некая Жандарова, знакомая Можаровского, попросила помочь разыскать кресла, проданные при переезде в Ленинград, где в тюрьме отбывал наказание ее отец, осужденный за растрату на производстве. В одном из кресел глава семьи некогда спрятал крупную сумму денег. Под предлогом расследования незаконной продажи казенной мебели Можаровский нашел и изъял кресла у покупателей. Но клад оказался никчемным – 2000 рублей керенками, давно вышедшими из обращения. Именно эта история легла в основу «Двенадцати стульев». И. Ильф и Е. Петров работали тогда в газете «Гудок», напечатавшей репортаж из зала суда. При обсуждении отчета кто-то в редакции воскликнул: «Какой сюжет для романа!» (см.: Н.Рудерман. Кресла и 12 стульев. // «Дружба народов», №2, 1969).

27. Предположение автора, что Ян узнал об аресте брата, будучи в Самарканде. Сведения о первом аресте и обвинении Д. Янчевецкого в антисоветской деятельности взяты из биографического очерка в книге «Первая военно-полевая газета России» (стр. 75—76).

28. Согласно конституции РСФСР, не могли быть избранными и участвовать в выборах в советы лица, использующие наемный труд, живущие на доход с какой-либо собственности, занимающиеся частной торговлей и коммерческим посредничеством – все они считались буржуазией, независимо от социального происхождения. РПЦ в начале 1920-х годов разделилась на обновленцев, поддержавших советскую власть, и сторонников патриарха Тихона, пытавшегося вести независимую церковную деятельность.

29. В. Иванов. Дневники. – М., 2001. Стр. 339—340. При этом в дневнике Иванова есть примечательная запись (датирована 23.VII.1942): «Сегодня вспомнил, что перед падением Колчака полковник Янчевецкий, в поезде коего „Вперед“ и газете такого же названия я работал наборщиком и писал статьи, представил меня к Георгию третьей степени» (там же, стр. 117). Янчевецкий мог ходатайствовать о награждении своего сотрудника солдатским Георгиевским крестом только за военный подвиг (что именно случилось при отступлении типографии вместе с армией – можно только гадать).

30. В марте 1932 года Н. Анов, будучи на тот момент ответственным секретарем журнала «Красная новь», был арестован ОГПУ как руководитель контрреволюционной группировки литераторов «Сибиряки». На допросах некоторые участники «группировки», в частности, признались, что сочиняли и читали в своем кругу хвалебные стихи о Колчаке. Анова приговорили в трем годам ссылки (см.: С. Куняев. Огонь под пеплом. Дело «сибирской бригады» // «Наш современник», №7, 1992).

31. Б. Четвериков. Стежки-дорожки. // «Клио», №3 (9) 1999. Стр. 320—321.

32. Е. Спасский. Нелицеприятие. // «Русская жизнь», №23, 2008.

33. А. Сорокин. Тридцать три скандала Колчаку. – Омск, 2014, стр. 72. «Скандал первый» цитируется по публикации в журнале «Настоящее». Примечательно, что в экземпляре журнала, хранящемся в Российской государственной библиотеке, страницы с рассказами Сорокина вырваны. Кто это мог сделать? В первом рассказе в числе близких к Колчаку людей, помимо Янчевецкого, упомянут Сергей Ауслендер – прозаик и журналист. В 1920 году он остался в Омске, работал воспитателем в детских домах, скрывая свою службу у белых, затем вернулся в Москву, Ауслендер сочинял детские книжки и пьесы, а в 1928 году был приглашен в МТЮЗ заведующим педагогическим и литературным отделами.

34. А. Оленич-Гнененко Суровые дни // «Сибирские огни», №12, 1958.

Глава 8. Стрелы Чингиз-хана

«Испытавший потрясающие события и умолчавший о них похож на скупого, который, завернув плащом драгоценности, закапывает их в пустынном месте. Однако, отточив тростниковое перо и обмакнув его в чернила, я задумался в нерешительности… Хватит ли у меня слов и сил, чтобы правдиво рассказать о беспощадном истребителе народов Чингиз-хане и о его свирепом войске?..».

Ян сочинил повесть стремительно, за десять месяцев. И три года ждал ее издания. Раз за разом редакции отклоняли рукопись, хотя уже выпустили несколько его книг.

«Больше ты служить не будешь, – заявила жена по возвращении Василия Григорьевича в Москву. – Займись литературой, пиши романы, а я буду служить, и мы проживем». «Отец обычно в половине девятого утра уходил работать в читальный зал Публичной библиотеки, – запомнилось Мише Янчевецкому. – На его номере обычно лежало около двух десятков книг, и он ежедневно заказывал еще несколько новых, сбрасывая просмотренные и прочитанные за день. Из них он делал необходимые выписки. Взять в руки новую книгу, раскрыть ее, читать и познавать то, что она несет, было для отца наслаждением…».

Но за 1928—1929 годы Ян подготовил для журнала «Жизнь искусства» целых десять статей о современном театре и сочинил лишь четыре рассказа: «В песках Каракума», «Письмо из скифского стана», «Загадку озера Кара-Нор» для «Всемирного следопыта» и «Трюм и палубу» для «Вокруг света». Замыслы, конечно, были масштабнее. Ян работал сразу над двумя повестями об античных временах. И еще попытался написать пьесу о потрясающих событиях, свидетелем которых был сам.

Титульная страница черновика трагедии «Орлы на погонах» датирована 12.XI.1928. Главный герой – адмирал Колчак. Составленный Яном список литературы насчитывает 20 книг и журнальных публикаций о гражданской войне, в том числе белогвардейские мемуары, изданные в СССР. Две страницы заполнены выписками из предисловия к «Допросу Колчака». Например: «Колчак держался „как военнопленный командир проигравшей кампанию армии – с полным достоинством“» (последние слова подчеркнуты). Есть выписки о жизни и службе Колчака до 1918 года, несколько строк о Тимиревой. Остались схематические наброски двух сцен пьесы (события в революционном Севастополе). Намечены темы дальнейших

сцен: «Японцы, чехи, арест членов правительства (Омский переворот), предложение от заговорщиков Колчаку» [1]. На этом все.

Не хватило времени, или кто-то отговорил, или сам передумал? Как бы то ни было, отказавшись от начатого, Ян оставил в тени свое знание недавнего прошлого. Вымарал ли из памяти? Скорее, убрал в архив. В одной из его рабочих тетрадей есть цитата из пьесы Блока «Король на площади»: «Забудь о прошедшем. Прошедшего нет». Рядом Ян приписал: «Глупо!» [2]. Там же он записал сон, привидевшийся по мотивам этой драмы: «Подготовляется восстание. Древняя страна, о которой даже не сохранилось историй. Зодчий сделал статую, которая [неразборчиво] … Революционер, убивающий священников, разрушающий статую, видит падающие части… Диктатура [неразборчиво] и новых людей… Травят, лезут, кричат и лгут». У Блока пьеса заканчивается картиной бунта толпы (рушится дворец и выясняется, что мудрый король, ежедневно взиравший на город – это статуя) и речью Зодчего: «Я создал вам власть, я обтесал твердый мрамор – и каждый день вы любовались красотою этих древних кудрей. Вы разбили мое создание, и вот остается дом ваш пустым. Но завтра мир будет по-прежнему зелен, и море будет так же спокойно…». Запись Яна завершается призывом – непонятно, к кому: «Будьте разумны, сами управляйтесь, сами создавайте на основе разума новую жизнь, основанную на равенстве».

Вникал ли он в нюансы политической ситуации? По меньшей мере, газеты и журналы читал. А они сообщали следующее. В мае 1927 года в Москве состоялся суд над участниками «Шахтинского заговора» – группой инженеров, работавших в угольной промышленности и обвиненных во вредительстве на производстве и ухудшении положения рабочих. Как выяснилось, техническая интеллигенция «из бывших», не веря в творческую силу пролетариата и прочность советской власти, продалась заграничным контрреволюционным силам и действовала по их указке. Спустя три года ОГПУ раскрыло более ужасающий заговор – целую контрреволюционную партию, объединившую вредительское подполье в разных отраслях промышленности и на транспорте. Наймиты империализма из «Промпартии» создавали кризисы в снабжении с целью срыва пятилетнего плана, шпионили, готовились к диверсионной работе ради облегчения иностранной военной интервенции.

Осенью 1927 года Сталин добился исключения из партии Троцкого. Его сторонникам позволили выступить на очередном съезде ВКП (б), но тут же объявили предателями, вставшими

на путь враждебных действий против пролетариата и советской власти. В 1929 году генеральный секретарь разоблачил внутрипартийную группу правых уклонистов во главе с Бухариным и Рыковым (чей портрет как председателя Совнаркома совсем недавно печатался в журналах прежде портрета Сталина). У советского государства теперь только один вождь. В феврале 1930 года ЦИК СССР по многочисленным ходатайствам ряда организаций, общих собраний рабочих, крестьян и красноармейцев постановил наградить Сталина орденом Красного Знамени за огромные заслуги в деле построения социализма.

«Наша работа по социалистической реконструкции народного хозяйства, опрокидывающая вверх дном все силы старого мира, не может не вызывать отчаянного сопротивления со стороны этих сил, – заявил он на съезде ВКП (б) в июне 1930 года (доклад напечатала „Правда“). – Злостное вредительство верхушки буржуазной интеллигенции во всех отраслях нашей промышленности, зверская борьба кулачества против коллективных форм хозяйства в деревне, саботаж со стороны бюрократических элементов, являющихся агентурой классового врага – таковы пока что главные формы сопротивления отживающих классов нашей страны… Существо большевистского наступления состоит, прежде всего, в том, чтобы мобилизовать классовую бдительность и революционную активность масс… Мы имели за истекший период ряд решающих успехов на всех фронтах социалистического строительства. Мы имели эти успехи потому, что сумели держать высоко великое знамя Ленина… С этим же знаменем мы победим в пролетарской революции во всем мире. Да здравствует ленинизм! (Громкие, долго не смолкающие аплодисменты. Овации всего зала)».

***

«Там, где угрюмый хребет Седых гор прорезан узким ущельем Священных лоскутов, близ источника Куропаток, под нависшими глыбами зеленоватого гранита с красными прожилками стоят полукругом кожаные палатки, растянутые на кольях. Они выгорели на солнце, и ветер не переставая треплет их…».

С первых же слов «Огни на курганах» должны были завораживать читателя, создавая пряный аромат древности. Ян задумал трилогию об Александре Македонском в 1929 году. Никто из русских писателей за такой труд еще не брался; более того, первая советская монография о великом полководце

и правителе древности появится в 1937 году. Янчевецкий хотел поведать обо всем: детстве и юности Александра и подготовке грандиозного похода на Восток, о завоевании Персидской империи и битвах с непокорными азиатскими скифами-саками, о походе в Индию, смерти Александра и распаде его необъятного государства. Он начал с середины. Одновременно сочинял и раньше отдал в издательство другую рукопись.

«Финикийский корабль» – повесть небольшая, детская, и рассказ ведется от лица ребенка – мальчика Эли, испытавшего удивительные приключения, отправившись в дальний путь вместе с бродячим лекарем Софэром. Ян признавался, что захотел написать повесть об отважных и хитроумных финикийских мореплавателях в 1907 году, когда в Историческом музее Бейрута увидел глиняные таблички с непонятными надписями. «Пришлось много поработать, прочесть сочинения по истории народов Востока, Иудеи, Карфагена, изучить прошлое Азорских островов, «Историю мировой торговли» Блэра и другие материалы…». и Лекарь и Эли видят разные города и земли, встречаются с купцами, пиратами и даже царем Соломоном. Но старик Софэр философствует мало (вряд ли это интересно юным читателям), он больше делами показывает, что такое мудрость, доброта, справедливость и терпение.

«Финикийский корабль» вышел из типографии «Молодой гвардии» весной 1931 года. Тогда же были сданы в печать «Огни на курганах»; в продаже книга появилась следующей зимой. Но рукопись была опубликована не полностью – Яну пришлось изъять всю первую часть (с тем самым увлекающим началом) и пять глав из других частей повести. Рецензенты считали, что он должен был подчеркнуть полководческую гениальность Александра, жестокость которого обуславливалась государственной необходимостью, а подозрительность даже к соратникам – упреждением измены [3]. Ян же, отдавая должное воле и храбрости Александра, показал, как осознание могущества разъедало его душу, а доблесть превращалась во властолюбие. «На Никомандра смотрели неподвижные стеклянные глаза, холодные и непроницаемые. „Этот человек может так же спокойно приласкать, как и раздавить меня“, – подумал он. Глубокая пропасть легла между прежним веселым, стремительным юношей, которого во время уроков он бил по плечам концом тупого меча, и этим самоуверенным, равнодушным человеком, прошедшим полмира…» (фрагмент из первой части).

Впрочем, Яну удалось объяснить замысел в предисловии: «Очень немногие историки, как немецкий Нибур, английский

Грот и русский профессор Григорьев, дали строгую оценку «великому» истребителю народов. Поклонники гения македонского полководца выставляют наряду с его военными способностями, решительностью, упорством и непреклонностью, черты благородства… Но они тщательно скрывают или затушевывают его мстительность, бессмысленную жестокость, подозрительность…». И все же Василий Григорьевич не сочинял ради разоблачения. Получилась повесть, в которой было все, что он любил в старинных сказаниях: приключения, испытания и любовь, пестрые шумные города и суровые таинственные горы, отважные воины и капризные красавицы, надменные властители и мудрые простолюдины. Склоняясь над чистыми листами бумаги, он вспоминал туркестанские степи, персидские горы, жизнь кочевников, следы древних цивилизаций…

Ян работал без отдыха. Закончив «Огни на курганах», он взялся за повесть о Спартаке. Мака служила экскурсоводом и лектором в Литературном музее Льва Толстого. Миша окончил школу, получил аттестат чертежника, отслужил в армии механиком-водителем танка. Демобилизовавшись, он выбрал для себя литературную стезю: для Авиаавтоиздата готовил повесть об автомобилях «Только вперед», для Госстройиздата – повесть «Инженер Проскуряков» (о лучшем в России строителе мостов). Однако обе не были опубликованы. Издательства брали у Михаила Янчевецкого лишь очерки на актуальные темы – например, о первых комсомольцах, награжденных орденом Ленина.

Литературой занялся и Николай Можаровский. Он выпустил «Записки инспектора уголовного розыска» (гордился тем, что книга «наделала много шума»), а под псевдонимом Евгений Бурмантов – роман «Смерь Уара» (о царевиче Дмитрии, сыне Ивана Грозного) и повесть «За кордоном» (о современной Сибири). Николаша всегда был деятелен и в начале 1932 года получил должность заместителя председателя жилищно-строительного кооператива «Советский писатель». Возглавлял ЖСК Матэ Залка – герой гражданской войны, известный прозаик, сотрудник аппарата ЦК ВКП (б). У него одно время работала «литературным обработчиком» Женя Можаровская – в начале 1930-х переводчик при Курсах иностранных языков им. Чичерина [4]. С Николаем к тому времени она разошлась и вышла замуж за начинающего писателя Даниила Романенко. У Можаровского тоже сложилась новая семья.

Вместе с Янчевецкими в комнате на улице Огарева (бывшем Газетном переулке) жила Варвара Помпеевна. У много повидавшей, старой и больной женщины сил оставалось совсем

мало. Василий Григорьевич похоронил маму в феврале 1933 года.

***

«Писатель только и живет, когда пишет, – откровенничал Матэ Залка в переписке с Можаровским. – Остальное – сон, подготовка и пробуждение» [5]. Ян этого письма, вероятно, не видел. Но, думаю, согласился бы с сентенцией. Он сам так и жил.

Выпустив в 1933 году «Спартака», он написал на основе повести либретто. Существует версия, подкрепленная документальными сведениями, будто сценарий Яна послужил основой либретто знаменитого балета «Спартак», одобренного руководством Большого театра в 1935 году, но поставленного там лишь тридцать лет спустя [6]. Ян пробует себя в разных жанрах. Он сочинил фантастико-приключенческую повесть «Энигма Тихого океана» – издательство «Молодая гвардия» ее не приняла. Начал, но не закончил роман «Зеленая комета» – о судьбе Энвер-паши после поражения Турции в мировой войне. В начале 1920-х правительство РСФСР пыталось дружить с Энвером и использовать его авторитет для окончательного подчинения Туркестана. Но, оказавшись в Бухаре, Энвер возглавил басмаческое движение, объявив себя наместником Магомета; он был убит в 1922 году в бою с красной кавалерийской бригадой. Возможно, Ян все взвесил и решил не связываться со столь деликатной темой [7].

Янчевецкому и без того было с чем работать. В сентябре 1933 года «Молодая гвардия» издала его повесть «Молотобойцы» – о заводском деле первых лет царствования Петра I. Василий Григорьевич сочинил «Секрет алхимика» – историю из XVI века. Взялся за «Путешествие по Московии» – конец XVII века, канун грандиозных перемен в России. Вкупе с «Молотобойцами» они должны были составить цикл «Повестей о железе». Но первая так и осталась рукописью, вторая – не завершенной. Ян получил срочный заказ от Машметиздата на художественную биографию Роберта Фултона, гениального английского изобретателя. Эту книгу он писал уже в собственном (почти) кабинете, в отдельной (почти) квартире.

Летом 1933 года Матэ Залка, достроив кооперативный дом в Нащокинском переулке, куда переселились многие именитые писатели, помог Яну получить две освободившиеся комнаты в коммунальной квартире. Дом №4 в Столовом переулке близ Никитского бульвара был построен в начале XX века для жильцов

с достатком: зеркальные подъездные стекла, витые чугунные перила, узорчатые дубовые двери. Янчевецкие получили жилплощадь в квартире №15 на последнем четвертом этаже; соседи – всего одна семья.

Ян был в восторге оттого, что в одной из комнат остался камин. Перед камином теперь происходили все события в квартире – чтение рукописей, празднование семейных торжеств, у камина согревались, и в нем же автор сжигал «забракованное». В другой комнате Янчевецкий обустроил спальню и рабочий угол, отгороженный самодельной ширмой. Хотя он и входил в групком «Молодой гвардии», но в Союзе советских писателей не состоял и потому получал скромные гонорары. Денег на приличную мебель не оставалось, и кровати Ян соорудил из старых матрацев на деревянных козлах, этажерки для книг сколотил из сосновых досок, раздобыл несколько облезлых, но прочных венских стульев. Одежда поначалу висела на гвоздях по стенам, а обеденный стол для гостей собирался из листа фанеры и двух чемоданов.

«Я впервые увидел писателя не в блеске славы, в сопутствии удачи, не в материальном благополучии, а в упорном труде, в бедности и высоком понимании своего назначения», – вспоминал поэт Давид Самойлов, тогда еще школьник [8]. Его родители, известные в Москве врачи, дружили с Янчевецкими. Давид, обожавший античные повести Яна и получивший от него в подарок первый учебник стихосложения, повзрослев, сохранит дружбу с Василием Григорьевичем.

«Вот он углубился с кем-то в спор: никакого упрямства, если его убедить – меняет мнение, предварительно задумавшись, – рассказывала об отце Евгения Можаровская (никогда и нигде она не называла Яна отчимом). – Вспыльчив, иногда пристрастен и несправедлив. Симпатии и антипатии очень резки. Без этого нельзя быть сильным. Любит смелость – физическую и умственную. Очень прост, доступен, но ни с кем на „ты“. Любит критику: слушает, опустив глаза, молча, лишь изредка морщится, словно от горького лекарства. Если возражения серьезны и интересны, говорит вызывающе, с улыбкой: „Спасибо! Вы привели меня в ярость. Это хорошо. Полезно. Но не воображайте, что вы меня убедили“. А через несколько дней он читает вещь, которой узнать нельзя» [9].

«Я не помню Василия Григорьевича смеющимся. Улыбался же он охотно. Но не от веселья, а чтобы выразить свое отношение к собеседнику, – вспоминал Александр Шапиро, одноклассник Миши Янчевецкого, сочинивший по просьбе Яна песни моряков и скифов для „Финикийского корабля“ и „Огней на курганах“. –

Ему было интересно разговаривать с любым человеком, будь тому человеку хоть 10 лет. Но не вообще говорить, не о будничных твоих заботах, а о том, что было так или иначе связано с творчеством – театром, живописью, путешествиями, историей, литературой» [10].

«Отец тосковал по музыке, мечтая опять завести рояль, и когда бывал у Жени или у меня, где были инструменты, то с увлечением играл вальсы Шопена, ноктюрны Грига, Листа, старинные русские романсы и народные украинские песни. А если после ужина и веселой беседы начинались танцы, мой отец вступал в общий круг и с увлечением, очень легко и быстро кружился в вальсе и других бальных танцах… Он не мог обходиться без людей, и они доверчиво шли к нему. Не за бражный стол с обильным угощением, а для задушевной беседы, зная, что кроме чая и скромного „достархана“ другого не будет. Зажигался камин, и при мерцающем пламени отец читал собравшимся очередные главы своих повестей или же другие читали свои произведения. Устраивались литературные игры, писались сонеты на заданную тему и „рассказы в 100 слов“…» [11].

Целых три летних месяца 1934 года в квартире в Столовом переулке гостил Дмитрий Янчевецкий. Он досрочно освободился из лагеря, был восстановлен в правах, но местом постоянного проживания ему определили Кострому. Со своей Сандрой Митя расстался еще до ареста – несколько глупых размолвок разрушили брак, казавшийся счастливым. В Москву он приехал для подработки и смог ненадолго устроиться переводчиком в редакцию газеты «За рубежом» [12].

***

Митя выглядел сильно постаревшим – много старше своих шестидесяти одного года. Он вспоминал Соловки как-то отстраненно, без эмоций, подбирая слова; пару раз в голосе брата Василий слышал извиняющиеся нотки – будто за то, что тому довелось увидеть.

Дмитрий отбывал наказание на острове Анзер, в бывшем скиту на горе Голгофа. Туда отправляли осужденных священников, калек, безнадежно больных и престарелых заключенных, негодных к тяжелым работам. Соловецкий лагерь принудительных работ особого назначения – так полностью называлось учреждение на беломорском архипелаге. Лесозаготовки, торфодобыча, разные производства. Политические

исправлялись вместе с уголовными. Янчевецкий сдружился с архимандритом Феодосием, до ареста служившим настоятелем церкви в Ленинграде – он был признан виновным в шпионаже в пользу Польши и участии в контрреволюционном заговоре. Вместе они изредка гуляли «на берегу пустынных волн». Заключенным с Голгофы негласно дозволялись такие прогулки. Свобода, наводившая тоску – свобода тюремного двора без стен и решеток.

Самым жутким местом на Анзере был тифозный барак, куда свозили заболевших со всего лагеря. В этой больнице скорее умирали, чем вылечивались. Зимой 1929 года жизнь на острове превратилась в страшную лотерею: из тысячи заключенных почти половина погибла от тифа. Дмитрию повезло, он даже не заразился.

Второй раз ему повезло, когда весной пригласили в Кримкаб на Большом острове. Начальник культурно-воспитательной части лагеря загорелся идеей организовать колонию для перевоспитания малолетних преступников и при ней – криминологический кабинет, куда собрали лагерную интеллигенцию. Янчевецкому предложили читать лекции уголовникам. Кримкабу выделили комнату в здании на пристани, где располагалось управление СЛОНа. Из окон был виден кремль – главная тюрьма Соловков. От коллег Дмитрий узнал, что в лагере есть театр, и заключенные с восторгом смотрят «Детей Ванюшина», «Маскарад». От них же услышал о Секирке – карцере, откуда обычно выходили калеками. У соловчан на лесозаготовках выбор был невелик – либо надорваться на работах, либо подставить руку под топор, либо сесть в карцер… Осенью 1929-го чекисты будто бы раскрыли повстанческий заговор в лагере; расстреливали ночью у стен кремля – ходили слухи о трехстах жертвах. И все это происходило на фоне великолепной природы, величественного моря и удивительно высокого неба, белых ночей летом и северного сияния зимой [13].

В 1931 году из лагеря начали забирать заключенных на Беломорканал. Кримкаб опустел. Анзер не тронули – не того качества была рабочая сила. Янчевецкого постановили освободить после приезда очередной «разгрузочной» комиссии – по состоянию инвалидности и как отбывшего более половины срока.

В этот страшный рассказ не хотелось верить. Особенно после бравурной «Истории строительства Беломорско-Балтийского канала имени Сталина», подготовленной лучшими писателями во главе с Горьким. Литераторам – среди них был Всеволод

Иванов – показали стройку и лагеря, они беседовали с инженерами и чекистами, вольнонаемными рабочими и каналоармейцами, увидели энтузиазм и достаток ударников. «Яркие примеры исправительно-трудовой политики советской власти, перековывающей тысячи социально-опасных людей в сознательных строителей социализма. Героическая победа коллективно организованной энергии людей над стихиями суровой природы…». Ян готовился посетить те места. Госстройиздат заказал ему книгу, в которой автор должен был сравнить сооружение Панамского и Беломорканала. В сентябре 1934 года Василий Григорьевич путешествовал пароходом из Ленинграда до Белого моря. Работая над «Двумя каналами» (издательство приняло рукопись, но не опубликовало, и она потерялась в годы войны), Ян одновременно сочинял повесть, что станет главной в его жизни – «Чингиз-хан».

***

15 августа 1934 года Василий Григорьевич раскрыл тетрадку – свой дневник и записал: «Пришла новая глава в моей работе. В «Молодой гвардии» мне сказали: «Вы предложили тему повести «Чингиз-хан». Какая грандиозная тема! Она охватывает половину земного шара. От Китая до Венгрии. Во сколько времени можете ее написать?» – «Месяц – лист». – «А не можете ли писать лист в полмесяца? Начинайте работать немедленно!». Дан размер – 12 листов. Срок – февраль… Итак, фигура высокого монгола, умом и волей охватившего всю Азию, выплывает передо мной…». ««Чингиз-хана» надо писать пламенно, точно сонетами, языком экстаза, небывалыми сравнениями, где переплетаются и невероятный язык Востока, и образы, создаваемые миражами, и утонченный язык итальянского иезуита, автора «Хроник», которого послали с особой миссией разведать, что за армия дьяволов двинулась из глубин Центральной Азии» (запись от 21 августа) [14].

Издательский лист – это 40 000 печатных знаков. Но для начала и по ходу дела нужно изучать исторические источники и научные труды. Ян читает переведенные на русский язык «Сокровенное сказание монголов», «Сборник летописей» Рашида ад-Дина, «Всеобщую историю» Ибн аль-Асира, «Историю завоевателя мира» аль-Джувейни, «Насировы таблицы» аль-Джузджани, «Записки о монголо-татарах» китайского посланника Хуна, «Путешествие на Запад» Чан Чуня, «Юань-Ши» (официальную историю монгольской династии в Китае).

Штудирует «Историю монголов» Д'Оссона, «Образование империи Чингисхана» и «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» Бартольда, «Чингисхана» Владимирцова и его же только что изданную монографию «Общественный строй монголов: кочевой феодализм».

«Чингиз-хан, каким я увидел его во сне». Рисунок В. Яна, 1937 год (из архива семьи Янчевецких).

Позднее Ян объяснял: «Кропотливая работа над изучением материалов о жизни и деятельности Чингиз-хана имела одну цель: установить возможно точнее несомненные ориентиры, отправные точки, на которых можно было бы базироваться, создавая правдивый и живой образ этого беспощадного завоевателя. Необычайные люди в истории всегда невольно привлекают к себе внимание пытливых потомков. Каким образом один человек может объединять массы, направлять их согласно своим планам на завоевания, на походы, на смерть? Были или не были у этого «бича божия на земле» какие-то теплые, человеческие, положительные черты? Общепризнанная аксиома: автор художественного произведения должен в нем отсутствовать. Действуют только его герои. Читатель сам должен решить, хорошо это или плохо. Так было и с образом Чингиз-хана». «К числу главных особенностей его характера нужно отнести необычайные организаторские способности. Он всюду вводит свой железный порядок… Он имел свои определенные цели, которые решил выполнить, утверждая – «чтобы всюду водворить мир – нужна война!». Его мучило только одно – сознание своей старости и неизбежность скорой смерти…». «Я писал сцену за сценой не в том порядке, как они помещены в книге, а свободно, как они вспыхивали в моем воображении… Одной из первых написанных сцен была смерть Чингиз-хана».

Великий каган лежал на девяти сложенных белых войлоках. Под головой была седельная замшевая подушка, на ногах покрывало из темного соболя. Тело, длинное и исхудавшее, казалось невероятно тяжелым, и ему, потрясавшему мир, было трудно пошевельнуться или приподнять отяжелевшую голову. Он лежал на боку и слышал, как при каждом вздохе раздавался тонкий звук, точно попискивала мышь. Он долго не понимал, где сидит эта мышь. Наконец он убедился, что мышь пищит у него в груди, что, когда он не дышит, замолкает и мышь и что мышь – это его болезнь. Когда он переворачивался на спину, он видел над собой верхнее отверстие юрты, похожее на колесо. Там медленно проплывали тучи, и раз он заметил, как высоко в небе пролетел едва видный косяк журавлей. Доносилось их далекое курлыканье, зовущее вдаль, в новые, невиданные земли…

Ян не успел к сроку, в феврале 1935 года рукопись была готова только наполовину. В ночь на 1 марта ему снова приснился потрясатель вселенной:

Я был вчера в объятьях Чингиз-хана,
Он мне хотел сломать спинной хребет!

Но человек – игра и радостей и бед,
И светится еще звезда Софэра-Яна!

Странствующий философ – непременный персонаж сочинений Яна. В «Огнях на курганах» это китайский купец Цен Цзы. Будучи не при власти, подчиняясь силе, которой не может противостоять, он поступает подобно гибкой ветке под снегом из притчи – наклоняясь, та сбрасывает тяжесть. Не обманывая никого и не предавая, он наблюдает за происходящим, чтобы при случае подать руку нуждающемуся. С первых же страниц новой повести читатель знакомится с дервишем Хаджи Рахимом. Дервиш спасает от смерти в пустыне купца – тайного агента монгольского владыки. После падения Хорезма купец становится советником наместника Чингиз-хана, делает Хаджи Рахима писцом своей канцелярии, а затем посылает к Джучи-хану, которому понадобился ученый мирза для воспитания наследника. Чувствуя отвращение к завоевателям, но и понимая, что мощь их пока неодолима, дервиш отправляется в путь. Быть наставником юного Бату – это возможность вложить в его сознание хоть какое-то понимание справедливости. Нет, Хаджи Рахим не покорен, это смелость мудреца, следующего велению совести. «Пристальным, мрачным взглядом уставился Джучи-хан на дервиша и спросил: – Почему так поздно? – Я находился в осажденном городе Гургандже. – Значит, ты заодно с моими врагами? – Да, я как лекарь помогал раненым…».

«Всю ночь меня захватывала сказка, я видел перед глазами сцены, толпу людей, их ссоры, мольбы, слезы…» (запись в рабочей тетради Яна). «Я весь полон одним: Туркестаном, Монголией, Китаем и вместе со своими героями путешествую по равнинам Азии. Я очень хочу внезапно приехать в Туркестан, побывать на путях движения полчищ Чингиз-хана… Хочу окунуться в пеструю восточную толпу…» (запись в дневнике от 16 марта 1935 года).

Как две огромные черные змеи, проспавшие зиму, выползают из-под корней старого платана на поляну и, отогревшись в лучах весеннего солнца, скользят по тропинкам, то соприкасаясь, то снова разделяясь, и внушают ужас убегающим зверям и кружащимся над ними с криками птицам, так и монгольские тумены, то растягиваясь длинными ремнями, то собираясь вместе шумным и пестрым скопищем коней, топтали поля вокруг объятых страхом городов и направлялись на запад. По велению кагана они искали край вселенной. На берегу неведомого моря ведший их Субудай-багатур с удивлением смотрел на серое

беспокойное пространство, где и вода, и ветер, и рыбы были совсем иными, чем в голубых озерах монгольской степи. У речки Калке монголы сразились с войском урусов. Утром следующего дня, совершив моление солнцу, монголы повернули обратно. Они гнали гурты скота и ободранных, изможденных пленных. Субудай вез в торбе голову киевского князя Мстислава, стальной шлем и нагрудный золотой крест. Его покрытое шрамами лицо кривилось в подобие улыбки при мысли, что он положит свою драгоценную ношу перед троном Чингиз-хана непобедимого. Монголы направились на северо-восток, к реке Итиль, и далее к равнинам Хорезма. Они исчезли так же внезапно и непонятно, как пришли…

12 июня 1935 года Ян поставил последнюю точку: «Останется ли жить моя повесть?».

Редактор «Молодой гвардии» – уже другое ответственное лицо – рукопись отвергла, сославшись на множество неточностей. «Я стал возражать, что исторических неточностей нет, но это было бесполезно. Катастрофа, т.к. платить не будут… В душе ад и отчаяние… Я не хочу никого видеть, хочу уйти от людей. Был бы счастлив брести по беспредельной степи, на бодром коне, как делал когда-то. Барахтаюсь в „Чингиз-хане“, переделываю, заменяю главы новыми…».

В августе Ян отдал в издательство переработанную повесть, приложив рецензию от авторитетного тюрколога Гордлевского. Однажды ночью он внезапно проснулся и быстро набросал план повести «Батый» – продолжения «Чингиз-хана». Заявку подал в Детгиз. Вновь погрузился в книги: читал «Сказание о разорении Киева», «Повесть о разорении Рязани» и «Галицко-Волынскую летопись» в Ленинской библиотеке, отмечал закладками страницы в «Летописце Новгородском» и «Псковской летописи» – собственных фолиантах, изданных в первой половине XIX века и купленных, несмотря на жесточайшую экономию.

«Молодая гвардия» опять ответила отказом. «Я отчаянно защищался и нападал. И вышел от них, полный отчаяния…». Ян отнес рукопись «Советскому писателю». В феврале 1936 года и там получил отказ. Детгиз принял рукопись «Батыя», но отложил подписание договора до осени, потом до весны, затем на неопределенный срок.

Нигде ничего внятного не говорили. Ян не мог понять, почему. Что он делает не так? Вот газета «Правда» от 29 января 1936 года. Вот речь секретаря ЦК ВКП (б) товарища Андреева на совещании по детской литературе при ЦК ВЛКСМ: «Надо все дело поставить таким образом, чтобы 1936 год был бы переломным годом в создании хорошей советской детской

литературы. Мы обязаны и можем создать всестороннюю, хорошую и увлекательную литературу для наших детей!». Однако вопрос заключался в том, какие темы считать подходящими для социалистического воспитания. В области истории, по мнению секретаря ЦК ВКП (б), очень богатая тема для творчества – что было и что стало с нашей страной, чего у нас не было и что теперь есть. То есть недавнее прошлое. О том же говорил и первый секретарь ЦК ВЛКСМ товарищ Косарев («Молодая гвардия» была подотчетна ЦК комсомола): детская книга должна рассказывать классовую правду о жизни, об исторических событиях и людях прошлых поколений. Или приоткрывать перед взором юного читателя завесу светлого будущего. Повести Яна, даже «Батый» с рассказом о героическом прошлом Руси («хочу, – ставил себе задачу автор, – чтобы от книги веяло бодростью: русские не пали духом, а затаили в себе нетленные искры упорства, которые ярко вспыхнут победой на Куликовом поле»), не очень-то вписывались в заданные каноны.

Василий Григорьевич подрабатывал в секции культуры Моссовета, выезжая на ревизии городских библиотек или читая лекции в заводских кружках. Одновременно он переделывал, точнее, улучшал «Батыя». «Молодая гвардия» вроде бы согласилась печатать «Чингиз-хана», но в мае 1937 года снова отказала, пообещав, правда, выплатить гонорар за работу. Ян обратился в «Жургазобъединение», выпускавшее серию «Исторические романы». Ему удалось попасть на совещание редакторов, и он применил всю свою дипломатичность: «Необходимы романы, которые по-новому осветили бы исторические узлы. Подавляющее большинство иностранных романов по своей идеологии, тенденциозности, неверной трактовке событий не годятся для перепечатывания…».

Запись в дневнике от 16.IX.37: «Длинная беседа с Курской… Рукопись принимается… Но она предлагает ее разбить на две и прибавить «Батыя», чтобы вышла трилогия» (Анна Курская – редактор «Жургазобъединения», старавшаяся в меру своих сил помочь Яну). «Курская сказала, что получена благоприятная рецензия ученого из Исторического музея: «ценный труд, отвечающий современным требованиям исторической науки, желательно напечатать. С.В.Киселев» (22.XI.37).

Яна пригласил на беседу главный редактор серии Александр Тихонов. Опытный книгоиздатель вынес вердикт: «Чингиз-хан» – повесть оригинальная, но не стоит на той же высоте, что романы крупнейших европейских и советских авторов, печатающиеся в серии [15]. Тихонов предложил Яну соавтора или редактора-консультанта, чтобы доработать книгу. Василий Григорьевич

отказался. В начале 1938 года он предложил рукопись журналу «Новый мир» – и там тоже получил отказ. «Эти дни я в отчаянии, – записал он в дневнике. – У меня создалось впечатление, что крепко спавший два года (или более?) Чингиз-хан стал ворочаться и глухо зарычал!.. А что из этого выйдет, кто может сказать?».

Знал ли Ян в тот момент, что брат Митя вновь арестован, и теперь по самому тяжкому обвинению?

***

1937 год начался с процесса «Антисоветского троцкистского центра». Это было первое дело нового наркома внутренних дел Николая Ежова. Возглавляя комиссию партийного контроля при ЦК ВКП (б), он готовил предыдущий процесс «Объединенного троцкистско-зиновьевского центра» вместе с наркомом Ягодой. Тогда, в августе 1936 года судили Зиновьева, Каменева и еще нескольких старых большевиков. Все они обвинялись в подготовке – по наущению высланного из СССР Троцкого – злодейского убийства Кирова и покушений на Сталина, Кагановича, Жданова и других руководителей партии и правительства. Протоколы заседаний Военной коллегии Верховного суда СССР печатались в газетах. Подсудимые признавали свою вину, рассказывали о предательской деятельности, и это вызывало ужас и потрясение в умах советских граждан.

«Весь народ единодушно требовал их смерти, – верил комсомолец-старшеклассник Давид Кауфман (Самойлов), друживший с Мишей Янчевецким. – Связи изменников с гестапо и Гитлером и нечистые методы их борьбы, полная беспринципность внушают презрение всем, даже врагам. Как позорно они признавались, как гадко каялись!.. Троцкий стер свои революционные заслуги сапогом грязной своей подлости. Раньше я считал его жертвой партийной распри, теперь он для меня политический авантюрист – не более. В такие моменты чувствуешь силу и гениальность Сталина…» [16].

Достижения Ягоды на этом закончились. Вскоре его лишили поста наркома, потом исключили из ЦК ВКП (б) и партии вообще. Потом создателя ГУЛАГа арестуют и самого посадят на скамью подсудимых вместе с Рыковым, Бухариным, Крестинским – очередными предателями из числа старых большевиков. Но этот процесс состоится в 1938 году.

А в январе 1937-го главными подсудимыми стали: Пятаков –

бывший замнаркома тяжелой промышленности, один из авторов первого пятилетнего плана; Серебряков – бывший начальник Центрального управления шоссейных дорог; Сокольников – бывший замнаркома лесной промышленности, первый нарком финансов СССР; Радек – знаменитый журналист и деятель Коминтерна. Речь шла о разоблачении разветвленного подполья, занимавшегося шпионажем, организацией вредительских, диверсионных и террористических актов с целью свержения советской власти. Как выяснилось, это подполье стояло за всеми трагическими авариями и катастрофами в советской промышленности и на транспорте последних лет.

«Рабочие, колхозники, интеллигенция – весь советский народ на многочисленных митингах, идущих сейчас по стране, выражает свой гнев и презрение к троцкистским убийцам. В тысячах резолюций трудящиеся требуют стереть с лица земли подлых изменников родины», – сообщала «Правда», заполняя такими письмами целые страницы из номера в номер [17]. «Сговорившись с дипломатами и генеральными штабами некоторых агрессивных империалистических государств, презренная кучка человеческих выродков продавала нашу социалистическую родину… Стремясь подорвать военную и хозяйственную мощь великой страны социализма, презренная кучка реставраторов капитализма пыталась облегчить фашистам осуществить свои замыслы о захвате территории СССР… Они мечтали о закабалении советского народа… Мы требуем от нашего Советского Суда беспощадной расправы с подлыми предателями!». Это письмо опубликовали виднейшие академики во главе с президентом АН СССР Владимиром Комаровым [18].

Тринадцать подсудимых приговорили к смертной казни. Разумеется, НКВД на этом не остановился – ведь ликвидировали только верхушку антисоветского подполья. «Пока есть капиталистическое окружение, – напоминал Сталин, – будут и вредители, диверсанты, шпионы, террористы, засылаемые в Советский Союз» [19]. В любом учреждении, любой организации может скрываться враг – от ЦК комсомола и Генерального штаба РККА и самого НКВД до столовых и сберкасс.

Люди в синих фуражках с краповым околышем заглядывали и в Столовый переулок. В соседней с Янчевецкими квартире №15 арестовали слесаря артели «Металлоремонт» Волкова. В соседнем подъезде – снабженца «Мособщепитторга» Лисютина. В соседнем доме – преподавателя иностранных языков в Большом театре Янковскую [20].

Книжные издательства находились под пристальным оком госбезопасности. В августе 1937 года забрали директоров

«Молодой гвардии» Ефима Лещинера и «Жургазобъединения» Софью Прокофьеву. Накануне нового 1938 года – директора Детгиза Григория Цыпина. Никто из них в свои кабинеты не вернулся.

«Наивные люди думают, что с капиталистическим окружением нам приходится иметь дело лишь на рубежах Советского Союза или в пограничных пунктах, или, наконец, в крупных промышленных центрах, в больших городах, – разъяснял замнаркома внутренних дел Леонид Заковский (его брошюра „Шпионов, диверсантов и вредителей уничтожим до конца!“ была издана тиражом 500 000 экземпляров). – Между тем фашистские разведки, как показывают многочисленные факты, засылают своих разведчиков и в самые отдаленные районы, местечки, села и колхозы нашей страны».

Дмитрия Янчевецкого арестовали 3 ноября 1937 года. Вернувшись из Москвы в Кострому в сентябре 1934 года, он преподавал немецкий язык на курсах для командного состава при Доме Красной армии, служил учителем в школе, преподавателем иностранных языков в Текстильном техникуме. В июле-декабре 1936 года жил в Москве, устроившись преподавателем языков во Всероссийском обществе охраны природы и Главном управлении милиции НКВД СССР. С января 1937 года – переводчик по найму в городе Кострома. Бывшая жена приезжала к нему из Кирова повидаться. «Он видно много страдал в последний год своей жизни в Костроме: похудел, плохо зарабатывал, – вспоминала Александра Огнева. – Обручальное кольцо носил на среднем пальце, чтобы не свалилось…».

В Костромском райотделе НКВД Янчевецкому припомнили ростовское прошлое – работу председателем местного комитета американской благотворительной организации ARA. «В 1922 году был завербован американскими разведорганами и являлся шпионом американской разведки; вел разведывательную работу в СССР, собирал секретные материалы о каменноугольной и нефтяной промышленности СССР, получал за собранную информацию денежные вознаграждения…». Кроме того, чекисты установили: «На протяжении 1935—37 гг. среди окружающих проводил активную фашистскую агитацию. Делал к. р. выпады по отношению вождя Партии, восхвалял Тухачевского и других троцкистских бандитов…» [21].

В начале сентября 1938 года начальник 1-го специального отдела НКВД СССР Шапиро подготовил список лиц по Ярославской области, подлежащих суду Военной коллегии Верховного суда СССР. В разделе «1 категория» (расстрел) под №182 значился Янчевецкий Дмитрий Григорьевич. Согласно

принятой процедуре, список завизировали генеральный секретарь и члены Политбюро ЦК ВКП (б) – Сталин, Молотов, Жданов [22].

Бюрократическая машина НКВД не поспевала за реальностью. Дмитрий Янчевецкий умер 28 августа 1938 года в больнице тюрьмы №1 города Ярославля. В справке, подшитой к следственному делу, причиной смерти назван декомпенсированный миокардит. Тяжелая и не поддающаяся лечению сердечная недостаточность. Дмитрий Григорьевич не был глубоким стариком – в тюрьме ему исполнилось 65 лет. Но представьте себе, что чувствовал человек, побывавший на двух азиатских войнах, объехавший полмира, сидевший в австрийской тюрьме, переживший гражданскую войну, узнавший, что такое советский исправительный лагерь, из которого теперь делали шпиона-предателя…

Нет никаких данных о том, когда Василию Яну стало известно об аресте брата. Вряд ли он что-то смог выяснить о причинах. Только в 1943-м он узнает о смерти Мити – якобы в том же году. Изощренное сокрытие правды в то время не было редкостью: родственникам казненных по 58-й статье УК РСФСР сообщали о приговоре «10 лет лишения свободы без права переписки». Младшего брата писателя Льва Кассиля – тоже писателя и литературного критика Иосифа Кассиля расстреляли как участника диверсионно-вредительской организации в январе 1938 года. Лишь спустя шесть лет семью известили о смерти осужденного якобы в лагере под Норильском [23].

Люди жили надеждой. Вероятно, и Ян – тоже. Освободили же Николашу, отсидевшего год – с октября 1937-го по ноябрь 1938-го – в следственной тюрьме НКВД по подозрению в троцкизме и вредительстве. Можаровский отработал на Кавказе начальником участка на строительстве ГЭС, перевелся на другой объект и вскоре был арестован по доносу прежнего начальства. Сигнал в итоге признали клеветой, дело закрыли. На Лубянке менялся хозяин: власть забирал, маховик репрессий ослаблял первый замнаркома внутренних дел Берия. Вскоре он сменит грозного Ежова и начнет кампанию по пересмотру следственных дел – на свободу выйдут многие тысячи арестованных и осужденных по 58-й статье. Те, кто не знал о гибели близких, будут надеяться…

И вот что еще осталось неизвестным Яну. В следственном деле Дмитрия Янчевецкого отмечено: установлены подозрительные связи с родственниками, живущими в Польше, Франции и Америке; в Москве проживает брат – Янчевецкий Василий Григорьевич. Ничто не мешало работникам ярославского УНКВД дать сигнал коллегам из Москвы. Но ни у кого не нашлось

то ли времени, то ли желания. А со смертью арестованного закрылось и дело.

***

Невероятное случается. Каким-то образом «Чингиз-хан» попал в руки Иосифа Минца – заведующего кафедрой истории народов СССР в Высшей школе пропагандистов при ЦК ВКП (б), члена редколлегии «Исторических романов». «От его последнего слова зависела судьба рукописи – будет ли она опубликована или нет», – переживал Василий Ян.

Минц предложил встретиться и поговорить. 10 июня 1938 года в три часа дня Ян открыл дверь его кабинета. «Разговор начался в таких тонах, что я думал: «Дело кончено! Книга погибла!». Минц: «Теперь неудобно говорить о татарах в таких тонах. По вашему выходит, что татары – это было передовое общество того времени. Такую книгу печатать нельзя». Я сидел за столом и, разложив листки бумаги, записывал, оставаясь совершенно каменным, спокойным. Я сказал: «Мне жаль, если книга производит такое впечатление. Я хотел по возможности быть правдивым… Нельзя татар изобразить только дикими зверями. Надо их показывать живыми людьми, со всеми страстями, положительными и отрицательными… Сильными, разносторонними противниками» [24].

Почему «теперь неудобно»? Может, Минц намекал на международную обстановку: Япония, претендующая на господство в Восточной Азии, шла как бы по стопам Чингиз-хана – развязала войну в Китае, покушалась на советские границы. Но, вероятнее, дело было в исторической концепции, принятой в 1937 году для преподавания в школах. Текст первого единого учебника истории СССР, победившего на конкурсе ЦК ВКП (б), редактировал сам Сталин [25]. Отношения Золотой Орды и русских княжеств назывались в учебнике татаро-монгольским игом. Иго – это вражеское влияние, а к врагам не может быть иного внимания, кроме ненависти. С другой стороны, Чингиз-хан именовался «талантливым полководцем». И Минц хорошо помнил рекомендации Сталина, напечатанные в «Правде» в январе 1936 года: «Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР, – это, во-первых, и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и вообще мировой истории, – это, во-вторых» [26].

В «Чингиз-хане» Яна отражалась и мировая история, и стародавняя история советской Средней Азии. «В общем, рукопись мне понравилась, – перешел Минц на позитивный тон. – Поэтому я прочел ее быстро, в два дня… Книга необходима. Она заполняет большой исторический пробел. Сразу видишь перед глазами всю эпоху». Завкафедрой Высшей школы пропагандистов рекомендовал дополнить рукопись бытовыми сценами, показывающими «картину ужаса, нависшего над культурным миром», и еще рассказать о предшествовавшей монгольскому нашествию борьбе русских князей со степняками и сознании новой опасности, идущей с востока – «это сделает книгу актуальной».

«Мы еще немного обменялись мнениями о „Батые“… От Минца я поехал в „Жургазобъединение“, где беседовал с Тихоновым. Я рассказал ему подробно беседу с Минцем, а он заглядывал одним глазом в бумажку, по которой я ему передавал, чтобы проверить, не сочиняю ли я. Тихонов сказал, что на днях заключит со мной договор, что теперь „хозяин“ уже Гослитиздат… Сказал он это, конечно, под влиянием отзыва Минца, который знал уже ранее до встречи с ним…» [27].

22 августа, закончив с правками и перепечатав на машинке рукопись набело, Ян отнес «Чингиз-хана» в издательство. «Все боюсь поверить, что книга будет напечатана, – записал он по возвращении в дневнике. – Ведь это сохранится бессмертная сторона моего „я“… Все истлеет, забудется, исчезнет, а книга будет жить, и сохранятся образы Чингиз-хана, Субудая, Хаджи-Рахима и других героев… Я рукописью еще недоволен и мог бы ее перерабатывать несколько месяцев, но я решил категорически передать ее и пусть она идет в мир корявой, как идут корявые люди – и ничего! Успевают, побеждают и даже бывают любимы!».

В честь литературной победы мужа Мария Янчевецкая сочинила стихотворение:

Храня обычай жизни светской
(Учтив, улыбка на устах),
Ты – Ян, но ты ж и Янчевецкий
В групкоме, прозе и стихах.

Но, возлюбив свою химеру,
Сменив пальто на епанчу,
Меняешь разом – чуства, веру
И даже имя – на Ян-чу.

Мечтатель тонкий и лукавый,

Мечту сумевший воплотить,
Пиши для счастья и для славы,
Живи, чтоб верить и любить [28].

В «Молодой гвардии» засуетились и предложили Яну выпустить повесть еще и в серии «Жизнь замечательных людей». «Поздно вечером мне звонили из „Молодой гвардии“, что профессор С.В.Бахрушин прислал очень хороший отзыв: „Прекрасный восточный язык, а не выкрутасы, правильно показан Чингиз-хан“ и пр.». С параллельным изданием что-то не сложилось, зато Гослитиздат договорился с Василием Григорьевичем о переделке «Батыя» в роман для взрослых читателей.

Профессор Сергей Киселев, подготовивший для «Чингиз-хана» вступительную статью, расставил нужные акценты: «Роман заполняет тот зияющий пробел, который существует не только в художественной, но и научной литературе, не имеющей советской книги о Чингизе и завоеваниях монголов. Автор делает это с большим знанием истории и с полным уважением к исторической правде… Читатель воочию увидит в романе В. Яна все ужасы монгольского нашествия, как смерч пронесшегося по культурному миру, и так же его топтавшего, как топчут его теперь новые варвары в своем безумном стремлении задержать ход истории и обеспечить самураям и фашистам капитала еще немного последних минут».

30 декабря 1938 года Ян увидел долгожданную верстку. «Пришла старушка Кукорина из редакции „Исторических романов“ и бросила на стол пачку узких листов – это были все гранки полностью моего романа „Чингиз-хан“. Не верилось, что мои фантазии, мои образы, витавшие только в воображении, теперь печатными буквами увековечены в типографии и будут уже сохранены для читателей, библиотек, для капризного потомства». 31 декабря Ян провел в работе над корректурами книги. «Ночью мы вдвоем с Макой встретили Новый год… Мы шутили, вспоминали, мечтали…» [29].

***

На первомайских праздниках 1939 года едва ли не все москвичи обсуждали героический беспосадочный рейс советских летчиков из Москвы через Атлантику в Северную Америку. А какая грандиозная демонстрация состоялась на Красной

площади! Миллион восемьсот тысяч человек прошли в праздничных колоннах, и над ними пронеслись свыше 600 самолетов – символы мощи страны победившего социализма.

Как раз после майских торжеств на полках библиотек и магазинов советской столицы появилась новая книга: «Василий Ян. Чингиз-хан. Повесть из жизни старой Азии (XIII век)». «Читатель, салям! Сокол в небе бессилен без крыльев. Человек на земле немощен без коня. Все, что ни случается, имеет свою причину, начало веревки влечет за собой конец ее…». Знакомые Яну и его друзьям библиотекари и работники торговли говорили, что повесть пользуется небывалым успехом. Яну пересказали, как президент Академии наук СССР Комаров пришел на заседание с томиком, торчащим из кармана пиджака: «Стал читать «Чингиз-хана» и не могу оторваться…».

Первый авторский экземпляр писатель подарил жене: «Моему дорогому прелестному другу Маке с глубокой признательностью за неумолимую критику и беззаветную поддержку при создании этой книги».

«Мне приходилось много рыться в книгах на стеллажах массовых библиотек разных городов нашей страны, и всегда меня удивляла внешность немногих сохранившихся экземпляров первого издания «Чингиз-хана», – рассказывал Лев Разгон в своем литературно-биографическом очерке о Яне.

Титульная страница первого издания «Чингиз-хана» с дарственной надписью жене – «дорогому прелестному другу» (из фондов РНБ).

– Никогда я не видел книгу В. Яна блещущей той первозданной чистотой, которая говорит, что книги не касалась или почти не касалась читательская рука. «Чингиз-хан» носил иногда тяжкие, но всегда почетные следы читательского

внимания».

Как вспоминал Михаил Янчевецкий, «отец с Макой строили планы один фантастичней другого. Отец мечтал путешествовать по пескам Каракумов. У Маки были более скромные желания – избавиться от долгов и заняться поправкой здоровья. Они мечтали о поездке в следующем году к морю…». Оставалось только переждать осень и зиму. Ян занимался «Батыем» по новому плану: «Каждая глава уже имеет готовые «вехи», сигнальные «огни на курганах», которые будут, как кружево, оплетать интересными деталями и ситуациями основную линию фабулы романа».

Он словно позабыл, что потрясатель вселенной дважды боролся с ним, пусть и во сне – за желание быть правдивым. Над столом Яна висел собственноручно нарисованный портрет Чингиз-хана. Великий каган пристально наблюдал за своим биографом. Во взоре читалась не злость, не угроза, но воля и знание: «Ты помнишь, что человек – игра и радостей, и бед? Не ты ли сам написал об этом?».

Ночью в первый день декабря Василий Григорьевич постучался в дверь квартиры, где проживал сын со своей семьей. «Упав ко мне на грудь, отец смог только прошептать сквозь слезы: „Маки… больше… нет!..“. Мака погибла от несчастного случая в ренгеновском кабинете зубоврачебной клиники: аппарат был неисправен, ее „спалила молния“ – убил ток».

«Она не была хороша собой. Но ум, энергия, доброта выражались в ее лице, придавая ему особую привлекательность, – отметил в мемуарах Давид Самойлов. – Она твердо верила в писательское призвание Яна… Была вдохновительницей, опорой, первой советчицей» [30].

«Я с ней прожил в необычайной дружбе, никогда не омрачавшейся, тридцать лет. Я не могу понять, где она? – мучился Василий Янчевецкий. – Каждый день, в условный час, я слышал, как тихо отворялась дверь из коридора в соседней комнате и звучал ее тихий голос: „Это я!“. Теперь в этих комнатах осталась только ее тень, которая иногда скользит по стене. Скоро и теней не будет…» [31].

Нет, оставались еще воображение и чистые листы бумаги для работы.

…Яростно сопротивлялись непокорные урусуты. Но монголы сильнее всех. Бату-хан внимательно осмотрел мертвецов, осторожно тронул пальцем полузакрытые глава Евпатия.

– Храбрые воины, большие багатуры. Если бы они были живы, я хотел бы иметь их против моего сердца… Мои воины должны учиться у них! Воздадим им воинский почет!

Тогда непобедимый Субудай-багатур, знатные темники и нукеры вынули блестящие мечи, подняли их над головой и трижды прокричали: «Кху! Кху! Кху!»…

«Я видел смерть вокруг себя, – думал Хаджи-Рахим. – Копье, меч и стрелы пока меня пощадили. Но я знаю, что острие несчастья продолжает висеть надо мной и поразит в тот миг, когда я менее всего буду ждать его». Бесшумными шагами он подошел к урусутам. Сделал приветственный знак, приложив руку к груди, к устам и ко лбу.

– Крестится по-ихнему! – сказал чей-то голос. – Кто такой?

– Знахарь татарский, – отвечал другой. – Всех без отказу лечит, что своих, что наших.

Хаджи-Рахим поднял руку. Его черные глаза блестели, отражая огоньки костра. Он говорил горячо, вставляя русские слова. «Вишь, чего! И не понять – ученый», – зашептали женщины. А знахарь повторил тот же жест и медленными шагами удалился в темноту…

В феврале 1940 года Ян отнес «Батыя» в Гослитиздат. Когда решение о публикации было принято, сын сделал иллюстрации для романа. Попытки стать писателем Михаил Янчевецкий оставил, хотя в 1938 году поступил в Литературный институт, учился на кафедре литературного мастерства, работая притом художником в Мосгоркино. Но через год началась война с Финляндией, Мишу призвали как младшего командира запаса, вернулся он живым и здоровым, но образование продолжил в Московском военно-инженерном училище. Женя Янчевецкая, напротив, успешно окончила Литинститут, получила диплом переводчика и стала аспиранткой ГИТИСа.

А Василий Григорьевич жил в одиночестве и спасался работой в хижине дервиша, как называл он свою квартиру в Столовом переулке. «Не позволяй никому набросить на тебя петлю, – доверялся он дневнику. – Иногда самые нежные фарфоровые руки принадлежат бухгалтерской голове. Будь совершенно независим, оставайся в плеяде тех пленительных образов прошлого, которыми восхищаются читатели…».

…Когда верблюды добрались до высокого берега, послышались возгласы: «Вот она, великая река Итиль!». Тогда Бату-хан, сбросив одеяло, с юношеской ловкостью вскочил и поставил колено на спину верблюда. Он жадно всматривался в туманную даль и долго глядел на блиставший нарядными красками сказочный дворец на острове, выстроенный по его приказу на развалинах древнего города. На кружевной башенке дворца развевалось девятихвостое знамя джихангира. «Коня мне!» – закричал Бату-хан…

Ян начал третью книгу об эпохе монгольских походов. Воодушевленный, он написал на обложке рабочего блокнота: «Да живе гарна дивчина! „Кобзарь“ Шевченко». Рабочее название романа – «Александр Новгородский (Невский) и Золотая Орда» [32]. Ян задумал свести на его страницах темную и светлую силу – хана Батыя, пошедшего войной на Европу «к последнему морю», во исполнение завета своего великого деда, и князя Александра Ярославича, мирящегося с Ордой ради спокойствия Руси и победы в войне с тевтонцами.

«Я все время разрабатываю схему романа. И, заодно, пишу отдельные главы» (дневник, 10.II.40). «С утра занимаюсь биографией Александра Невского. Загадочная личность для начала XIII века. В сражении на Неве с Биргером – ему было 20 лет! А он руководил небольшой новгородской дружиной и сделал такое стремительное наступление, что разметал соединенное войско шведов и финнов… Затем было его великолепное Ледовое побоище, где он татарским приемом заманил немецких рыцарей на лед и растрепал их в пух! Ведь таков был только Александр Македонский!» (13.III.1940). «Утром говорил с Чагиным [директором Гослитиздата]. Рассказал ему, как я предполагаю написать III книгу трилогии» (17.IV.40). «Чагин обещал в мае заключить договор на III книгу… Не верится, что в результате кропотливой, ежедневной работы уже готовы две первые книги трилогии» (7.V.40). «Пока во мне еще кипят силы и видят глаза, я хочу создать все, что смогу, что грезится, что волнует» (1.VIII.40). Но прошло лето, которое Ян провел почти в лесу – на арендованной даче в Лосинке, выезжая в Москву раз в неделю – посидеть в Ленинской библиотеке. Что-то в творчестве пошло не так. «На душе у меня адская тоска! Я старею, глаза и общие силы слабеют, но некоторые части моего „я“ остаются нетленными и юными: 1. Любовь к красоте – внешней и внутренней (красота поступков, благородство подвигов). 2. Любовь к родине. 3. Чувство гордости и собственного достоинства. 4. Любовь к приключениям, созданиям необычайной сказки. 5. Фантазия…» (31.X.40) [33].

А беда будто шла по пятам за семьей Янчевецких. Вновь арестовали Николая Можаровского, служившего в Главном управлении химической промышленности РСФСР. НКВД не оставляло вниманием эту отрасль с тех пор, как в 1937 году был осужден и расстрелян начальник Главхимпрома СССР. Нина Викторовна, супруга Николаши, не могла сказать хоть что-то определенное о муже – почему, за что? [34]. Василию Григорьевичу оставалось одно – забываться в работе.

…Солнце, багровое и негреющее, виднелось между

засыпанным снегом деревьями; розовые лучи скользили по голубоватым сугробам снега. Князь Александр остановился возле толстой вековой сосны. Здесь поджидал с луком за плечами, опираясь на рогатину, старый охотник. Он молча указал рукой в сторону, где лежали упавшие во время бурелома деревья. Александр внимательно всматривался туда, отыскивая признаки зверя…

«Хочется в роман ввести самую необузданную фантазию, необычайные положения, заговоры, погони, демонические характеры, сильные страсти» (15.II.41). «В 9 часов утра таинственный голос вызвал меня в МК ВКП (б). Был там в 12 ч. дня ровно. Имел исключительно глубокую, интересную беседу с А.С.Щербаковым, отв. секретарем МК, членом Политбюро. Обсуждали план III книги трилогии… Я описывал Александра Невского как огромного русского патриота, дипломата дальнего прицела…» (22.IV.41).

Ян немножко напутал – Александр Щербаков был первым секретарем МК ВКП (б) и кандидатом в члены Политбюро. Встреча с ним означала поддержку на высшем уровне. Опытный большевик-управленец, курировавший советскую литературу, прекрасно понимал, насколько ко времени такая книга – как в связи с внешнеполитической обстановкой (условная дружба СССР и гитлеровской Германии трещала по швам), так и внутренними настроениями, симпатиями Вождя. В марте 1941 года состоялось первое присуждение Сталинских премий в области литературы и искусства. Наград первой степени удостоились десять кинорежиссеров, среди них – Эйзенштейн за «Александра Невского» [35].

В начале мая 1941 года Детгиз решил издать «книгой-молнией» «Нашествие Батыя» – сокращенный вариант второго романа трилогии, уже подготовленный Яном. 15 июня автор получил в издательстве первые экземпляры «Нашествия». В Гослитиздате ушла в набор рукопись «Батыя». «Что принесет эта книга? – волновался Ян. – Точно прыгнул со скалы вниз, в пенящуюся пучину моря. Выплыву ли? Вынырну и выберусь на берег? Страшно выступать перед миллионной массой новых читателей…».

Но дальше была война. Самая жестокая война всех времен и народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.100, л.9—23.

2. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.10. Записи в тетради с надписью «Александр Двурогий в Средней Азии» (материалы к повести об Александре Македонском Ян собирал в 1929—1930 годах).

3. Л.Э.Разгон. В. Ян. Критико-библиографический очерк. – М., 1969. Стр. 62. Лев Разгон в 1931—33 годах работал редактором в издательстве «Молодая гвардия».

4. Здесь и далее сведения о М. Янчевецком, Н. Можаровском и Е. Можаровской, за исключением отдельных ссылок – из материалов, хранящихся в РГАЛИ (соответственно: ф.632, оп.1, д.2572; ф.2237, оп.1, д.8, оп.2, д.672; ф.632, оп.1, д.1945).

5. РГАЛИ, ф.2237, оп.1, д.34. Письмо от 20.01.1936. Н. Можаровский в то время работал в Дагестане на строительстве плотины Гергебильской ГЭС.

6. С. Потемкина. «Спартак»: у истоков создания либретто. / «Театр. Живопись. Кино. Музыка». Ежеквартальный альманах. №3, 2008.

7. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.21. Некоторые моменты в наброске содержания романа не соответствуют реальной биографии Энвера, что понятно – достоверных сведений о бывшем председателе Общества единства революции с исламом в СССР не публиковали.

8. Д. С. Самойлов. За третьим перевалом. – СПб, 1998. Стр.8.

9. М.В.Янчевецкий. Писатель-историк Василий Ян. Стр. 100.

10. Д.С.Самойлов. Памятные записки. – М., 1995. Стр. 61. Александр Шапиро, окончив медицинский институт, работал врачом-рентгенологом; в 1960-е сочинял под псевдонимом Свирин детские приключенческо-познавательные книги (серия «Книга знаний»).

11. М.В.Янчевецкий. Писатель-историк Василий Ян. Стр. 100—101.

12. Здесь и далее сведения о Д. Янчевецком, за исключением отдельных ссылок – из архивно-следственного дела, хранящегося в Государственном архиве новейшей истории Костромской области (ф. Р-3656, оп.2, д.1443). Автор использовал также сведения из писем С. Концевич и А. Огневой В. Янчевецкому (РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.212, 240)

13. Данный рассказ – домысел, основанный на документальном материале. О Дмитрии Янчевецком упоминают в мемуарах академик Дмитрий Лихачев (На Соловках. / Книга беспокойств. – М.,1999) и архимандрит Феодосий (Мои воспоминания. Записки соловецкого узника. – М.,1997). Для описания лагерной жизни использовались также «Воспоминания» Лихачева, опубликованные в 1995 г. (главы «Природа Соловков», «Кримкаб», «Приезд Максима Горького и массовые расстрелы», «Солтеатр»). Выбраны обстоятельства и события, свидетелем которых Янчевецкий был или о чем мог слышать.

14. При публикации в 1939 году «Чингиз-хан» назывался

повестью, в списке лауреатов Сталинской премии – романом. Рассказ о создании «Чингиз-хана» и «Батыя», кроме отдельных ссылок, основан на сведениях из книг: М.В.Янчевецкий. Писатель-историк Василий Ян. Стр.105—125; М.В.Янчевецкий. Комментарии составителя. – В. Ян. Собрание сочинений. Т.3. – М., 1989. Стр. 516—522; Т.К.Лобанова. Исторические романы Василия Яна. – М., 1979. Стр. 28—32, 119—120. Запись от 21.08.1934 цитируется по книге Л. Разгона «В. Ян».

15. Александр Тихонов – первый заведующий издательством «Всемирная литература», созданным Максимом Горьким; в 1930—36 гг. возглавлял издательство Academia. Он не понаслышке знал, что такое внимание органов госбезопасности к литературе. В январе 1925 года, после присоединения «Всемирной литературы» к Ленгизу, Тихонова арестовали по подозрению в антисоветской деятельности; несколько недель он провел в следственной тюрьме ГПУ и был освобожден по ходатайству общества «Помощи политзаключенным», которым руководила Екатерина Пешкова (первая жена Горького). Издание «Исторических романов» затеял Горький незадолго до своей смерти. В 1936—37 годах в серии печатались сочинения таких классиков, как Рафаэлло Джованьоли, Чарльз Кингсли, Болеслав Прус, Анатоль Франс, Лион Фейхтвангер; из советских авторов – Алексей Толстой, Дмитрий Фурманов, Георгий Шторм. В 1936 году «Жургазобъединение» переиздало роман Михаила Джавахишвили «Арсен из Марабды»; в августе 1937 года автора арестовали, осудили и расстреляли как руководителя антисоветской террористической организации грузинских писателей и поэтов.

16. Дневниковая запись от 24.08.1936. / Д.С.Самойлов. Поденные записи. Том 1. – М., 2002.

17. «Правда», 27.01.1937. Процесс проходил 23—30 января.

18. «Рабочая Москва», 27.01.1937.

19. «Правда», 29.03.1937.

20. «Жертвы политического террора в СССР». Электронная база данных, изданная обществом «Мемориал» в 2007 году.

21. Материалы следственного дела в отношении Д.Г.Янчевецкого цитируются по справке, подготовленной Государственным архивом новейшей истории Костромской области.

22. Архив Президента РФ, ф.3, оп.24, д.418, л.36,37,44. Документы впервые опубликованы в сборнике «Сталинские расстрельные списки», изданном обществом «Мемориал» на CD в 2002 году.

23. Иосиф Кассиль заведовал литературным отделом

саратовской газеты «Коммунист» и был секретарем правления областного отделения Союза советских писателей. Обвинительное заключение гласило: «Является активным участником антисоветской террористической диверсионно-вредительской организации… Проводил вредительскую работу на литературном фронте путем протаскивания в литературу антисоветских троцкистских установок и клеветнических измышлений в отношении руководителей ВКП (б) и советского правительства». Но его старшего брата НКВД не тронуло. В 1937—38 годах Лев Кассиль выпустил новые повести – «Вратарь республики» и «Черемыш, брат героя»; в 1939 году награжден орденом «Знак Почета», в 1951 году – Сталинской премией 3-й степени за повесть «Улица младшего сына».

24. Архив Академии наук России, ф.2019, оп.1, д.618, л.2—4. Копия дневниковой записи Яна по итогам встречи сохранилась в архиве И. Минца (выписку сделал и прислал в 1974 году М. Янчевецкий). Авторитет Минца действительно был очень высок. В гражданскую войну и первые годы после ее завершения он служил военным комиссаром ряда дивизий и корпусов РККА, затем окончил историческое отделение Института красной профессуры, руководил кафедрой истории в Коммунистическом университете им. Свердлова и кафедрой ленинизма в Международной ленинской школе. В сентябре 1935 года президиум Коммунистического университета присвоил ему ученую степень доктора исторических наук без защиты диссертации.

25. Макет учебника с правками Сталина, в том числе в главе о монгольских завоеваниях, хранится в РГАСПИ (ф.558, оп.3, д.1584).

26. Замечания по поводу конспекта учебника истории СССР. // «Правда», 27.01.1936. Замечания составлены Сталиным в 1934 году по итогам первого конкурса на школьный учебник истории. Минц руководил одной из авторских групп, участвовавших в том конкурсе. Все варианты были отвергнуты. В феврале 1936 года журнал «Борьба классов», издававшийся при газете «Правда», опубликовал разбор недочетов первых конкурсантов. Насчет учебника группы Минца говорилось: «Изложение фактов гражданской истории сплошь и рядом подменяется „дурной социологией“… И здесь нет истории народов СССР. Авторы ограничивают свое изложение только великорусским народом».

27. Серия «Исторические романы» летом 1938 года перешла в ведение Гослитиздата.

28. Лист со стихотворением, датированным 26 августа

1938 года, Ян вклеил в книгу «Монголо-ойратский героический эпос» (судя по пометкам, он пользовался ею в 1939—47 годах при работе над романом «Батый» и повестью «К последнему морю»). Оригинал автографа предоставлен для цитирования букинистическим магазином Biblionne.

29. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.98. Записи в рабочей тетради с обложкой «Скитания».

30. Д.С.Самойлов. Памятные записки. Стр.65.

31. М.В.Янчевецкий. Указ. соч. Стр.122.

32. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.117. Позже Ян изменит название на «Александр Беспокойный и Золотая Орда»

33. Дневник В. Яна 1940—41 годов цитируется по послесловию, написанному М. Янчевецким по просьбе Воронежского университета для местного переиздания романа «К последнему морю» в 1991 году.

34. Автору не удалось выяснить, когда и на каком основании был повторно арестован и осужден Н. Можаровский. В Главхимпроме РСФСР он работал с января 1939 года. Его личное дело закрыто 4 февраля 1941 года. Сведения об аресте в 1937 году взяты из автобиографии, подшитой к этому делу (ГА РФ, ф.А-53, оп.2, д.56, л.34).

35. «Александр Невский» очень понравился Сталину. На премьере фильма 23 ноября 1938 года в московском Доме кино он назвал Эйзенштейна «хорошим большевиком». «Каждый советский патриот, просмотрев эту картину, еще раз с особенной силой ощутит всю огромную ответственность и одновременно большое счастье быть современником сталинской эпохи», – сообщал журнал «Кино», издаваемый Главным управлением кинематографии при СНК СССР. В первые недели проката картины кинотеатры Москвы и других больших городов не видели такого «наплыва зрителей» со времен «Чапаева» (см.: Ф. Б. Шенк. Александр Невский в русской культурной памяти. – М., 2007).

Глава 9. Сталинская премия

Василий Ян не хотел уезжать из Москвы. Он хотел попасть в народное ополчение и подал заявление в МК ВКП (б). Но Ян давно перешагнул порог возраста, до которого еще брали в ополченцы. Ему ответили: «Перо может быть так же нужно фронту, как и оружие».

21 июля 1941 года Василия Григорьевича Янчевецкого приняли в Союз писателей СССР, выдав билет №3417 [1]. Как член союза, он мог рассчитывать на место в эвакуационном списке. Армии Западного фронта и дивизии народного ополчения не смогли сдержать натиск германской военной махины. 15 октября бои шли уже в ста километрах от Москвы. В тот же день Государственный комитет обороны принял решение об эвакуации из столицы правительственных учреждений, военных управлений и важнейших предприятий. Секретарь СП СССР Александр Фадеев лично следил за отъездом писателей. Как позже докладывал он Сталину, с 14 по 16 октября Москву по спискам союза покинули примерно 500 человек – члены и кандидаты со своими семьями, а также работники аппарата СП [2]. Яна среди них не было.

Михаил Янчевецкий, досрочно выпущенный из училища с петлицами лейтенанта, еле уговорил отца уехать, добыв ему место в эшелоне подшипникового завода. Вечером 22 октября он поднялся на четвертый этаж дома в Столовом переулке. «Отец побледневший, но внешне спокойный, немного походил в дорожном одеянии на того, каким был двадцать лет назад в Сибири. Он был молчалив и рассеян среди свертков и узлов с книгами, рукописями и немногими носильными вещами… Мы проехали по темным и безлюдным улицам; черное небо иногда прорезали голубые лучи прожекторов и прошивали цепочки трассирующих пуль, вспыхивали звезды разрывов зенитных снарядов, и мы вспомнили цепеллин, пролетавший над Бухарестом в 1916 году» [3].

Поезд следовал в Куйбышев. В дороге Ян вел дневник на форзаце и авантитуле старой книги – биографии Овидия, своего любимого античного поэта.

«24/X. Павелец. Много эшелонов пустых на запасном пути… Думаю о Золотой Орде, читаю Овидия. Идем на Ряжск…» [4]. «26/X. Стоим на малых полустанках… Я читаю корректуру «Батыя»…». «29/X. Проснулся в темноте. Находимся в 6 км от Мичуринска… В 10 утра поехали обратно на Ряжск. Пробыли в Ряжске целый день… Высоко в небе как «галочка» летал немецкий самолет-

истребитель. Около него лепились черные дымки наших зениток… Написал целую главу про Каллисфена. Мороз. Все засыпано мелкой снежной пылью» («Смерть Каллисфена» – продолжение «Огней на курганах»; Ян надеялся когда-нибудь вернуться к жизнеописанию Александра Македонского [5]). «30/X. Уже идем по пути на Моршанск, Пензу, Сызрань и Самару… Поезд медленно, но непрерывно движется вперед» (Ян по старинке называл Куйбышев Самарой).

«1/XI. Безнадежно застряли на малом полустанке. Несколько поездов (говорят, везут раненых) и с разобранными станками заводов нас обогнали. Все варят себе щи и чай в степи близ полотна. Я читаю «Разговоры переводчика». 3—4 часа дня. Ст. Башмаково. Все ждут поездов… Полная неизвестность, отсутствие начальства и организованности. Но все притихшие… Один красноармеец говорит: – У немца призваны пацаны по 16 лет. Они летчики или танкисты, прошли обучение. А у нас прислали пополнение пацанов, так бой начался, а они кричат: «Мамонька, ратуй!». «4/XI. Утром стояли в Пензе… Кругом станции толпа, все рвутся на восток, и у всех в глазах страх и отчаяние…». «6/XI. Прибыли в Сызрань… Перед Куйбышевым еще застава и проверка документов… Я сам достаю кипяток из отводной трубки паровоза. А Москва далеко как сон. Около 3 часов дня подъехали к Волге. Какой величественный вид! Открылась грандиозная панорама. Сине-стального цвета вода, тихая, едва рябится. Песчаные острова, на той стороне лиловые леса и над всем этим грозовые тучи, пронизанные лучами солнца… Неужели все это достанется немцу из-за нашей растяпистости, ротозейства и [неразборчиво]?»

Попадись эти строчки на глаза попутчику, не чуравшемуся доносов, Яна могли бы арестовать за высказывание пораженческих настроений. Но почему столь резкие слова? Стремительное наступление немцев по всем фронтам и огромные потери Красной армии вызвали оторопь у советских граждан. Люди помнили, как гитлеровская Германия, злейший враг СССР, после заключения договоров о ненападении и границе стала считаться едва ли не дружественным государством. Помнили сообщение ТАСС, прозвучавшее по радио 13 июня 1941 года и затем напечатанное в газетах: «По данным СССР, Германия неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт лишены всякой почвы». А сколько говорилось о высочайшей бдительности и боеспособности Красной армии!.. «Наше дело правое. Враг будет разбит», – в эти слова хотелось верить, но пока победа

казалась очень далекой.

«7/XI. Ночью переехали мост через Волгу… Я крепко спал… Ночью увидел Маку… Она была веселая, уверенная, в темно-малиновом платье. Я был так рад, что она снова ко мне вернулась, что расплакался и в слезах проснулся, и в окне увидел восход зари». На этом дорожный дневник Яна заканчивается. Утром 7 ноября эшелон добрался до Куйбышева.

***

В запасной столице для автора «Чингиз-хана» и «Батыя» не нашлось дела. «Работающие группы писателей», согласно указанию товарища Щербакова, создали в Казани, Чистополе и Свердловске. А писательский штат Совинформбюро в Куйбышеве был уже укомплектован [6].

Ян написал несколько статей для газеты «Волжская коммуна». Получил продовольственные карточки в местном отделении Союза писателей. Средств на жизнь не хватало, но Василий Григорьевич не мог пересилить себя, когда заходил в книжные магазины. «Нашел II том „Сборника материалов по истории Золотой Орды“. Купил еще Низами. Денег нет, а трачу. Но – для „Золотой Орды“ этот сборник необходим…» [7].

В начале декабря пришла телеграмма от невестки Оксаны: вместе с детьми – девятилетним Феликсом и малышом Мишей – она перебралась из Уфы в Ташкент и теперь бедствует, так и не получив продовольственный аттестат, положенный ей как жене командира. Ян решил ехать выручать семью сына. Он продал кое-какие вещи, выслал деньги, не без труда приобрел билет на поезд. «Нет ничего ужаснее поезда, переполненного до отказа беженцами всех видов», – врезалось ему в память. 19 декабря он добрался до Ташкента; выяснилось, что Оксана переехала в поселок Алмалык.

Янчевецкий поселился в доме на Ульяновской улице, где проживал его приятель по Самарканду – горный инженер Юрий Алферов. «В нашей квартире жило тогда четыре семьи, – вспоминала М.Ю.Алферова. – В маленькой комнате мы – четверо, в большой комнате, разгороженной ширмами – еще три семьи, десять человек. В уголке стояла кровать Василия Григорьевича, а напротив у окна – его стол… И в этой тесноте, холоде, шуме и плаче детей он работал. Ежедневно в 5 часов утра, когда все еще спали, зажигался свет на его столе, и он начинал писать. У Василия Григорьевича была трубочка для курения. Мы спрашивали его, зачем он курит, когда пишет (обычно он редко

курил). Смеясь, он отвечал, что эта трубочка помогает ему создать образ, в струйках дыма он видит своих героев…».

«Сегодня, Хаджи-Рахим, ты в Средней Азии, – записал Ян в дневнике в первый день 1942 года. – Улетай мечтой в прошлое этой сказочной земли! Сосредотачивайся в выполнении замыслов! Доводи начатое и задуманное до конца! Создавай сказки, чтобы они жили, запоминались и будили в человеке светлые мысли и добросердечные желания» [8].

***

Яна не собирались выдвигать на Сталинскую премию, и каким образом его фамилия оказалась в списке кандидатов – загадка.

26 декабря 1941 года «Правда» объявила: «Сталинские премии будут присуждаться за выдающиеся научные работы и изобретения и выдающиеся произведения в области литературы и искусства, законченные в 1941 году, а также в период с 15 октября 1940 г. по 1 января 1941 года… Имя товарища Сталина вдохновляет воинов Красной Армии на подвиги беспримерного героизма и самоотверженности. Это имя воодушевляет миллионы рабочих, колхозников, интеллигентов в тылу на замечательные трудовые подвиги. Это имя ко многому обязывает работников в области науки и искусства… На деятелях литературы и искусства лежит высокая и ответственная задача не только отразить величие исторических наших дней в произведениях, достойных героев и героизма отечественной войны, но и воспитывать во всем нашем народе чувства беззаветной и самоотверженной любви к родине, чувства священной ненависти к подлому врагу, чувства бесстрашия и презрения к смерти».

14 марта 1942 года Михаил Храпченко, председатель Комитета по делам искусств при СНК СССР, доложил Сталину об итогах работы Комитета по Сталинским премиям. Крупнейшими произведениями 1941 года в области литературы названы «Падение Парижа» Ильи Эренбурга (роман по частям публиковался в журнале «Знамя» с марта 1941 года), «Дмитрий Донской» Сергея Бородина (первый исторический роман талантливого прозаика, весь тираж отправили в действующую армию), военные очерки Ванды Василевской и Юрия Яковского, «Подпольный Баку» Мамеда Ордубади и «Пылающий горизонт» Арази (романы о революционном движении на Кавказе).

Сохранились стенограммы заседаний комитета

с результатами голосования 16—18 февраля. Мнения распределились так: премия I степени – «Падение Парижа» (17 голосов), «Дмитрий Донской» (11 голосов), очерки Василевской (6 голосов), премия II степени – «Дмитрий Донской» и «Подпольный Баку» (по 8 голосов). Храпченко в докладе отметил, что считает целесообразным присудить премии II степени Бородину и Василевской, а I степени – Эренбургу и Василию Янчевецкому. «Роман „Чингиз-хан“ напечатан в 1939 году. Однако выдающиеся качества этого произведения позволяют включить его в этом году на Сталинскую премию с некоторым нарушением установленного порядка выдвижения кандидатов» [9].

Удивительное исключение! Храпченко игнорировал любимца вождя – Алексея Толстого, заявившего на соискание роман «Хмурое утро», окончание «Хождения по мукам». Он пояснил в отдельном докладе Сталину, что это часть трилогии, которая в целом достойна присуждения премии («Хождение по мукам» получит премию I степени в 1943 году). И при этом осмелился предложить дать премию II степени Алексею Свирскому за книгу «Моя жизнь», изданную в середине 1930-х! [10]. Возможно, за Свирского – старого, больного, оставшегося в Москве – замолвил слово его давний друг Немирович-Данченко, возглавлявший Комитет по Сталинским премиям.

А кто попросил за Янчевецкого? Александр Фадеев, ценивший его сочинительский талант? Вернувшись с Калининского фронта, Фадеев в феврале 1942 года занимался делами Союза советских писателей в Москве. Ничто не мешало ему связаться с Томском, куда эвакуировался Комитет по делам искусств, но у него хватало забот помимо помощи не самому знаменитому прозаику. Он мог высказать свое мнение о кандидатах, когда Сталин знакомился с проектом постановления по премиям. Это мнение напечатано в «Правде» 12 апреля 1942 года вместе со списком лауреатов: «Роман В. Янчевецкого (В. Яна) по широте охвата событий, по обилию материала, по зрелому мастерству – одно из наиболее выдающихся и своеобразных явлений советской литературы последних лет».

Первой премии удостоилось «Падение Парижа» – «роман о недавнем прошлом, из которого можно извлечь немалые исторические уроки». Вторые премии получили Сергей Бородин и – раз уж допущено «некоторое нарушение установленного порядка выдвижения кандидатов» – Анна Антоновская за роман «Великий Моурави» о выдающемся грузинском политике и полководце Георгии Саакадзе. Третью и четвертую части

романа Гослитиздат выпустил в 1941 году. Этого лауреата выбрал лично товарищ Сталин [11].

***

Ян узнал о награждении прежде, чем открылись газетные киоски. Вот как это описано в беллетризованной биографии первого секретаря ЦК КП (б) Узбекистана.

Лауреат Сталинской премии. Ташкент, 1943 год (из архива семьи Янчевецких).

«Он не упускал случая обрадовать, если мог, и одного человека. Первый узнал, что писатель Василий Ян отмечен за роман «Чингиз-хан» Сталинской премией.

– Владимир Иванович, – попросил помощника Попова, –

приведи-ка Яна сюда.

Во времени, как обычно, не ориентировался, и Попов возразил:

– Поздно, Усман Юсупович. Одиннадцатый час. – Найди.

В темноте привезли счастливого Яна-Янчевецкого.

– С вас суюнчи, – сказал Юсупов, смеясь…» [12].

Суюнчи – положенный по узбекскому обычаю подарок тому, кто принес добрую весть. На самом деле Ян ехал в ЦК, приготовившись к самому худшему. Сохранилось свидетельство – письмо его ташкентской знакомой, жившей по соседству: «Однажды в 12 ночи приезжает за ним машина: „Едем“. „Куда?“ Старик испугался и взял с собой на всякий случай чашку, кусок хлеба и полотенце. Его привезли в ЦК, вручили грамоту, сто тысяч рублей. На другой день он получил квартиру из двух комнат с телефоном, литерный паек и все, о чем мы мечтаем в тылу» [13]. Как видно, Янчевецкого не оставляла мысль, что и его когда-нибудь могут «забрать» – как «бывшего», скрывающего свое прошлое, или же брата политического преступника, или по совокупности. Но вряд ли он боялся. Он столько повидал и перетерпел в жизни, что был готов ко всякому испытанию.

Премию ему, конечно, вручили не в ту же ночь, а ордер на жилье – не на следующий день. Яну предоставили две комнаты в одноэтажном доме на улице Ленина в июне 1942 года. «Моя комната маленькая, где в высоко расположенные окна я вижу верхушки тополей и плывущие облака, – рассказывал он в письме сыну о своем рабочем месте. – У меня письменный стол, полки с любимыми книгами, кровать и над нею мой руководитель в умственных скитаниях и фантазиях „Демон“ Врубеля… Она [комната] напоминает каюту капитана Немо, в которой он путешествовал по океанам на „Наутилусе“. Я же путешествую в минувших столетиях и народах» [14].

«Демон» – эскизный набросок Врубеля, не весть как попавший в Ташкент – был единственным капризом, который Ян позволил себе на премию. Деньги он получил в июле: 100 000 рублей – огромную для того времени сумму (к примеру, средняя зарплата рабочего на производстве составляла 480 рублей в месяц). К тому же пошли гонорары. Журнал «Новый мир» спешно напечатал «Батыя», предложив 1200 рублей за издательский лист – вдвое выше былого гонорара Гослитиздата, наконец-то подписавшего «Батыя» к печати. Ян расплатился с долгами, пожертвовал часть премии на танковую колонку Союза писателей и в Фонд обороны, помог семье сына и нуждавшимся друзьям (Давид Самойлов вспоминал, как его отец, заболевший тифом, неожиданно получил перевод из Ташкента – на лечение

и питание). И опять остался почти с пустым кошельком. Гослитиздат и Воениздат взялись печатать «Чингиз-хана», Воениздат подписал договор на «Батыя». Но деньги приходили неравномерно, а жизнь в эвакуации была дорога, и к Янчевецкому постоянно обращались за помощью, зная, что «старый Ян не откажет».

А что было на сердце у старого Яна, как он находил в себе силы и не опускал руки – никто не знал. Весной, в начале марта тяжело заболел младший внук. Ян разыскал редкое лекарство и немедля выехал в Алмалык. Путь преграждала вздувшаяся от дождей река, пришлось переправляться вброд. И потом он еще раз проделал тот же путь, чтобы донезти до поселка коробочку с судьфидином. Лекарство не помогло. Малыш Миша умер.

Какие неведомые силы испытывали Яна на прочность, надрывая нити жизни близких ему людей? Женя, работавшая в Москве во Всесоюзном радиокомитете, в августе отбила телеграмму: «Игорь ранен на Сталинградском фронте». Красноармеец-пулеметчик Игорь Можаровский – любимый внук («надеюсь видеть тебя всегда смелым спартаковцем») – умер от ран в госпитале. «Видел во сне Гогу. Это его тень прилетела ко мне, – писал Василий Григорьевич дочери в марте 1943 года. – Теперь у меня маленький круг моих родных, и он состоит только из трех лиц – ты, Миша и я. А затем следуют милые дорогие тени: отец, мама, Мака, Моро, Сигма, Митя (?), маленький Мишенька, Гога…» [15]. Рядом с именем брата Ян поставил вопросительный знак, все еще надеясь, что Митя жив. На запрос, который он отправил в НКВД как лауреат Сталинской премии, еще не пришел ответ.

Тяжело было знать о судьбе Николаши. «Нина Викторовна была у Николая Ивановича и говорит, что он похож на тень, – сообщала Женя в декабре 1942 года. – Тень, в которой нет и следа бывшего Николая: человек без плеч, со спичками вместо пальцев, седой и трясущийся» [16]. Можаровский отбывал срок в Саратовлаге. «Мне срочно нужна ваша помощь. Я нахожусь в лазарете, – писал он Яну в сентябре 1942 года (строчки, нацарапанные дрожащей рукой на обрывке серой оберточной бумаги). – Вы ведь, получивши Сталинскую премию, можете все сделать и помочь мне как никто материально. Я болен, я разбит, я голодаю. Если вы помните все то, что я сделал вам, то немедленно приедете, привезете теплые вещи, продукты, белье, табак. Умоляю, приезжайте» [17]. У Яна щемило сердце, когда он выстукивал на машинке ответ, понимая, что слова – это слишком мало и, кажется, слишком поздно: «Милый Николаша, прошу меня простить, я давно не писал вам, хотя постоянно думал о вас,

очень сочувствовал и жалел. Но я был очень болен и только теперь прихожу в себя. Послал я вам несколько писем. Огорчен, что вы получили только одно… Писал докторше в Саратов, получил от нее обратно 300 р., которые ей перевел. „Я нахожусь далеко, – пишет она, – и лишена возможности что-либо реально сделать“… Крепитесь, скоро для вас придет перемена положения, мы встретимся и будем жить вместе, работать над любимыми вами литературными сюжетами, – тело может ослабеть, но духовная, умственная, творческая сила одновременно может расти. Я это наблюдаю на себе… Обещаю летом отправиться в Саратов и там прожить некоторое время, видаясь с вами и выясняя все необходимое для того, чтобы вы получили законное освобождение…» (Ташкент, 3 апреля 1943 года) [18].

Боль и надежду Ян доверял бумаге, разговаривая с ее помощью с самими близкими. «Я твердо верю в вечность человеческой мысли, нашего «я», – писал он в марте 1943 года сыну, служившему в штабе тыла ВВС Закавказского фронта. – В то, что мы снова вернемся на эту планету или встретимся с друзьями и любимыми (Макой, Сигмой, дядей Митей и другими) в каком-нибудь другом пункте вселенной». А когда закончится война (немцы разгромлены под Сталинградом, прорвана блокада Ленинграда, армии Западного фронта пошли в наступление и окончательно обезопасили Москву) – «я стану старым дервишем Хаджи Рахимом и пойду последние годы моей жизни скитаться по беспредельной равнине прекрасной вселенной» [19]. Ян очень переживал за сына – разворачивалась битва за Кавказ: «Ты пишешь, что рвешься на фронт. Это прекрасно… Но вспомни восточную пословицу: «Иди туда, куда тебя зовут». Осень 1943-го, зима-весна 1944 года – освобождение Украины. Старший лейтенант Янчевецкий добивается перевода в действующую армию, на 1-й Украинский фронт. «Твоя телеграмма о переводе ближе к фронту меня и обрадовала, и встревожила… Какой же отец не будет полон тревоги, зная, что отныне крыло войны уже веет над тобою…» [20].

На людях же Василий Григорьевич старался выглядеть бодрым и крепким. Вот каким он запомнился литературоведу Лидии Бать: «Над Ташкентом повисла белая полная луна, похожая на лицо красавицы, воспетой в газелях Гафиза… В этот вечер за одним из столов расположилась компания эвакуированных из Москвы интеллигентов, артистов, писателей. Говорили, как водится, главным образом, о войне. Эти люди, по разным причинам, находящиеся в глубоком тылу, одинаково чувствовали из-за этого свою ущербность. Считалось, что все они выполняют важную работу, но каждый из них помнил, что эта же

луна освещает кровавое поле боя… Как это иногда бывает, замолчали все сразу, и одна из женщин, сидевших за столом, обратилась к человеку с седой головой и молодыми глазами: – Вот вы хорошо знаете эти края. Вы много раз жили в Средней Азии, путешествовали по ней. В ваших романах дышит ее история, встают живые образы людей. А вы… в вашей личной, не только творческой жизни, оставила ли она какой-нибудь след?.. Писатель отпил глоток вина, потом медленно раскурил трубку, и в сизом дымке, таявшем в лунном сиянии, встал прекрасный образ Дур-Салтан. – Это было… Да, позвольте, это было сорок лет назад. Я был тогда чиновником царской службы, в городе Ашхабаде…» [21].

***

Хаджи-Рахим записывал тростниковым пером на пожелтевшем листе бумаги необычайный сон. Будто бы он шел пустынной степью, погружаясь в воспоминания, спотыкаясь о камни, по которым скользили зеленые ящерицы. Вдруг раздался короткий свист ветра и оборвался. Точно большая темная птица промчалась мимо и скрылась в сумерках. На перекрестке пыльных троп сидел Джинн. Хаджи-Рахим много лет не видел его, но сразу узнал по смуглому лицу, бирюзовым светящимся, пронизывающим глазам, по темно-лиловой легкой одежде, расшитой золотыми узорами. Джинн заговорил, и слова его, тихие и мелодичные, бархатными переливами долетали до дервиша, как обрывки дивной песни:

– Ты забывал меня? Ты уходил от вечности? Ты шатался по шумным базарам, в беспокойной толпе, и пропадал в трущобах, где враждуют завистники и неверные? Месяцы проплывали бесследно, а ты забывал восторги творчества и полеты по синему Эфиру к сверкающим созвездиям… Я сегодня являюсь перед тобой в последний раз. И если я увижу, что ты отвернулся от бессмертной мысли и от бесед с великими тенями прошлого, ты меня никогда больше не встретишь.

– Долго я скитался по свету, разыскивая тебя, свободный неукротимый гений, и не мог заметить хотя бы полустертые твои следы, – отвечал Хаджи-Рахим. – Те, кто не сумел погубить меня, по безумию и злобе убили мою легкокрылую, доверчивую подругу, мою Мысль. С тех пор я скитаюсь, я ранен, я одинок и не нужен людям..

– Ты бредишь! Сделайся им необходимым! Добьешься ты этого только своей волей! Я уже вижу легкую тень твоей

стремительной подруги снова рядом с тобой…

Джинн выпрямился. Его стройный силуэт четко вырисовался на вечернем небе, где вдали вспыхивали яркие бесшумные зарницы. Он указал на запад:

– Твой путь направь туда! Там на необозримой равнине будут страшные бои. Ты увидишь там и великое мужество защитников своей родины, и неодолимую волю завоевателя. И те и другие сильнее железа и огня. Будь среди смелых, и ты о них расскажешь другим.

Величественный облик Джинна становился все прозрачнее и, наконец, исчез. Налетевший холодный ветер шелестел полузасохшими стеблями растений. И Хаджи-Рахим решил направиться на запад, в сторону загоравшихся и потухавших зарниц [22]…

Василий Ян – Михаилу Янчевецкому: «Изумительно-прекрасное – вот то, к чему я стремлюсь. Этим объясняется и то, что я задерживаю сдачу в Гослитиздат моей „Золотой Орды“, и то, почему я погружаюсь в историю европейской литературы конца 18 – начала 19 века, когда сияли имена Байрона, Шелли, Гете, Шиллера и других, совершенно у нас неведомых романтиков…» (9/I.1943). «Мне не раз говорили: „Ваш Чингиз-хан“ – это бомба среди тихого дня, а „Батый“ – слабее и не производит того увлекающего впечатления… Это заставляет меня сильно вдумываться…» (16/VIII.1943) [23].

Василий Ян – Евгении Можаровской: «По совету моего милого доктора академика Филатова, когда я сажусь за стол работать, я беру мою излюбленную трубочку и, как будто куря, держу ее в зубах – и в результате отлично работаю… Таким же условным рефлексом при работе являются четки на левой руке, статуя задумчивого Демона передо мной, портреты моих любимых и увядшие розы в вазочке» (19/IX.1943) [24]. И еще за писателем снова наблюдал Чингиз-хан. Художник Евгений Спасский, тоже эвакуировавшийся в Ташкент, нарисовал тушью портрет великого кагана, следуя словесным указаниям Яна. Портрет стоял у Яна прямо на рабочем столе.

«Золотая Орда» была для Яна главным делом, но, кроме того, он сочинял историческую повесть «Джелаль эд-Дин» для УзГИЗа, драму «Батый» (отклонена Культпросветом ЦК ВКП (б), сценарий «Чингиз-хан» для Мосфильма и Узбекфильма (съемки так и не начались), сборник «Рассказы в блиндаже», статьи для узбекских и центральных газет и журналов. «Был у начальника политуправления Военной академии им. Фрунзе и говорил о своем желании беседовать с бойцами, прибывшими с фронта, побывать в танке, внутри, во время хода, стрельбы орудий. Пусть

меня обожжет…» [25].

Евгения Можаровская – Василию Яну: «Смена» собиралась публиковать начало «Орды»… И вдруг мне сообщили, что «по мнению руководящих товарищей, данная изолированно эта часть может произвести не то впечатление», а потому предложено было ее из номера снять…» (11/VIII.1943). «Пока твои рассказы не подходят для печати, во всяком случае здесь, в центре. Еще раз прошу тебя: не отвлекайся, пиши «Орду» и «Джелаль эд-Дина» (29/ IX.1943) «Из ЦК звонил Александр Михайлович Еголин: «Нужна «Золотая Орда»! Когда она будет готова?»… Рассказала о том, что ты пишешь. Иронически дал реплику: «Словом, он работает для узбекской общественности?!»… Из оного – вывод: ты получил премию – и ничего не даешь нового и ценного… Мои выводы: тебя чтут, на тебя надеются, может быть ты снова получишь премию, если «Золотая Орда» будет кончена вовремя» (3/X.1943) [26].

В начале октября 1943 года, по командировке в штаб Среднеазиатского военного округа, в Ташкент на неделю приехал Михаил Янчевецкий. «Меня поразило, как отец выглядит… Он был крайне худ, съежился и стал меньше ростом, видимо, от крайнего изнурения. На это отец заметил в своей обычной манере: «У меня стандартный вид, как у туркменского скакуна – ни капельки жира! Я в отличной форме» [27].

Василий Ян – Евгении Можаровской: «Получил от Чагина телеграмму: «Настаиваю окончании «Золотой Орды». Очень прошу навестить его и дипломатически уладить дело. Настаивай на моей тяжелой неврастении, на высокой требовательности, с какой я отношусь к 3-й части трилогии… На днях я заново начал перекраивать «Золотую Орду», закрутил невероятные положения и приключения… Для чего я это сделал? Меня поразило одно замечание, которое я слышал от многих лиц: «Вот «Чингиз-хан» – это мировая книга. А «Батый» тоже очень хорошая, а все-таки – уже не то. Я и думаю: а вдруг про «Золотую Орду» скажут, что она еще слабее, чем «Батый»? Я с моим бешенством, упрямством и дикой фантазией решил сделать необычайное. Поэтому я не сдам рукопись, пока сам не буду уверен, что я создал опус, достойный этой великой эпохи» (октябрь 1943 года). Ян – Михаилу Янчевецкому: «Живу я в полном одиночестве. Наслаждаюсь торжественной тишиной ночи; когда горит электричество, я пишу или читаю «Новгородский летописец», стараясь напитаться языком XII—XIII веков…» (ноябрь 1943 года) [28].

Но человек – игра и радостей, и бед… В декабре Василий Григорьевич получил извещения о смерти брата Дмитрия

и Николая Можаровского, для которого он ничего так и не смог сделать. «Испытываю крайнюю мучительную тоску, – жаловался Ян в никуда, открывая дневник – Мечусь в разные стороны… „Золотая Орда“ стоит без движения. А жить мне осталось так мало! Как уложить в этот отрезок времени те грандиозные и яркие замыслы, которые светятся передо мною?.. Иногда голова кружится… Мне кажется, что я лечу и проваливаюсь в бездну…» [29]. Диагноз: крупозное воспаление легких, перешедшее в гнойный плеврит. Ян тяжело страдал всю зиму, весной 1944 года пришлось делать операцию на легких.

Он храбрился и продолжал работать даже в ожидании операции: «Я полон жизнерадостности… Живу я сейчас в древнем Новгороде, вместе с Александром Невским, заставляю его проделывать всякие приключения… Все мне доказывали, что моя область, „моя бочка“, из которой я не смею вылезать – это восток. А мне вот хочется русских щей и гречневой каши. И описывать наших разведчиков и смелых танкистов, которые гонят немецкую шваль» (из письма сыну от 21/IV.1944) [30].

***

Ян часто получал письма из действующей армии – солдаты и офицеры каким-то образом узнавали его адрес. «Привет с фронта, дорогой тов. Янчевецкий! От имени бойцов и командиров нашей части поздравляю Вас с присуждением премии за книгу „Чингиз-хан“! Желаем дальнейших успехов в Вашей работе на пользу Родины!.. Ст. сержант Резниченко В. И. 811 ППС» (22/IV.1942). 811 ППС – это 247-я стрелковая дивизия. Сражалась на Калининском фронте, участвовала в Ржевско-Вяземском наступлении – одной из самых кровопролитных операций Великой Отечественной войны; письмо отправлено несколько дней спустя после того, как обессиленные советские войска, основательно потрепав группу армий «Центр», перешли к обороне.

«Дорогой тов. Ян! При слабом свете коптилки, радостно взволнованные, читаем Ваше письмо. Нас четыре офицера-гвардейца – почитатели Вашего яркого, своеобразного таланта. Еще сегодня утром говорили о Ваших книгах… Адрес наш все тот же, но местожительство меняется очень часто, все время движемся вперед… Для Вас мы приготовили небольшой подарок, нашли библиографическую редкость – „Книгу мудрости“, при первой возможности доставим… А.В.Манусович. 28646-П» (2/II.1945). 28646-П – 190-й гвардейский артиллерийский полк 65-й

гвардейской стрелковой дивизии: Ельня – Великие Луки – Рига и далее на запад; февраль 1945-го – Курляндский котел, блокирование германской группировки в Восточной Пруссии.

Между этими письмами – три года жесточайших сражений, поражений и побед. Одной из зачитанных книг в ташкентской библиотеке Яна был «Лирический дневник» Константина Симонова – маленький сборник стихов первого года войны, изданный «Советским писателем» в эвакуации. Почти все страницы – в карандашных пометках. Некоторые строфы отмечены восклицательными знаками. Например: «Ты все глядишь назад, туда, где в полверсте от крайней хаты мы, оторвавшись от земли, под орудийные раскаты, уже не прячась, в рост пошли. И ты уверен в эту пору, что раз такие полверсты ты смог пройти, то, значит, скоро пройти всю землю сможешь ты». «Жди меня» отчеркнуто целиком.

Василий Григорьевич пристально следил за событиями на фронтах. «Сообщение о взятии Харькова я слушал ночью вместе с Элве, и мы ликовали и плакали от счастья…». «Последние победы на Ленинградском фронте особенно заставляли радоваться и ликовать мое сердце: ведь со всем этим районом связаны воспоминания моего детства и юности, а сейчас знакомые названия овеяны славой необычайных побед». «Я себе представляю, как наши герои войдут в Берлин…» [31].

…Старик говорил медленно, с холодной ненавистью: – Вам, немцам, я предскажу, что случится с вами дальше. На бывшей германской земле будут жить граждане всего мира, без различия национальностей, а ваш кровавый Берлин обратится в развалины, и путешественники будут приезжать смотреть на них, как до сих пор смотрели знаменитые развалины Помпеи и Карфагена!

Лейтенант – красный, с вытаращенными глазами – упал на стул, хрипел и старался разорвать воротник рубашки.

– Я и вам предскажу ваше будущее, господин офицер. Вы скоро закончите вашу бесславную жизнь на навозных вилах, на которые вас подденет простая русская баба…

Это фрагмент из «Агасфера» – одного из десяти «Рассказов в блиндаже». Они не были опубликованы ни при жизни, ни после смерти Яна, что неудивительно. Рассказы необычны даже для автора. Реалии времени в них смешаны с фантастикой и мистикой. Агасфер, вечный скиталец, неведомо как оказавшийся на русской земле, попадает в плен к немцам; не страшась казни, он обличает перед допрашивающим его лейтенантом мерзость войны, которую затеяла страна, называющая себя Великой Германией. «Тайная любовь» («Лейтенант фон Баранов») – история командира

разведывательного батальона, узнавшего в пленном немецком офицере сына своей давней возлюбленной, с которой он встречался еще гимназистом. «Крюптафион» – рассказ о том, как в некоем советском городке появляется девочка-бродяжка с необычным именем, паспортом неизвестного государства и странными речами: «Я хочу рассказывать озлобленным и угрюмым о том, что в самом черном несчастье можно увидеть светлый луч» [32].

Операция, сделанная академиком Филатовым, дала удивительный результат – Ян быстро пошел на поправку. «Работать приходится много, – писал он сыну. – Тихие, светлые комнаты и целые горы исторических книг из эпохи Александра… И мой любимый Восток с вечно синим небом и горами на горизонте». В июне 1944 года Василий Янчевецкий расписался с Лидией Макаровой – своим добровольным секретарем, тоже москвичкой, давней знакомой Жени. « [Василий Григорьевич] диктует мне, а я с радостью и душевным трепетом записываю новые страницы и главы его повестей, – сообщала она Можаровской. – Какое счастье сохранить эту душевную молодость, этот оптимизм, эту жажду жизни и знаний!». Ян говорил о работе короче, ироничнее и по-мужски конкретнее: «Главы уже прут из меня, как яйца из курицы» [33].

…Александр на коне поднялся на вершину каменистого островка. Позади стали три конных дружинника. С вершины князь ясно видел гладкую равнину засыпанного снегом озера, низкие берега заросшей камышами восточной, гдовской, стороны и множество черных точек, спешивших оттуда. Это торопились пешие и конные русские ратники, чтобы принять участие в предстоящей битве. Сперва небо заволокли серые низкие тучи, но вскоре ветер усилился – это «мокрик» подул с юга, со стороны реки Великой. Розовые лучи восходящего солнца, пробиваясь сквозь узкие, длинные малиновые тучи, заиграли на снежных сугробах и протянулись по широкой равнине озера. Все русские дружины были уже наготове, и воины стояли перед Вороньим камнем в ожидании схватки, опираясь на багры, рогатины и тяжелые топоры-колуны с длинными рукоятками. Люди перекидывались шутками и поглядывали на западный берег, где начала чернеть громада выползавшего из лесу немецкого войска…

Рисуя картину древней битвы у Вороньего камня, Василий Григорьевич вспоминал места, увиденные в детском путешествии из Риги на Чудское озеро вместе с отцом. «Я буду праздновать через несколько месяцев 70-летие. Какая красота столько прожить и увидеть многих чудных людей! – говорил Ян, пользуясь почтой,

своему старинному петербургскому другу Дмитрию Якушеву, своему соратнику по скаутскому отряду, живущему теперь в Москве. – Казалось бы, какой я старый! А я чувствую себя бодрым, люблю людей и шутить с ними. Я нашел у Верхарна фразу: „Восхищайтесь друг другом!“, и думаю, что это замечательное поучение…» [34].

***

26 декабря 1944 года Василий Ян с женой покинул Ташкент. «Теперь я живу у Элве на Гоголевском бульваре», – доложил он старшему лейтенанту Янчевецкому во Львов. Гоголевский бульвар, дом 29, квартира 45/б – последний московский адрес Яна. Дом был старым и уважаемым; когда-то здесь размещались генеральное консульство Греции и Наркомат по делам национальностей РСФСР. Квартира 45/б находилась на шестом этаже-надстройке; в каждой из пяти комнат жило по семье – типичная «коммуналка».

На первом в новом году собрании секции художественно-исторического жанра Союза советских писателей Ян зачитал фрагменты «Александра Беспокойного и Золотой Орды». «Было отмечено, что глубокое изучение автором материала и исторических реалий заставляет читателя верить в подлинность описываемых в романе событий и фактов. Удача автора – образ Александра Невского как строителя русского государства» («Литературная газета», 22 апреля 1945 года).

«Я очень люблю Ваши замечательные романы и с нетерпением жду того, над которым Вы теперь работаете», – писал Яну из Ленинграда знаменитый академик-историк Евгений Тарле. «Привет от воинов-пограничников Забайкалья, – раскрывал он письмо из Иркутска. – Тов. В. Ян, обращаемся к Вам по поводу прочитанной книги „Батый“. Нам становится неясным продолжение жизни Юлдуз, молодого Мусука, князя Василька, интересуют дальнейшие походы Батыя. Сообщите нам, будет ли продолжение?». «Здравствуйте, многоуважаемый Василий Григорьевич! Мария Ивановна, наш педагог, рассказала нам о еще не напечатанной книге „Золотая Орда и Александр Беспокойный“, – сообщали пионеры. – Мы с большим нетерпением ждем выхода в свет этой книги…».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.291, л.19. Заполняя карточку члена СП СССР, в графах «Служили ли Вы в армиях и отрядах, боровшихся против советской власти» и «Принадлежали ли Вы

и Ваши ближайшие родственники к антипартийным группировкам» Ян написал «нет».

2. Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б) – ВКП (б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. – М., 1999. Стр. 477.

3. М.В.Янчевецкий. Писатель-историк Василий Ян. Стр. 127.

4. Записи в книге из библиотеки В. Яна: А. Черч. Овидий. – СПб., 1877. Оригинал автографа предоставлен для цитирования букинистическим магазином Biblionne.

5. Глава опубликована как эпилог во втором, полном издании «Огней на курганах», вышедшем в 1959 году. Каллисфен – летописец походов Александра Македонского – был казнен по приказу базилевса; гнев вызвала речь, которой историк показал, что у великих деяний есть две стороны – блистательная и темная. «Я ухожу из этого мира, где я всегда призывал людей выше всего любить свободу, правду и точную истину, – говорит Каллисфен перед смертью, обращаясь к заходящему солнцу. – Всю жизнь я стремился проникнуть и разгадать тайну вселенной. Что может сделать свободному философу тиран, который требует себе поклонения, стараясь стать рядом с тобой, озаряющий своим светом вселенную, лучезарный, всесильный Феб!». Не стоит усматривать в этом сочинении намека на современность, Ян затронул вечный вопрос внешней слабости и внутренней свободы.

6. Власть и художественная интеллигенция. Стр. 478.

7. М.В.Янчевецкий. Указ. соч., стр.130.

8. Там же, стр. 131—132.

9. РГАЛИ, ф.962, оп.3, д.1022, л.7,11,17,56,88. Пояснения в скобках – авторские.

10. Там же, л.3.

11. В кремлевской библиотеке Сталина имелись первая и вторая книги романа, изданные в Тбилиси в 1937 и 1940 году; судя по пометкам – внимательно прочитанные. А. Антоновская совместно с Б. Черным написала сценарий фильма «Григорий Саакадзе». Отзыв Сталина от 11.X.1940: при определенной доработке сценарий «можно будет квалифицировать как одно из лучших произведений советской кинематографии» (РГАСПИ, ф.558, оп.11, д.159, л.4—5). Фильм сняли в 1942 году.

12. Б. Ресков, Г. Седов. Усман Юсупов (серия «Жизнь замечательных людей»). – М., 1976.

13. Письмо учительницы Лилии Орловской от 30.XII.44: («Я немного осиротела, уехали мои друзья – писатель Ян-Янчевецкий с женой…»). Опубликовано на сайте sreda.uz Наталией Шулепиной – дочерью фронтовика Всеволода Шулепина, с которым переписывалась Орловская.

14. М.В.Янчевецкий. Указ. соч., стр.138.

15. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.140, л.4. Моро – семейное прозвище первой жены Яна. Сигма – Сергей Сыромятников умер в Ленинграде в сентябре 1933 года; он работал переводчиком в Ленинградском восточном институте им. Енукидзе, дважды приезжал в Москву в гости к Яну.

16. Письма от 17.12.1942 и 27.12.1942. – РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.230, л.27, 30.

17. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.228, л.2. На почтовой карточке, отправленной Можаровским Яну в июне 1942 года (поздравление с премией и просьба приехать, привезти продуктов) указан обратный адрес: село Борисовка Ворошиловского района Саратовской области, 8-я штрафная колонна. Саратовлаг отвечал за строительство железной дороги до Сталинграда.

18. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.141, л.1.

19. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.155, л.3, 4об.

20. Письма 1943—1944 гг. – РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.155, л.1об, 12. В Москве лейтенант М. Янчевецкий служил начальником минно-подрывной команды Главного управления инженерных войск РККА, на Закавказском фронте – помощником начальника 1-го отдела штаба тыла ВВС Закавказского фронта. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 мая 1944 года награжден медалями «За оборону Москвы» и «За оборону Кавказа» (см. БД «Подвиг народа 1941—1945»). 17 октября 1943 года он послал отцу телеграмму из Тбилиси: «Прощаюсь с Кавказом. Буду в Москве. Открываю новую страницу книги». Последующие телеграммы отправлены из Орла и Воронежа. С осени 1944 года старший лейтенант М. Янчевецкий служит в штабе ВВС Львовского военного округа.

21. Рассказ Л. Бать «Ташкентским вечером» написан в 1942 году, опубликован на сайте «Наталья Васильева. Ученики, друзья, родные» (рукопись хранится в семье Васильевых).

22. Сокращенная и чуть измененная первая глава пятой части романа В. Яна «К последнему морю».

23. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.155, л.1,2.

24. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.140, л.7.

25. М.В.Янчевецкий. Указ. соч., стр.156.

26. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.230, л.52, 57—59. А.М.Еголин – заместитель начальника, заведующий отделом печати Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б).

27. М.В.Янчевецкий. Указ. соч., стр.145.

28. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.140, л.10—10об.; М.В.Янчевецкий, указ. соч., стр.146. П.И.Чагин – и.о. директора Гослитиздата в 1939—1946 годах.

29. М.В.Янчевецкий. Указ. соч., стр.146—147.

30. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.155, л.5—5об.

31. Письма Е. Можаровской и М. Янчевецкому 1943—1944 гг. Эльве – Лидия Владимировна Макарова, секретарь Яна в Ташкенте.

32. В архиве В. Яна в РГАЛИ хранятся переводы рассказов «Агасфер» и «Тайная любовь» на немецкий язык. Вероятно, они предназначались для публикации в «Бюллетене ВОКС» (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей), с которым сотрудничала Е. Можаровская. В одном из писем отцу она упоминает, что передала ВОКСу «Агасфера»: «Там очень интересуются еврейскими темами, т.к. мы мало об этом даем за границу, а там требуют». Русскоязычные машинописные копии «Агасфера», «Крюптафион» и «Тайной любви» хранятся семье Васильевых, рассказы опубликованы на сайте «Наталья Васильева. Ученики, друзья, родные».

33. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.155, л.8—8об; М.В.Янчевецкий. Указ. соч., стр.148.

34. Здесь и ниже письма цитируются по книге М.В.Янчевецкого (стр. 149, 162—163).

Глава 10. К последнему морю

«Молю всевидящего и всезнающего, – записывал в своей путевой книге Хаджи Рахим, – дать мне достаточно умения, чтобы описать правдиво этот необычайный поход грозного Бату-хана на земли народов вечерних стран…».

Несколько недель победного лета 1945 года Василий Ян по настоянию жены провел в Доме творчества писателей в Переделкино. Первый настоящий отдых за десятилетия неспокойной жизни, но Яну он не в радость. «Мне невыносимо так жить! Наедаться, а после этого быть в полусонном настроении. Надо следовать методу Чехова – уйти от людей в одиночество, обдумывать план и потом работать по 8 часов подряд!.. Я пишу потихоньку (как ненавижу это слово! хотел бы работать стремительно!) новые страницы моего „Александра“… Просмотрел записи в дневнике за три года и пришел в ужас: повсюду разговоры о конце трилогии, а повесть ни с места… Так мрачно на душе, как давно не было, но я стараюсь не показать этого… Хызр быстроприходящий, помоги!» [1].

Что не устраивало сочинителя? Первую часть «Золотой Орды» он дописал осенью 1943-го, переслал в Москву и просил Женю спрятать ее «под замок и никому не показывать (кроме Миши и Данилы)». Всего же Ян задумал пять частей. Как и прежде, он сочинял главы не последовательно, а как подсказывала фантазия: «Если сразу не записать нахлынувшие образы – река времени в своем течении все смоет» [2]. Василий Григорьевич вновь и вновь возвращался к уже изученному материалу, написанным страницам. «Бьюсь над тем, чтобы описать Чудское озеро и битву новгородцев на нем так, как никто и не подозревает… Изучаю новгородскую речь того времени, сказочный говор, пословицы и поговорки, и не выпущу из рук моих страниц, пока сам не похвалю себя…». «Приходится взрывать неизвестную целину. Показать Александра новым, живым, необычайным во всех разрезах его многогранной натуры, очень оригинально и по-своему решавшим самые труднейшие политические, военные и житейские вопросы… Нужно нарисовать еще и фон – такой разнообразный: и Вольный Новгород, и отношение к северным соседям, и Золотая Орда, и происки папы римского…» [3].

Но приступы работоспособности сменялись упадком сил. Переход через 70-летний рубеж не прошел даром. «С утра меня мутило, голова кружилась… Я пролежал весь день, отложил работу… При моем упрямстве и настойчивости меня приводит в бешенство всякое мое недомогание». На новогодних праздниках

1946 года в квартиру на Гоголевском бульваре заглянул Давид Кауфман – уже не тот застенчивый юноша, читавший Василию Григорьевичу свои первые стихи, а настоящий мужчина, прошедший войну от Волховского фронта до Берлина: «Ян – жизнерадостный старик, благородно думающий о смерти. Он сидит в кресле в черной шапочке, в бархатной блузе с бантом. Вокруг него благородные старики, пришедшие его поздравить. Бывалые старики, немного скептики, но готовые все понять. Когда-нибудь и мы будем такими стариками» [4].

В январе 1947-го Ян завершил «Александра и Золотую Орду». Конечно, об этом тут же узнали Миша, Женя, а еще в письме – сестра Соня. С младшей сестрой Ян переписывался с осени 1945 года. Софья потеряла мужа, погибшего в дни Варшавского восстания, и по настоянию дочери, жившей в Луцке (город стал советским еще во время польского похода Красной армии в 1939 году), вернулась на родину.

«Если сразу не записать нахлынувшие образы – река времени в своем течении все смоет…». Василий Ян за рабочим столом. Москва, 1950 (из архива семьи Янчевецких).

«Ты теперь senior нашей семьи, – отвечала она брату из Луцка. – Митина жизнь осталась незаконченной; как ужасно жаль!..».

Прошел год, а роман все еще не был принят к печати. «По прочтении историком рукопись „Александра“ опять

вернулась к автору для некоторых доделок», – объяснял Василий Григорьевич в письме Софье от 1 февраля 1948 года [5].

Старость – время мемуаров. Зимой 1947—48 года Михаил Янчевецкий записывал воспоминания отца (впрочем, он сам настоял на этом – Ян считал, что писатель должен до последней возможности создавать оригинальные произведения). «Придерживаясь плана, отец рассказывал о пережитом, об ушедших в небытие людях и временах. Я наскоро конспектировал беседу, потом восстанавливал его рассказы. Обычно к следующей встрече я приносил перепечатанное на машинке то, что записал в прошлый раз, и оставлял для просмотра отцу».

– Сияло яркое солнце, сильный ветер выплескивал высокие, пенистые волны на песчаный берег, у которого в ожидании пассажиров дымил пароход, – перебирал Ян длинные четки. – Не задерживаясь в Баку, я пересек Каспийское море и на другой день, ранним утром, впервые увидел берега Средней Азии. Меня поразили необычайно нежные тона песчаных отмелей, пологих гор и моря – светло-розовые и бирюзовые. Близ скалистого берега плыли узкие, длинные, черные рыбачьи лодки, вовсе не похожие на суда, какие я привык видеть на Балтийском море и у берегов Англии [6]…

Летом 1948-го Василий Ян вновь увидел Балтику – море своего детства. Побывал в Риге, прошелся по знакомым улицам, заглянул в бывшую гимназию («всякие образы, как стая журавлей, проносились перед моими глазами»), а потом отдыхал в Доме творчества писателей в Юрмале. Он вдохновился настолько, что тут же сочинил маленькую повесть «Мое бегство на Остров сокровищ», поставив на заглавном листе свой скаутский псевдоним «Петушков». Ян очень любил море – оно умело лечить душу, дарило чувство простора и свободы, придавало сил. В декабре он завершил «Александра Беспокойного и Золотую Орду» и в последний день уходящего года отнес рукопись в Гослитиздат. «Трилогия закончена! – торжествовал писатель. – Скажу словами Пушкина: „Миг вожделенный настал, окончен мой труд многолетний!“. Мне кажется, что я с великими трудностями поднялся на вершину высокой скалистой горы и смотрю вокруг» [7].

«„Александр“ находится у третьего по счету историка и пока с ним все благополучно, – рассказывал Ян сестре Софье в письме от 15 февраля 1949 года. – Я наслаждаюсь тем, что могу читать все, что хочется, а не только то, что требует моя работа, как было все эти годы…» [8].

***

Чем значительней ожидания, тем больнее разочарование. «Почти все рецензенты отмечают то обстоятельство, – сообщили В.Г.Янчевецкому из Гослитиздата, – что в романе, являющемся третьей частью Вашей трилогии, Вы недостаточно показали историческую роль и величие Древней Руси и славного сына великого русского народа Александра Невского. Мы, работники редакции русской советской литературы, обсудив Ваш роман и рецензии на него, решили просить Вас доработать роман в направлении, указанном рецензентами».

Запись в дневнике от 12.IV.49: «Проф. А. А-й прислал свою рецензию, наполненную издевательствами и бранью. Меня он обвиняет в невежестве, любви к воспеванию предательства, желании возвеличить врагов (немцев, шведов) и принизить русских». Другой рецензент – писатель А. Ю-в также посчитал роман «неприемлемым».

Профессор А. А-й – это, по всей видимости, Артемий Арциховский, крупнейший знаток древнего Новгорода, заведующий кафедрой археологии МГУ, консультант на съемках «Александра Невского». Почем историк, известный своей порядочностью, вдруг ополчился на Яна? Неприязнь к дилетанту? Нет, он подчинился требованию момента. Борьба с космополитизмом, начавшаяся в январе 1949 года со статьи в «Правде» о чуждых настроениях в театральной критике, перекинулась на историческую науку. «Безродные космополиты наших дней искажают историю героической борьбы русского народа против своих угнетателей и иноземных захватчиков», – клеймил идеологических вредителей журнал «Вопросы истории». В марте в Институте истории АН СССР заседал ученый совет, осудивший порочные попытки ряда исследователей принизить роль русского народа, значение Руси и славянства в истории Европы. «Борьба с космополитизмом имеет огромное значение в деле воспитании советского народа в духе животворного советского патриотизма», – констатировал совет [9].

Василий Ян заручился поддержкой академика Степана Веселовского и профессора Сергея Бахрушина, заведующего сектором истории СССР до XIX века Института истории АН СССР. Но что могли значить рецензии ученых, одного из которых только что обвинили в «буржуазном объективизме», а другого подозревали в покровительстве космополитам в своем секторе? Гослитиздату было достаточно намека на вероятную порочность переданной рукописи романа. Обращаться за помощью к академику Минцу тем более не имело смысла – при всей своей

преданности марксизму он тоже оказался под ударом: «Минц возглавлял группу историков, допустивших антипатриотические ошибки…».

А. Ю-в – несомненно, Алексей Югов, сочинивший в 1944 году роман «Даниил Галицкий», переизданный после войны. Югов писал свою книгу об Александре Невском и в 1949 году собирался сдавать ее в печать. Он, как и Ян, считал князя Александра гениальным полководцем и искусным политиком. Он тоже изучал летописи, исторические исследования и составил собственное представление об оттенках эпохи, причинах событий и мотивах людей, к ним причастных. Югов был уверен, что Александр боролся с «согласованным напором татар с востока, немцев с запада» и, показывая лояльность Орде, при этом тайно вдохновлял восстания против «поганых» в русских городах [10]. В диалогах и описаниях у Югова немало анахронизмов. Он придумывал или переиначивал события и высказывания исторических лиц, нужные ему для сюжета. Пользуясь правом романиста, строил художественные версии. Так, летописный эпизод о бунте новгородцев против татарской переписи превратил в обстоятельный рассказ о противостоянии князя-государственника и города-раскольника, не видящего общерусских интересов. Александр Невский умер в 1262 году, возвращаясь из Орды тяжело больным; Югов расписал, как князя отравили по наущению монгольской знати и европейцев, живших при дворе хана Берке.

Василий Ян жил образами прошлого, создавал увлекательную историческую сказку о добре и зле, свободе и насилии, подвигах и коварстве, любви и ненависти. То, что сочинял Алексей Югов, было созвучно политическим настроениям времени. Его новый роман вышел в сентябре 1949 года под общей обложкой с «Даниилом Галицким» и заглавием «Ратоборцы». Рецензенты отмечали стилистические недостатки книги, но они же называли ее выдающейся. «Автор создал полотно большой глубины и силы, в котором историзм событий проникнут светом сегодняшней жизни, – восхищался писатель и сценарист Петр Павленко, трижды лауреат Сталинской премии. – Великолепный отпор, данный Александром Невским немецким псам-рыцарям, был подготовлен русским народом без всякой помощи извне, наоборот, в обстановке бесконечных предательств со стороны Запада… Оружие, победившее на Куликовом поле, и люди, владевшие этим оружием, ковались дома… О том, как зарождались и назревали могучие силы русского государства, и повествует А. Югов. Мы вскользь знали об этом по историческим сочинениям, но у нас никогда не было такого

проводника, который, взяв нас за руку, ввел в просторы истории, как вводят в Планетарий, где показывают картину небесного свода прошлых столетий с такой убедительностью, точно велели ей заново повториться» [11].

Неизвестно, видел ли Ян эту рецензию, но «Ратоборцев», несомненно, читал. И мог сделать для себя вывод: с «Александром Беспокойным и Золотой Ордой» он опоздал. «Я потрясен, но в таких случаях оглушительных ударов я не только не сдаюсь, а сжимаюсь в кулак и готовлюсь сделать новый прыжок, – записал он в дневнике в апреле 1949 года. – Чтобы опрокинуть и отбросить препятствие и выйти опять на свободную, благополучную дорогу…». Сделать так не получилось. Жизнь уготовила для Яна очередное испытание, мучительнее прежних. Арестовали сына.

***

Миша хотел стать писателем. «Эти прошедшие четыре года, – сообщал он отцу в июне 1945-го, – очень много дали мне обогащающего разум… Мне кажется, что полоса испытаний для меня еще не кончилась, многое ожидает впереди. Удачи и неудачи идут полосой. Я смотрю на это спокойно…». «Все, что ты испытал до сих пор, – это накопленные, а не истраченные впечатления, – отвечал Василий Ян. – Это походный ранец, набитый путевыми записками, частью стершимися, а частью сохранившими всю яркость непосредственных переживаний и впечатлений. Когда ты попадешь в мирную обстановку, то сможешь вытаскивать из ранца лоскутки и целые записные книжки, и начать создавать все, что ты захочешь – и сказки, и эскизы, и рассказы, и целые повести. Будет ли это написано на бумаге или в красках изображено на полотне – это уже дело твоего вдохновения, взволнованности, творческого каприза» [12].

Сын жаловался на душевное одиночество – его брак распался, но снова и счастливо женился. Подрабатывал как художник и попробовал «взяться за перо». Михаил Янчевецкий выбрал не историю, не фантазию – современную антивоенную тему. Сочинил пьесу «Игра с огнем», работал над романом «Доллар атакует мир». Новые и старые рукописи вместе с дневниками и письмами изъял оперуполномоченный МГБ при аресте в ночь на 17 мая 1949 года. Это все, что могла рассказать Василию Григорьевичу невестка Дина, оставшаяся с полуторагодовалой дочкой на руках.

«Мой дорогой мушкетер, у тебя все впереди…». Василий Ян с сыном Михаилом. Москва, конец 1940-х (из архива семьи Янчевецких).

Ян надеялся, как надеялись очень-очень многие советские люди, что великая победа станет «порогом необычайного расцвета СССР, новых идеалов». Страна восстанавливалась после войны, гордилась победой над нацистской чумой. Но органы госбезопасности продолжали искать изменников и врагов народа, хотя арестовывали уже не с тем размахом, как при Ежове. 1949 год вообще можно было бы назвать «гуманным»: среди 75 000 осужденных по 58-й статье – ни одного приговоренного к расстрелу. Лагерные сроки за антисоветскую агитацию (ст.58, п.10) получили немногим более 14 700 человек [13].

Янчевецкого «вели» по десятому пункту. «Следователь обвинял меня в том, что якобы являясь личностью, враждебной существующему строю, я занимался антисоветской агитацией… Эти утверждения содержались в доносе, выдержки из которого зачитывались следователем… С самого начала мне было заявлено, что неизбежность моего дальнейшего заключения предрешено фактом ареста, что моя несговорчивость только приведет к репрессиям в отношении моих родных. Следователь заявил, что мой отец уже исключен из Союза советских писателей, лишен средств к существованию. Буквально высказывался так: „Он получил Сталинскую премию, теперь мы дадим ему свою премию“…» [14].

27 августа 1949 года Особое совещание при МГБ СССР

вынесло приговор. «М.В.Янчевецкий признан виновным в том, что на протяжении ряда лет среди окружавших его лиц проводил антисоветские высказывания, подвергал критике отдельные мероприятия, проводимые ВКП (б) и Советским правительством, клеветал на советскую действительность и демократическую свободу в СССР, восхвалял буржуазную демократию Англии и США… Изобличается показаниями свидетелей… Виновным себя признал… За антисоветскую деятельность заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет» [15].

Составляя в 1954 году прошение о снятии судимости, Михаил Янчевецкий писал: «Не считаю возможным излагать то, что представлял собой „строгий режим следствия“ в Лефортовской тюрьме». Лев Гумилев – сын Анны Ахматовой, молодой историк, арестованный в ноябре 1949 года – вспоминал о Лефортовке лаконично: «Тут меня били мало, но памятно». «Методы следствия и стремление предотвратить возможность распространения репрессий на моих родных вынудили меня признать обвинение и подписать протоколы показаний, составленные следователем», – объяснял Янчевецкий.

Отправили его в «Воркутлаг», распределили в ОЛП-59. «Воркутлаг», состоявший из десятков отдельных лагерных пунктов, давал стране уголь, строил шахты, добывал молибден, рубил лес, делал кирпич, цемент и стройматериалы, необходимые для освоения Заполярья. ОЛП-59 – это лесоповал…

Как жить, когда твой единственный сын попал в беду, а ты, всегда ценивший смелость и сочиняющий книги о сильных людях, не знаешь, чем ему помочь? «Мой дорогой мушкетер, у тебя все впереди, – писал ты ему из Ташкента, когда победа уже была близка. – Счастье у нас в руках, нужно только его не пропустить, не обронить…». «Ты говоришь: «Захотелось дороги, юга, бродить с трубкой в зубах и в сандалиях». Клянусь честным словом д’Артаньяна, что все это будет и, может быть бродить, мы будем вместе». Борясь с отчаянием, Василий Григорьевич перечитывал Мишины письма: «Что остается нам, если отнять надежду и убить волю? Надо питать первое и закалять второе» [16].

Ян был из той породы людей, что борются до последнего, до предела своих сил и возможностей. Он достучался до министра государственной безопасности Абакумова – создателя грозного СМЕРШа. Генерал позвонил лауреату Сталинской премии и предложил изложить просьбу письменно. «Глубокоуважаемый Виктор Семенович! – Ян тщательно подбирал слова, старался сохранить холодным рассудок, когда выстукивал письмо на машинке. – 16 мая с.г. был арестован мой сын, художник Михаил Васильевич Янчевецкий (ордер №843) … Как

сообщила мне жена моего сына, следствие закончено, и я хотел бы знать, в чем он обвиняется… Я не прошу снисхождения к моему сыну: если он виноват, он подлежит наказанию. Я прошу только сказать мне, в чем его вина… Я уже очень стар. Мне 75 лет. Арест моего сына является для меня огромным и неожиданным ударом. Мне важно получить разъяснения, в чем обвиняется мой сын, которого я воспитывал, чтобы сделать его полезным советским человеком» [17].

Что ответил Абакумов и ответил ли – неизвестно. Участь Михаила Янчевецкого была решена уже фактом ареста, как и тысяч других обвиняемых по 58-й статье, независимо от их заслуг. Ахматова писала самому Сталину, но ее Левушка получил 10 лет лишения свободы «за террористические намерения и антисоветскую агитацию» [18].

***

Ян продолжал работать. Пока работал – черные мысли не лезли в голову. Он уступил пожеланию издательства и разделил «Золотую Орду» на две части – повесть о юности и победах Александра Невского и роман о последнем походе Батыя. Но сил оставалось совсем мало. Сохранилась рабочая тетрадь Яна, датированная ноябрем 1949 года. На первой ее странице наклеена вырезка из журнала – фотография фрагмента звездного неба. Ниже подпись карандашом: «Моя родина – созвездие Плеяд, куда я надеюсь когда-нибудь вернуться». Попытайтесь представить, что может твориться в душе человека после стольких жесточайших ударов. И, тем не менее, он создавал любимые пленительные образы.

…В нескольких шагах от большого шатра Гаврила Олексич остановился, решив выполнить все татарские обычаи и причуды, помня, что на чужом пиру надо покоряться хозяину. Слуги разостлали на дорожке, ведущей к шатру, полосы шелковой розовой ткани, незримая рука отодвинула ковер, и вдруг из шатра выскользнула гибким движением пантеры молодая женщина и замерла настороженная. На ярком солнце сверкали золотые и серебряные запястья и браслеты, украшавшие тонкие руки и щиколотки стройных ног…

Ян переписал страницы о поездке Александра Ярославича в Орду, во главе русского посольства поставил ближнего дружинника князя. В издательстве категорически не хотели публиковать рассказ о том, как Александр Невский ездил «на поклон» к Батыю (хотя Югов в своем романе описал визиты

князя в ханскую ставку как дальновидную дипломатию, и такой же замысел был у Яна). «Я весь вечер погружался в русскую историю, и я убеждался, как не прав был А.А-й, какая сложная была обстановка и свары князей в XIII веке» (запись в дневнике от 18.IX.49). «Стараюсь выправить Александра Н., хочу показать его необычайным, молодым, пламенным» (14.XII.50). «Мне теперь очень жаль, что я согласился на разделение моего такого „полноводного“ романа. Все же сделаю все возможное, чтобы два романа-подростка сказали что-либо новое» (24.XII.50).

О том, что случилось в семье, знали только те, кто не мог не знать. Для всех других Миша Янчевецкий уехал в длительную командировку на север. «Миша пишет хорошие, оптимистичные письма, говорит, что много работает и над любимым делом, и над собой, много читает, занимается самообразованием, – сообщал Ян Александре Огневой. – Мы с нетерпением ждем его возвращения» [19].

Погружаясь в прошлое, Ян не забывал о том, что диктовало настоящее. «Да хранит тебя нимфа удачи! Но от тебя требуется неусыпная осторожность, чтобы не сделать по рассеянности ненужных вещей», – предупреждал он дочь Женю, преподававшую историю зарубежного театра в ГИТИСе. В конце 1940-х Василий Григорьевич по просьбе издательства подготовил «Творческую автобиографию» и дополнил ее словами: «В моих книгах я старался рассказать о героизме мирных народов, дававших мужественный отпор любым вторгавшимся в их пределы хищникам… Этим я надеялся внести свою посильную долю в дело торжества справедливости и добра, в великую идею мира, знаменосцем которой был и навсегда останется товарищ Сталин». Так полагалось. В Сталина верили, даже если осознавали, какую государственную систему выстроил «мудрый вождь и учитель». После великой победы этот человек стал абсолютно велик и всевластен. Анна Ахматова, когда под следствием оказался ее сын, на день рождения Сталина сочинила панегирик: «И благодарного народа вождь слышит голос: „Мы пришли сказать – где Сталин, там свобода, мир и величие земли!“».

Единственная критическая ремарка о настроениях времени, обнаруженная мной в записках Яна, касается отказа «Литературной газеты» напечатать его статью о Ленинской библиотеке. Дата – 9 февраля 1950 года. « [Редакция] известила, что гонорар за нее все-таки мне выплатят. А мне этого и не нужно. [Статья] не пойдет потому, что написана не в том стиле, как требуется «у нас», а я писал очень точно и спокойно, без той истерики, которая сейчас завелась, т.е. кого-то громить» [20].

«Литературная газета» – печатный флагман борьбы с космополитизмом и безыдейностью – разогналась настолько, что принялась разбирать творчество лауреатов Сталинской премии: прозаиков Катаева, Панферова, драматурга Софронова. Ее главный редактор Ермилов еще в марте 1949 года на совещании в отделе агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) пообещал вести «борьбу за советский патриотизм гораздо более углубленно». Но, в конце концов, потерял чувство меры и начал подкапывать под генерального секретаря Союза советских писателей Фадеева, якобы не сумевшего «мобилизовать литераторов на повышение идейно-художественного качества литературы». Фадеев пожаловался Сталину, и в феврале 1950 года Ермилова сняли с должности. Сейчас публично-закулисное соперничество писателей и критиков за то, кто вернее понимает указания партии и настроения ее вождя, кажется дурной фантасмагорией. Но тогда это был вопрос творческой жизни и смерти, а подчас не только творческой. Одни интриговали, другие приспосабливались, третьи старались, как могли, держаться в стороне.

Ян дружил с самым, пожалуй, необычным и отторгнутым официозом писателем Москвы – Сигизмундом Кржижановским. Преподаватель студии Камерного театра, автор нескольких киносценариев и оперных либретто, знаток истории и теории театра и литературы, печатавшийся в «Литературном критике», он с середины 1920-х не смог издать ни одного своего рассказа или повести. Последнюю попытку Кржижановский предпринял в 1946 году. Редакторы чувствовали чужеродность сочинителя, хотя тот и числился в Союзе советских писателей. Кржижановский любил иронию, гротеск и просто фантазию. Герой одной из его новелл может сочинить удивительную историю, увидев деревянную стружку, гонимую ветром по бульвару, или приметный карниз на стене здания. Он уверен, что мир вокруг наполнен литературными темами: «И во сне, и в яви, из каждого окна, из всех глаз, событий, вещей, слов – роями…».

Свою прозу Кржижановский читал в кругу родственников и друзей. У них же на всякий случай прятал рукописи после закрытия Камерного театра в 1949 году. Однажды Ян, будучи в гостях у художника Бехтеева сказал, что Кржижановский – писатель, чье присутствие сделало бы честь любой литературе мира. Создателя нескольких десятков неопубликованных новелл и повестей, уставшего сопротивляться действительности, хоронили в новогодние праздники. «Думаю о том, что надо сделать, чтобы его труды, мысли и литературные фантазии

сохранились для вечности, для потомков, – писал Янчевецкий вдове Анне Бовшек в январе 1951 года. – Я надеюсь, что придет время, когда будут разыскиваться выдающиеся произведения 20-го столетия, особенно покойных авторов, может быть, недостаточно оцененных современниками… Я верю в сказки и люблю их, как их любил и наш покойный друг» [21].

А книги Василия Яна, уже известные, продолжали выпускать. Воениздат во второй половине 1940-х дважды переиздал и «Чингиз-хана», и «Батыя». «Советский писатель» включил лауреатский роман в «Библиотеку избранных произведений советской литературы». «Чингиз-хана» перевели и напечатали в Лондоне, Варшаве, Будапеште, Софии, Загребе, Улан-Баторе, Торонто. Югославское издание с краткой биографией автора попало в руки Ольги Янчевецкой.

Ольга была уверена, что ее муж и сын сгинули в буре гражданской войны. Сама она из Петрограда бежала в Крым и покинула Россию в 1920 году на одном из кораблей врангелевской эскадры, уходившей из Севастополя. Недолгая остановка в Стамбуле, путь в Королевство сербов, хорватов и словенцев, принимавшее русских эмигрантов. Ольгу кормил голос – замечательное меццо-сопрано. Поначалу выступала в ресторанах Загреба, затем получила ангажемент в Белграде. Столица приняла ее восторженно: «Весь Белград знал Ольгу Янчевецкую. Ого-го! Когда Янчевецкая, бывало, в „Казбеке“ поет – кельнеры не служат». Она не пела при немцах – принципиально. А после войны послушать ее романсы приходил сам Тито – премьер-министр социалистической Югославии.

Из рассказов Михаила Янчевецкого: «Ольга Петровна, будучи в Сербии, связалась со своими родственниками, жившими в белорусском городе Пинске. Они переписывались, она им деньги посылала, помогала. И спрашивала: „Где же Василий Григорьевич и мой сын Миша?“ Те ничего не могли ей ответить. В общем, было решено, что мы погибли. Она узнала о моем отце, его судьбе и о том, что мы живы, когда вышли в переводе его книги… Стала писать в Москву, разыскивать нас. Но сын в это время был там, куда Макар телят не гонял, а до отца письма не доходили стараниями его жены Лидии Владимировны… К нему приезжал из Пинска сын сестры Ольги Петровны – Игорь, который все и рассказал. Но они не встретились все равно, даже не связались» [22].

Большая политика неизбежно вторгается в личную жизнь. Дружественная Югославия, не пожелавшая во всем следовать указаниям из СССР, превратилась в оплот империалистической реакции на Балканах. В октябре 1949 года из Москвы выслали

югославского посла, обвиненного в шпионской и подрывной деятельности против Советского Союза, и все межгосударственные связи были прекращены. Югославское правительство в советских газетах именовалось не иначе как бандой убийц и шпионов, ставшей орудием мирового империализма в борьбе против социализма и демократии. О частной переписке с Белградом не могло быть и речи…

***

Ян радовался подраставшей внучке Маше, очень напоминавшей Мишу, когда тот был маленьким. Радовался, что он все еще нужен: «Был в Центральном Доме пионеров, где делал сообщение в кружке юных историков. Очень симпатичные искатели робко бродят в историческом материале и не знают, как приступить к разработке избранной темы. Я надавал им много советов, рассказал, как я сам работаю…». Переписывался со своими бывшими гимназистами – поэтом Всеволодом Рождественским, писателями Евгением Федоровым и Леонидом Борисовым. Думал о новых повестях – «Детство Гомера», «Юность Чингиз-хана», «Вернувшийся Спартак». «У меня в плане восстановить «Огни на курганах», добавить новые главы…».

А еще хотелось сочинить продолжение «Финикийского корабля», повесть об Авиценне и о великом византийском полководце Велизарии. Поэтому Ян иногда обижался на самого себя: «Играл в городки с мальчиком Севой; мои палки летели совсем не туда, куда я их хотел бросать! Куда девалась моя молодость, верный прицел, неукротимая воля?»; «Я очень ослабел, часто задыхаюсь, стали вялыми ноги…». Василий Григорьевич согревался чтением книг и светлыми снами: «Сегодня ночью мне приснился Ашхабад. Я, молодой, еду на Италмазе, кругом степи… Приятное сознание, что подо мной нервный, порывистый конь…».

В апреле 1952 года Детгиз выпустил «Юность полководца». «Литературная газета» отметила ее появление четырьмя строчками в рубрике-колонке «Новые книги для детей»: «Историческая повесть из жизни Александра Невского. Для среднего возраста. Рисунки А. Самохвалова. 224 стр.».

В мае Ян отдал в Гослитиздат рукопись романа «К последнему морю». Даже после всех сокращений и переделок виден был размах авторской фантазии. Повествование начинается в Багдаде, под светом равнодушной полной луны, совершающей по небу свой обычный путь. Резчика печатей Дуду Праведного

ведут во дворец халифа, и он – на все воля Аллаха! – уговаривает повелителя правоверных отправить посла в ставку Бату-хана. Там мудрая гадалка пророчит Абд ар-Рахману дорогу, освещенную заревом пожаров и красную от крови. Посол отправляется на Запад вместе с монгольским войском, его сопровождает Дуда – знаток многих языков, и только в самом конце читатель узнает, что он на самом деле монах-доминиканец, спасшийся от смерти под личиной мусульманина. На берегу Днепра Абд ар-Рахман сочиняет письмо: «Передо мною раскинулась главная столица царства урусов, это большой и прекрасный город…». А за стенами города, ничего не ведая о татарской силе, запирает дверь своей землянки новгородец Вадим – в Киеве он думал стать иконописцем, но взял палицу. Все народы (то тут, то там Ян показывает отдельные лица) и все нити событий прошлого сошлись и сплелись на страницах романа. Из монгольского стана читатель переносится на Сицилию, где германский император Фридрих с тревогой читает вести о вторжении свирепых азиатских варваров. Торжествующий Батый проходит с огнем и мечом от Итиля до Адриатики, но и он осознает цену побед: «Что с того, что я разрушил и сжег Кыюв? Я потерял на земле урусов слишком много своих лучших воинов…». Хаджи-Рахим по-прежнему сопровождает грозного хана и пытается в аду войны осуществить хоть толику справедливости. Но финал у книги странный, Хаджи-Рахим будто обрывает повествование, даже не намекнув, что случилось с ним и Бату-ханом после похода на «вечерние страны»: «Вспоминая все, что я слышал и видел за эти страшные годы, я могу только пожелать моим будущим читателям, чтобы им не пришлось испытать самое ужасное, что может быть в нашей жизни, – всесокрушающего урагана жестокой и бессмысленной войны».

Лев Разгон, сочинивший в 1960 году первый критико-биографический очерк о Василии Яне, отмечал: «После того, как из романа была вынута чуть ли не большая его часть, он стал фрагментарным, утратил обычную для книг Яна композиционную стройность… В романе можно найти места, которые кажутся конспектами исторических хроник и монографий. Это скорее похоже на следы подготовительной работы писателя, нежели на авторский текст всегда очень взыскательного к себе художника. Отдельные места книги, отмеченные несвойственными В. Яну беглостью, манерностью кажутся особенно чужеродными рядом с большинством ее страниц, где писатель точно, ярко и динамично развертывает сюжет романа» [23].

Рукопись приняли, но не торопились сдавать в набор.

В аннотации к очередному переизданию «Чингиз-хана» говорилось, что автор работает над окончанием трилогии, однако «К последнему морю» даже не включили в издательский план на 1953 год.

***

Наверное, всем в СССР март 1953 года показался «концом времен». Понимали этот конец по-разному. У кого-то были слезы, ощущение потерянности, вопросы «Как же мы теперь?». Но кто-то думал о том, что кончилось время страха, когда все в стране зависело от взглядов и настроений одного человека.

4 марта газеты напечатали бюллетень о состоянии здоровья товарища Сталина. Утром 6 марта по радио сообщили о смерти вождя. «Вся сознательная жизнь у меня проходила тогда, когда первым секретарем ЦК был Сталин. Все достижения в мирное и военное время, художественные произведения, идеологическое воспитание было связано с именем Сталина, – вспоминал современник. – Позволю себе сказать, что так было не со мной одним. Когда Сталин умер, я видел слезы на глазах многих людей. Причем слезы не показные, а идущие от чистого сердца» [24].

Центральная и местная пресса пестрела призывами и обещаниями «еще теснее сплотиться». «Руководство Союза советских писателей сейчас, как никогда, должно усилить работу по воспитанию советских писателей в духе беззаветного служения партии, продолжающей дело Ленина-Сталина, ведущей народ по указанному Сталиным пути, – напоминала „Литературная газета“. – Долг руководства Союза советских писателей и всей писательской общественности – еще надежнее оградить советскую литературу от проникновения в нее чуждых людей и чуждой идеологии. Крупные идеологические ошибки и извращения, имевшие место в некоторых произведениях, опубликованных в последнее время, свидетельствуют о притуплении бдительности в Союзе советских писателей, о том, что порою за „красивой“ фразой, за удачно написанным эпизодом многие наши ведущие писатели и критики не умели различить идейную гниль» (19 марта 1953 года).

Но в президиуме ЦК КПСС во главе с новым генеральным секретарем Никитой Хрущевым уже обсуждались «мероприятия по исправлению последствий нарушений социалистической законности». А 7 июля на пленуме ЦК КПСС постановили снять со всех постов и исключить из партии первого заместителя

председателя Совета министров СССР, министра внутренних дел Лаврентия Берию. Обвинения выдвигались и следствие велось по тем же лекалам, какими пользовались в ведомстве Берии – антисоветский заговор, шпионаж и подрывная деятельность.

Страх перед госбезопасностью, копившийся десятилетиями, прорвался наружу. «Светлое будущее наших детей, кровь, пролитая советскими людьми при защите Родины, незапятнанная чистота знамени великой Коммунистической партии, – негодовал Михаил Шолохов, – заставляют нас требовать от Верховного Суда СССР вынесения Берия самого сурового, самого беспощадного, а стало быть, и самого справедливого приговора. Имя Берия проклято и будет навсегда забыто советским народом» («Литературная газета», 16 июля 1953 года). «Московские писатели в резолюции, принятой единогласно, присоединяют свой голос к голосу всего пародa, требующего самой суровой кары изменникам» («Литературная газета», 22 декабря 1953 года). Резолюцию подписали трижды лауреаты Сталинской премии Николай Тихонов и Сергей Михалков, дважды лауреаты Алексей Сурков, Борис Полевой и Николай Грибачев, лауреаты Василий Ажаев и Вениамин Каверин.

Берию и его ближайших соратников по органам госбезопасности приговорили к высшей мере наказания.

«Московские писатели заверяют, что все свои творческие силы отдадут созданию книг, помогающих нашему героическому народу строить коммунизм…». Но о каких издательских планах могла идти речь, когда страна начинала столь крутой разворот? «Много еще перестраховки в издательствах и в журналах, трусости», – говорил секретарь СП СССР Константин Симонов («Литературная газета», 14 июля 1953 года). Директор Гослитиздата, рассказывая о планах на 1954 год, не упомянул ни одного нового произведения советских писателей, только лишь: «Мы уточнили тиражи, передвинули очередность выпуска отдельных изданий, дополнили некоторые разделы плана новыми названиями» («Литературная газета», 22 декабря 1953 года).

Василий Ян не просил ничьей помощи, однако Лидия Янчевецкая на исходе февраля 1954 года отправила письмо Александру Фадееву, поведав о мытарствах романа «К последнему морю». Фадеев, больной и озабоченный борьбой за влияние в Союзе советских писателей (теперь он просто секретарь правления), ответил только 19 июля: «Я немедленно проверю, как обстоит дело с изданием рукописи „К последнему морю“ и реализуется ли план „Советского писателя“, предусматривающий переиздание „Батыя“… Если дело стоит на мертвой точке, я попытаюсь помочь Василию Григорьевичу,

книги его, несомненно, должны быть изданы. Передайте ему мой самый душевный привет» [25].

Но Ян к тому моменту дождался несравненно более желанного. Вернулся Миша.

4 мая 1954 года президиум ЦК КПСС утвердил постановление о создании центральной и местных комиссий по пересмотру уголовных дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления Особым совещанием при НКВД-МГБ-МВД и «тройками» НКВД-УНКВД. Реабилитация началась.

Правда, Михаила Янчевецкого освободили 22 мая 1954 года без снятия судимости – досрочно, «с применением зачета рабочих дней». Всем отсидевшим по 58-й статье временно запрещалось проживание в крупных городах. Бывшему заключенному воркутинского ОЛП-59 предложили выбрать место жительства из числа возможных. Михаил выбрал подмосковный Можайск [26].

***

У отца ему дозволялось побывать только проездом. Василий Ян на лето снял на тихой улочке Звенигорода небольшой домик с красивым садом. Он чувствовал себя совсем плохо, и когда хотел поработать над рукописями «на воздухе», жена иногда приходилось вывозить его на каталке.

«В маленькой комнате головой к окну лежал отец на низкой кровати, выбритый, причесанный, в свежем белье, – вспоминал Михаил Янчевецкий в своей книге, умолчав об обстоятельствах встречи. – На первый взгляд он был тот же, без следов усталости, истощения, забот на лице, только коротко остриженные густые волосы и щеточка усов совсем посеребрились. Но светло-голубые глаза смотрели на меня растерянно, изучающее, словно не узнавая, и все наполнялись слезами. Я долго и о многом рассказывал отцу, спрашивал его, а он молчал. На веранде, где мы обедали, отец не глядел ни на кого за столом, а все смотрел вдаль – поверх веток яблонь и темной зубчатой линии леса, словно ловил взглядом тени летучих облаков на розовом угасавшем небе, словно сам хотел улететь вслед за облаками, далеко, туда, где он, молодой и сильный, бродил пешком или ехал верхом на восток – в голубые дали Азии, или на запад – к зеленым волнам Балтики, или на юг – к ласковым водам Адриатики…» [27].

Ян уговорил сына написать прошение о реабилитации в президиум Верховного совета СССР. Сам собрался с силами

и подготовил собственное письмо на имя председателя президиума, маршала Советского Союза К. Е.Ворошилова: «Прошу принять к рассмотрению приложенное к сему прошение сына о пересмотре его дела и снятии судимости и разрешить ему проживание в Москве, учтя то, что для нашей дальнейшей совместной жизни и работы, для меня, может быть, осталось мало времени, а сделать хочется многое» [28]. Обращение зарегистрировали в канцелярии Ворошилова на следующий же день, 19 июня. Но Мише вскоре пришлось уехать далеко от Москвы. В Можайске для него не нашлось работы, и в начале июля Михаил Янчевецкий сел в поезд до Воронежа, где в городской строительной конторе «Облпроекта» ему пообещали место архитектора. По новому адресу он получил две телеграммы от сестры Жени о тяжелой болезни отца – воспалении легких. И 5 августа 1954 года – телеграмму о смерти.

Михаил успел приехать на последнее прощание. «В гробу над множеством цветов лицо отца, моложавое, лишь побледневшее, выглядело живым; губы слегка улыбались, и мне казалось, что он вот-вот откроет глаза, окинет всех добрым взглядом и, как обычно, шутливо скажет: „Не грустите. Эта сказка еще не кончилась! Посмотрим, что нас ждет впереди – там, среди созвездия Плеяд!“».

***

В начале 1955 года Гослитиздат наконец-то выпустит роман «К последнему морю». Той же осенью Михаил Янчевецкий вернется в Москву, добившись снятия судимости. Спустя три года он подготовит к печати «Огни на курганах» в том виде, в каком хотел издать их отец, с новыми главами, сочиненными в эвакуации. Отношения СССР с Югославией постепенно нормализуются, и в 1970 году Ольга Петровна Янчевецкая приедет в Москву, после невероятно долгой разлуки обнимет совсем уже взрослого сына.

Михаил Янчевецкий, став профессиональным архитектором, в 1975 году организует в Центральном доме Литераторов им. Фадеева торжественный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Василия Яна. Востоковед Николай Федоренко, главный редактор журнала «Иностранная литература», произнесет речь: «Трудно представить людей нашего поколения, незнакомых с великолепными сочинениями Яна. Истинный художник не заканчивает свой век тем сроком, каким определена его жизнь. Его творения, книги остаются вечным нашим достоянием…».

В октябре 1954 года Гослитиздат включил произведения В. Яна в пятилетний план выпуска собраний сочинений советских писателей – наравне с произведениями В. Катаева, Н. Островского, К. Паустовского, М. Пришвина, А. Толстого, А. Фадеева, К. Федина, М. Шолохова [29]. Намерение по неясным причинам не осуществиться, но книги Яна продолжили выпускать по отдельности. Когда в 1988 году комиссия по литературному наследию Яна при издательстве «Правда» возьмется за подготовку собрания его сочинений, то подсчитает: «Финикийский корабль» выдержал 12 изданий в СССР, «Огни на курганах» – 17 изданий в СССР и за рубежом, «Спартак» – 23 советских и заграничных издания, «Чингиз-хан» – 120 изданий в СССР и 30 странах мира на 50 языках, «Батый» – 90 изданий на 35 языках, «Юность полководца» – 25 советских и заграничных изданий, «К последнему морю» – свыше 30 изданий в СССР и 20 изданий за рубежом.

За тридцать лет до появления первой повести Василия Яна петербургский журнал «Русское богатство» поместил рецензию на сборник очерков «Записки пешехода». «Нам, знающим Решетникова, Левитова, Слепцова, Златовратского и, в особенности, Глеба Успенского, как-то странно и отчасти даже конфузно читать эти рассказы. Представьте себе, что вы только что вернулись с выставки, на которой видели картины Репина, Васнецова, Маковского и пр., а дома вас поджидает знакомый гимназист, который принес и с гордостью показывает вам акварель собственного изделия. „Как вам нравится?“ – „Очень, очень, голубчик, недурно, продолжайте, может быть, впоследствии и выйдет какой-нибудь толк“. Это самое мы желали бы сказать и г. Янчевецкому…» [29].

Насмешливое пожелание оказалось пророческим. Книги Василия Яна переиздаются в России до сих пор.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. М.В.Янчевецкий. Писатель-историк Василий Ян. Стр. 175—176.

2. Письмо от 7/XII.1943. – РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.140, л.12—12об.

3. М.В.Янчевецкий. Комментарии к роману «Юность полководца». / В. Ян. Собрание сочинений. Т.4. – М., 1989. В конспекте доклада «Александр Невский и Батый», подготовленном в 1950 году, Ян отметил: «Какие главные источники дают возможность выяснить образ и жизнь Александра? Их до крайности мало. Основным является написанное неизвестным монахом в конце XIII – начале XIV века «Житие Александра», очень краткое, многократно

переписывавшееся и подвергавшееся переделкам… Я стал искать каких-нибудь данных об эпохе Александра и о нем лично в шведской, немецкой, литовской исторической литературе…». Доктор исторических наук Иван Греков (сын крупнейшего знатока Древней Руси Бориса Грекова, специалист по истории отношений стран Восточной Европы и Золотой Орды) так оценивал творческий метод Яна: «При воссоздании грозных событий 20—40-х годов XIII века писатель добился большого приближения своего повествования к реальной исторической действительности. Надо сказать, что добивался автор этого главным образом одним средством – самым тщательным изучением полюбившейся ему эпохи, исследованием различных письменных источников, историографии… Ян не мог принять надуманных построений [советской историографии 1930-х годов]. Он предпочел вести самостоятельные исследования заинтересовавшей его эпохи» (В. Ян. Собрание сочинений. Т.2. – М., 1989. Стр. 539—540).

4. Дневниковая запись от 05.01.1946. / Д.С.Самойлов. Поденные записи. Том 1. – М., 2002.

5. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.135, л.4.

6. Отрывок из третьей части воспоминаний В. Яна – «Голубые дали Азии», полностью опубликованной в 1985 году в сборнике «Огни на курганах». Первые две части – о детстве и юности писателя и странствиях по России – печатались лишь в сокращенном виде в альманахах «Детская литература».

7. Дневниковые записи Яна 1948—1951 годов цитируются по источникам: М.В.Янчевецкий. Комментарии к романам «К последнему морю», «Юность полководца». / В. Ян. Собрание сочинений. Т.3,4; М. Янчевецкий. Послесловие. / В. Ян. К последнему морю. – Воронеж, 1991.

8. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.135, л.6.

9. О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии. // «Вопросы истории», №2, 1949; Заседание ученого совета Института истории АН СССР 24—28 марта 1949 года. // «Вопросы истории», №3, 1949.

10. А. Югов. Даниил Галицкий и Александр Невский. // «Вопросы истории», №3—5, 1945. Надо сказать, что как писатель и исследователь Югов был довольно ревнив. В 1945 году он издал свой перевод «Слова о полку Игореве». Профессиональные филологи указали на множество недопустимых вольностей и слабо обоснованных толкований, но Югов в ответных статьях отметал любую критику. В 1950 году в серии «Литературные памятники» вышел комментированный перевод «Слова», сделанный доктором филологических наук Дмитрием Лихачевым; на научном совещании в Институте русской литературы АН СССР

Югов в своем выступлении раскритиковал прежние переводы и упрекнул Лихачева в том, что тот не учел его прочтение древнерусского эпоса.

11. П. Павленко. Немеркнущая слава былых времен. // «Литературная газета», 08.10.1949. Там же отмечены недостатки книги: «тяжеловесная и не всегда оправданная стилизованность русской речи» и осовременивание отношений ее героев: «Желать, чтобы XIII столетие точь в точь напоминало наше, мне думается, неоригинально и просто неверно». А. Фадеев в 1947 году в рецензии на рукопись «Даниила» подчеркивал: «язык романа перегружен архаизмами», «историко-описательная часть занимает непропорционально большое место», тем не менее, роман «заслуживает высокой оценки», поскольку «впервые открывает читателю примечательный период русской истории, отмеченный двумя выдающимися государственными деятелями Даниилом Галицким и Александром Невским». Убедительность романов Югова оказалась такова, что некоторые придуманные им моменты до сих пор пересказываются как достоверные (например, якобы князь Александр побратался с царевичем Сартаком – сыном Батыя; что советником ханов Батыя и Берке «по делам Европы» был рыцарь-тевтон Альфред фон Штумпенхаузен).

12. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.280; К столетию со дня рождения В. Яна. Строки из писем (1941—1946 гг.). – «Литературная газета», 15.01.1975.

13. Справка спецотдела МВД СССР о количестве осужденных по делам органов НКВД-МГБ-МВД за 1939 – 1953 гг. / Реабилитация: как это было. Документы. Т.1. – М., 2000. В 1937 году, согласно другой справке спецотдела, за контрреволюционные преступления арестовано 779 000 человек, в том числе по ст.58—10 – 234 300 человек.

14. ГА РФ, ф. Р-7523, оп.89, д.4387, л.7—9.

15. Там же, л.2,15,16.

16. Письма В. Янчевецкого от 29/X.1944 и 5/VI.1944. – РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.155, л.7об,8; письмо М. Янчевецкого от 29/VIII.1943. – РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.280. Эти строчки в письме сына Ян подчеркнул красным карандашом.

17. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.156, л.2. Ян имел привычку хранить копии отправленных писем. Копия данного документа – без даты; письмо начинается и заканчивается словами благодарности за то, что адресат откликнулся на просьбу автора выслушать его.

18. Ахматова просила буквально теми же словами, что и Ян: «Я уже стара и больна и я не могу пережить разлуку с единственным сыном. Моей лучшей мечтой было увидеть его

работающим во славу советской науки» (24.04.1950). Конечно, поэтесса не знала, что ее сына водили по тем же тюремным коридорам и обвиняли в том же, что и сына писателя, который в Ташкенте «прочел мне двухчасовую лекцию о Чингиз-хане» (об этом знакомстве упомянуто в изданных дневниках переводчицы С.К.Островской).

19. РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.146, л.1. А. Огнева жила в Кирове, преподавала в школе русский язык и литературу, за безупречную работу была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Переписывалась с В. Яном и С. Концевич.

20. Письмо к Е. Можаровской от 4/VIII.1951. – РГАЛИ, ф.2822, оп.1, д.140, л.15об; Творческая автобиография. – Там же, д.291, л.6; Запись от 9/II.1950. – Там же, д.98. Тетрадь «Скитания». Информация к размышлению: в сборнике «Лирический дневник» Симонова, принадлежавшем Яну, в стихотворении о Сталине подчеркнуты строки: «Как наше счастье, мы увидим снова твою шинель солдатской простоты, твои родные, после битв суровых немного постаревшие черты».

21. Источники цитат: вступительные статьи В. Перельмутера к сборникам повестей и новелл С. Кржижановского «Воспоминания о будущем» и «Возвращение Мюнхгаузена» (М., 1989, 1990).

22. Из интервью М. Янчевецкого газетам «Газета» и «Центр Азии».

23. Цитируется по изданию 1969 года (стр.138—141).

24. Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. – М., 2005. Стр. 66.

25. РГАЛИ, ф.1628, оп.1, д.515, л.1.

26. ГА РФ, ф. Р-7523, оп.89, д.4387, л.14.

27. М.В.Янчевецкий. Писатель-историк Василий Ян. Стр. 178—179.

28. ГА РФ, ф. Р-7523, оп.89, д.4387, л.6.

29. Художественная литература в 1955—1959 годах. // «Советская культура», 26.10.1954.

30. Новые книги. / «Русское богатство», №8, 1901.

Автор благодарит за содействие в изучении архивных и иных документальных материалов сотрудников Государственного архива РФ, Научной библиотеки ГА РФ, Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного военного архива, Российского государственного исторического архива, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Государственного архива новейшей истории Костромской области, отделов периодики Российской государственной библиотеки и Государственной

публичной исторической библиотеки России, а также владелицу букинистического магазина Biblionne Екатерину Кухта.